

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 12 (2017)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь
2017

*Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 6 от 30.08.2017)*

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», кандидат политических наук, доцент

Заместитель главного редактора — О. Б. Элькан, кандидат культурологии

Члены редакционной коллегии:

О. А. Грива, доктор философских наук, профессор (Россия)

Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент (Россия)

А. В. Ишин, доктор исторических наук, доцент (Россия)

В. В. Майко, доктор исторических наук (Россия)

А. А. Масленников, доктор исторических наук, профессор (Россия)

А. А. Непомнящий, доктор исторических наук, профессор (Россия)

Н. И. Платонова, доктор исторических наук (Россия)

В. Ф. Санжаровец, старший научный сотрудник ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия)

Т. В. Умрихина, кандидат философских наук, генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»

А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор (Россия)

С. В. Юрченко, доктор политических наук, профессор (Россия)

Ответственный секретарь выпуска — Л. В. Блинова

Редактор — Г. Н. Гржибовская

Таврические студии. — Симферополь : ООО «Антиква», 2017. — № 12. — 194 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2017

© ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», 2017

© ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»

© Оформление. ООО «Антиква», 2017

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБУ РК «ВОСТОЧНО-КРЫМСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

ГБОУ ВО РК «КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ,
ИСКУССТВА И ТУРИЗМА»

ФГБОУ ВО «КЕРЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МОРСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МАТЕРИАЛЫ

**МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

**НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА**

10–12 августа 2017 г.

г. Керчь

Дорогие коллеги!

Государственный Эрмитаж и Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник связывают прочные узы длительного и плодотворного сотрудничества, которое нашло отражение в многочисленных совместных мероприятиях.

История музея является одной из ярких страниц в летописи становления отечественной археологической науки.

Ваш музей по праву считается одним из старейших музеев юга России, при этом представляет собой музей нового типа, в деятельности которого сочетаются сохранение традиций, изучение и сохранение историко-культурного наследия с инновационными подходами к их популяризации.

Интенсивное развитие Керчи в начале XIX века привело к массовым археологическим находкам. В настоящий момент, в связи с интенсивным строительством, Керченский полуостров переживает аналогичные процессы. Концентрация археологической мысли России сосредоточена сейчас с двух сторон от Керченского пролива. Это создаёт основу для будущих многолетних археологических работ и открытий.

Проведение в эти дни международной конференции «Археология и история Боспора. Новейшие археологические открытия 2016-2017 гг» очень актуально. Бережное и тактичное отношение к памятникам археологии, которые сейчас так активно исследуются, важная задача настоящего времени.

Мы очень дорожим нашим давним сотрудничеством, прошедшим испытания временем. Мы бережно храним и изучаем замечательные шедевры и археологические коллекции, происходящие с Керченского полуострова.

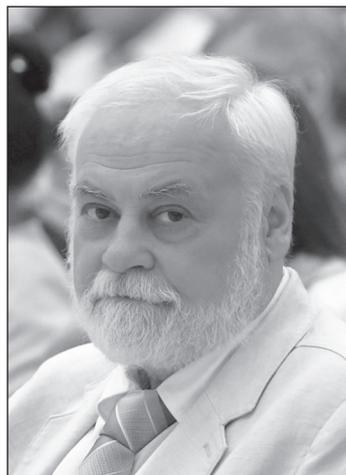
Работающие на протяжении десятилетий Нимфейская и Мирмекийская археологические экспедиции - яркий пример плодотворного сотрудничества учёных Эрмитажа и Восточно-Крымского музея-заповедника.

Желаю успехов в работе конференции.

Искренне Ваш

Генеральный директор Государственного Эрмитажа
Президент Союза музеев России
Академик РАН

М. Б. Пиотровский

От имени Института истории материальной культуры Российской академии наук рад приветствовать участников научно-практической конференции «Археология и история Босфора».

Становление отечественной археологии неразрывно связано с изучением археологических памятников Крыма и Тамани. Античные памятники Северного Причерноморья стали привлекать внимание уже с последней четверти XVIII века. Недаром Керченский музей древностей — открытый в 1826 году — один из старейших в России.

Изучение классических древностей на юге России было одной из приоритетных задач деятельности Императорской Археологической комиссии со времени её основания (1859). Эту традицию в XX — начале XXI века продолжила Государственная академия материальной культуры — Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел истории античной культуры ИИМК РАН многие годы разрабатывает тему «История и культура античных государств Северного Причерноморья и их взаимосвязь с культурами местного населения» и в её рамках — «Боспорские греки и их соседи в античное время».

Научные контакты с Керченским музеем всегда были одним из приоритетов Института истории материальной культуры РАН.

*Директор
Института истории материальной
культуры Российской Академии Наук*

В. А. Лапшин

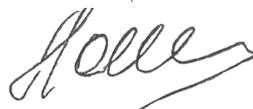
**Уважаемый коллектив Восточно-Крымского
историко-культурного музея-заповедника!
Уважаемые участники Конференции!**

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, отметивший в этом году 90-летний Юбилей начала своей археологической деятельности в Восточном Крыму выставочным проектом «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства», сердечно поздравляет вас с открытием научной конференции, посвященной истории и археологии Боспора — древнейшего государственного образования на территории современной России. Хочется особенно подчеркнуть важную роль Восточно-Крымского музея-заповедника, предоставившего на выставку «Пантикапей и Фанагория» ряд уникальных экспонатов: керамику из древнейшего слоя Пантикапея, статую богини Ники, закалывающей быка, фрагменты архаических алтарей, декрет о наёмниках, устав мистерий и др.

Значение конференции, организованной Восточно-Крымским музеем-заповедником, созданным на базе Керченского музея древностей — одного из старейших музеев Юга России и проходящей в период полевого сезона с участием ведущих археологов, трудно переоценить. Эта конференция, несомненно, служит еще одним свидетельством высокого научного потенциала музея-заповедника, подчеркивает его новый статус, как крупнейшего в Восточном Крыму учреждения науки и культуры, призванного преумножать и сохранять богатейшее, поистине уникальное историко-культурное наследие Крыма.

Сердечно поздравляю вас с открытием Конференции, желаю ей успешной работы по укреплению профессиональных и дружеских связей музейного, академического и образовательного сообществ нашей страны.

*Директор Федерального
государственного бюджетного учреждения культуры
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА» (ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА)*

 Марина ЛОШАК

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед Вами — новый выпуск журнала «Таврические студии» с материалами Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора», ныне переживающей свое второе рождение.

Хочется подчеркнуть важность конференции 2017 как предвестия важных, поворотных для Крыма и для России событий. Введение в 2018 году транспортного перехода — Моста, соединяющего материк с полуостровом, станет важной исторической вехой. Это не просто транспортный переход — это долгожданное возвращение на свою Родину, к истокам, и, если хотите, — торжество Справедливости! Безусловно, все это станет в недалеком будущем предметом изучения историков. Что касается многих керчан — мы этот день «приближали как могли». И сегодня музей-заповедник видит свою миссию в увековечивании поистине исторического момента.

Сотрудники нашего учреждения вместе с пресс-службой строительства Моста и археологической экспедицией ИА РАН (начальник экспедиции — заведующий Центром подводного археологического наследия С. Ольховский) создали «живую выставку» (постоянно пополняющуюся) «Крымский мост — фантастическая реальность». Удивительный исторический материал архитектора моста 1944 г. Б. Надежина, находки археологических экспедиций прошлых лет и сегодняшнего дня, а также история стройки в лицах и документах легли в основу экспозиции. Наша цель — создание Музея Моста в Керченской крепости.

2018-й станет годом целого ряда удивительных событий в нашем городе: будет введен в эксплуатацию автомобильный транспортный переход, пройдет XX юбилейный Международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны» — проповедник истории нашей древней Керчи. И нам бы очень хотелось отпраздновать новый статус нашего великого труженика, города-героя, как самого древнего города на территории России.

Мы подошли к этому событию мирового значения благодаря серьезной работе, проделанной, прежде всего, Пантикапейской археологической экспедицией Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, г. Москва (руководитель Боспорской (Пантикапейской) археологической

экспедиции — к.и.н., В. П. Толстикова). Важную роль сыграли также научные конференции «Археология и история Боспора», изданные книги и каталоги.

Результаты многолетнего труда концентрируются в двух главных документах — письме директора ГМИИ им. Пушкина М. Д. Лошак и выписке из заседания Ученого совета Института археологии РАН (Приложения 1,2).

Полагаю, что это серьезная победа в достижении обозначенной цели. Конференцию этого года мы решили посвятить новейшим исследованиям Боспорского царства, пригласив ученых, работающих на Боспоре. Данный научный сборник поможет нам собрать воедино основные результаты исследований, переосмыслить имеющиеся знания и продолжить изучение истории нашего региона.

Керчь — не просто город с многовековым прошлым. Он зародился как античный полис и был на протяжении нескольких столетий столицей Боспорского царства, первого государственного образования на территории нашей страны. Необходимо добиваться того, чтобы, как это было в случае с Дербентом, официально отметившим в 2015 году свое 2000-летие, Керчь тоже на государственном уровне отпраздновала свой 2625-летний юбилей, заявив тем самым свое старшинство среди древнейших городов страны.

*Генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник»*

Т. В. Умрихина

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ул. Дм. Ульянова 19, Москва, 117036 Тел. (499) 126-47-98 Факс (499) 126-06-30
E-mail: ia.ras@mail.ru http://archaeolog.ru
ОКПО 02698849, ОГРН 1027739836728, ИНН/КПП 7728023670/772801001

06.06.2017 № 14102/2115-1174

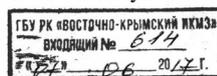
На №

Генеральному директору
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-
культурный музей-заповедник»
Т.В. Умрихиной

Глубокоуважаемая Татьяна Викторовна!

Институт археологии РАН рассмотрел вопрос о времени основании Пантикапея на заседании Ученого Совета 16 мая 2017 г. Во время этого заседания был заслушан доклад начальника Боспорской (Пантикапейской) экспедиции, заведующего Отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А.С. Пушкина, к.и.н. В.П. Толстикова. Помимо членов Ученого Совета, на заседании присутствовали специалисты в области классической археологии ИА РАН, ГМИИ им. Пушкина, МГУ, Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (Керчь), Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», ГИМ, Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», Крымского федерального университета (Симферополь).

В докладе В.П. Толстикова, посвященному результатам археологического исследования на городище Пантикапея в 2013–2016 гг. (раскоп Новый Верхний Митридатский), были представлены ранние материалы, происходящие из древнейшего слоя памятника. Эти находки характеризуют первоначальный период жизни апойкии, начиная с момента ее возникновения на вершине г. Митридат в ходе греческой колонизации региона. В основной своей массе они относятся к временному интервалу от рубежа 7–6 вв. до н.э. до середины 6 в. до н.э. В процессе обсуждения доклада были высказаны различные суждения относительно даты основания Пантикапея. Некоторые из выступавших

полностью поддержали выводы В.П. Толстикова, другие предложили скорректировать дату в сторону некоторого омоложения.

В результате заседания Ученый Совет ИА РАН пришел к следующему заключению. Самые ранние материалы, которые могут быть использованы для определения времени основания Пантикапея, представлены по преимуществу амфорной тарой и расписной керамикой ряда средиземноморских центров. Наиболее ранними образцами амфор являются обломки тарных сосудов, привезенных с о. Хиос. Они характеризуются веретенообразной формой тулова, наличием белой «облицовки» (плотного ангоба) и примечательного декора, выполненного красной (бурой) краской на горле и тулове. Такие амфоры датируются в пределах первой половины 6 в. до н.э. Расписная керамика состоит, главным образом, из посуды нескольких производственных центров: ионийская, коринфская, хиосская, фригийская и лидийская. Древнейшие образцы ионийской керамики, позволяющие наиболее обоснованно судить о времени основания колонии, представлены так наз. «ионийскими чашами», киликами с изображениями птиц, кратерами и столовыми амфорами «стиля диких козлов». Наиболее ранние фрагменты могут быть датированы рубежом 7 и 6 вв. до н.э. Самый древний обломок хиосского сосуда относится к этому же времени. Коринфская и фригийская керамика не противоречит этой дате.

Таким образом, можно вполне обоснованно говорить о рубеже 7–6 вв. до н.э. как о дате основания Пантикапея в ходе милетской колонизации. Из этого следует вывод о возрасте одного из древнейших на территории России городов – Керчи – не менее 2600 лет.

С уважением,

Директор Института археологии РАН,
академик

Н.А. Макаров

Федеральное государственное
бюджетное учреждение культуры
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА»
(ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА)

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 12
Тел. +7(495) 697-69-74
Факс +7(495) 697-46-74
e-mail: finearts@arts-museum.ru
http://www.arts-museum.ru

14.06.16 № 995/11
На № _____ от _____

2

Директору
Восточно-Крымского
историко-культурного музея-заповедника
УМРИХИНОЙ Т.В.

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА КЕРЧИ

(ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Глубокоуважаемая Татьяна Викторовна!

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина направляет Вам информацию относительно даты основания античного города Пантикапея – столицы Боспорского царства, давшего начало современному городу Керчи.

Боспорская (Пантикапейская) археологическая экспедиция нашего Музея ведет планомерные исследования городища Пантикапей с 1945 года. Этот памятник является одним из наиболее значительных античных центров на территории Северного Причерноморья. За годы раскопок накоплен обширный и разнообразный материал, обогативший коллекцию руководимого Вами Музея-Заповедника.

В течение последних двух полевых сезонов (2014-2015 гг.) Пантикапейской экспедиции ГМИИ им А.С. Пушкина, впервые за почти 200 лет истории раскопок, удалось открыть и исследовать на Верхнем плато Первого кресла горы Митридат (раскоп Новый Верхний Митридатский) участок древнейшего культурного слоя общей площадью 175 кв. м. Этот слой, толщиной до 1,4 м, залегающий непосредственно на поверхности материкового грунта, представлял собой сброс пожарища и перекрывал прямоугольное в плане здание, пристроенное к внутреннему фасу отрезка оборонительной стены. Значительный участок культурного слоя оказался перекрыт полом более поздней постройки, сооруженной в конце третьей четверти 6 века до н. э., и поэтому прекрасно сохранился.

Анализ керамического материала, полученного в процессе раскопок, показал, что в его составе в значительном количестве присутствуют редкие и уникальные для археологии Боспора фрагменты, принадлежащие восточно-греческим и эолийским центрам производства. Наряду с ними обнаружены образцы протокоринфских, протоаттических, хиосских, клазоменских сосудов, а также крупные обломки ранее не встречавшихся керамических изделий анатолийского производства. Анализ этих находок и археологический контекст позволяют датировать открытые сооружения и культурный слой периодом *от последней четверти 7 до середины 6 вв. до н. э.* Отсюда можно заключить, что строительные объекты принадлежат ко времени основания Пантикапея и могут быть датированы рубежом 7 – 6 столетий до н. э. (между 620 и 590 гг. до н. э.). Этот период и может рассматриваться в качестве даты основания города Керчи, а также служить доказательством того, что он является древнейшим городом на территории России.

Научный Отчет о раскопках Пантикапея в 2015 году начальника Пантикапейской экспедиции Музея, к.и.н. В.П. Толстикова, содержащий детальное изложение информации о датировке древнейшего слоя и сооружений Пантикапея, рецензирован Отделом полевых исследований Института археологии РАН, не встретил возражений и принят с правом получения Открытого листа на раскопки в 2016 году (копия справки прилагается).

С искренним уважением,

Директор Музея М.Д. ЛОШАК

Заведующий Отделом
искусства и археологии Античного мира

 В.П. Толстиков

009826

УДК 902/904

В. П. Толстиков, О. В. Тугушева, Н. С. Асташова

О времени основания Пантикапея

*В статье рассматриваются наиболее ранние керамические материалы, датирующие время основания милетской апойкии, ставшей впоследствии городом Пантикапеем — столицей Боспора Киммерийского. Эти материалы были получены в ходе планомерных раскопок Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на раскопе Новый Верхний Митридатский, расположенном на северном крае Верхнего плато вершины Первого кресла горы Митридат. Все приведенные в статье материалы и строительные остатки связаны со слоем пожарища (СП), явившимся результатом военной катастрофы поселения около середины 6 в. до н.э., завершившей **Первый строительный период**. Анализируемые фрагменты керамики маркируют время начала формирования этого древнейшего слоя в пределах последней четверти 7 в. до н. э. и, таким образом, датируют время основания Пантикапея и, следовательно — современной Керчи. Они позволяют утверждать, что Керчь является древнейшим городом на территории современной России.*

***Ключевые слова:** апойкия, Великая греческая колонизация, основание Пантикапея, об-
разцы древнейшей керамики, Первый строительный период.*

Появление на побережье Северного Причерноморья первых ионийских колоний-апоек, как их называли древние эллины, связано с завершающим этапом одного из важнейших явлений в истории древнегреческой цивилизации, именуемым в науке «Великая греческая колонизация». Этот сложный процесс пришелся на период с 8 по середину 6 в. до н. э. Из ряда крупных старых полисных центров, расположенных на Балканском полуострове, островах Эгейского бассейна и западном побережье Малой Азии, выходили корабли, на которых группы переселенцев-апоек, под предводительством выборного или назначенно-

го оракулом предводителя-ойкиста, отправлялись в отдаленные области для основания новых полисов.

Относительно причин такого явления как колонизация в науке существует несколько теорий, которые, в основном, сводятся к двум точкам зрения. Согласно первой, причиной массового исхода эллинов из метрополий являлась необходимость в поиске новых рынков сбыта для продуктов и товаров, то есть торговля. Сторонники другой версии — аграрной, основную причину колонизации видели в стенохории — недостатке у метрополий сельскохозяйственных территорий. В настоящее время большинство уче-

ных придерживается той точки зрения, что у каждой метрополии в каждом конкретном случае могли быть собственные причины для столь сложного и опасного предприятия, как основание новых колоний¹.

На берегах Киммерийского Боспора первые апойкии были основаны ионийцами, преимущественно, выходцами из Милета — одного из древнейших полисов и культурных центров на западном берегу Малой Азии. К наиболее ранним из них относятся Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Феодосия. Следствием колонизационного процесса явилось не только освоение эллинами новых территорий, заселенных, преимущественно, «варварскими» народами. Ионийские переселенцы принесли на новую родину и достижения своей цивилизации. Например, изделия греческих ювелиров-торговцев из драгоценных металлов, а именно: декоративные элементы конской упряжи, золотые обкладки ножен мечей, колчанов для луков и стрел — горитов, рельефные чаши и ритоны, пекторали, браслеты, поступавшие по обмену или в виде даров за воинскую службу правителям Боспора, высоко ценились туземной воинской аристократией, формируя постепенно ее новый вкус. Эти престижные предметы служили и одним из действенных факторов эллинизации варварской знати, то есть включения ее в сферу греческой культуры. В свою очередь, ионийские колонисты на Боспоре, в силу жизненной необходимости, достаточно быстро знакомились с особенностями быта, боевыми приемами, вооружением, обычаями и верованиями местных обитателей. Постепенно в этом окраинном северо-восточном регионе ойкумены сформировался самобытный вариант социально-политического и культурного единства, который, оставаясь по сути эллинским, включал в

себя и отражал особенности мировоззрения, традиций и верований, обитавших здесь племен — скифов, синдов, меотов, дандариев, а позднее — сарматов и др. Ко второй половине 4 века до н. э. сложные политические и экономические процессы привели к формированию на берегах Керченского пролива государства эллинистического типа Боспора Киммерийского — древнейшего государственного образования на территории нашей страны.

Пантикапей (греч. *Παντικάλαιον*), один из наиболее значительных античных городов Северного Причерноморья, столица Киммерийского Боспора, расположен у Керченской бухты в историческом центре современного города Керчи (Республика Крым. Российская Федерация). Остатки древнего города скрыты под многометровыми культурными напластованиями на вершине и склонах холма, именуемого «Гора Митридат», который возвышается над Керченской бухтой и замыкает с востока Парпачский хребет. Территория городища простирается и на равнину к северу. Предполагаемая его площадь составляет 100 га.

По свидетельству Стефана Византийского Пантикапей получил свое название по наименованию протекавшей реки Пантикапа (*Steph. Byz., Παντικάλαιον SC I, с. 264*). Античные письменные источники сохранили для нас весьма краткие и отрывочные сведения относительно архитектурного облика столицы Боспора Киммерийского. Наиболее полное из них — сообщение древнегреческого географа Страбона гласит: «*Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окруженный в 20 стадий; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами*» (*Strabo. VII. 4, 4*).

¹ Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., Наука. 2010. С. 409-426. В. Д. Кузнецов. Великая греческая колонизация и основание Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017. С. 43-45.

Вопросы, связанные с ранней историей Пантикапея, в том числе проблема времени его основания, а также особенности развития его архитектурно-планировочной среды и превращения поселения-*апойкии* в город — центр полиса на протяжении долгих лет оставались наименее исследованными. Это было обусловлено как весьма скудной базой античных письменных источников, так и труднодоступностью архаических слоев, скрытых в недрах мощных культурных напластований и насыпей более поздних эпох.

Благодаря систематическим раскопкам Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, созданной в 1945 году по инициативе профессора В. Д. Блаватского, за 72 года исследований накоплен обширный материал, в том числе и по раннему периоду истории Пантикапея. (Табл. 1). Однако лишь исследования 2014-2017 годов позволили совершить настоящий прорыв в деле изучения древнейшего периода столицы Боспора.

На Новом Верхнем Митридатском раскопе, расположенном на северном крае Верхнего плато, впервые удалось выявить и исследовать культурный слой и остатки сооружений последней четверти 7 — 1-й половины 6 вв. до н. э., относящиеся ко времени основания милетской *апойкии*. (Табл. 2, 1). Сегодня можно считать установленным, что древнейшее ядро поселения было основано на самом возвышенном пункте — на Верхнем плато холма, над бухтой. Периметр вершины холма уже вскоре после основания поселения был обнесен оборонительной стеной, толщина каменного цоколя которой достигала 2,6 м. Верхняя часть стены была сооружена из сырцового кирпича, а общая ее высота могла составлять 7-8 м. Внутри защищенной линией укреплений территории размещались наземные, прямоугольные в плане здания.

Новейшие открытия в Пантикапее позволяют существенно расширить наши представления о раннем этапе колонизации Боспора. Монументальный характер оборонительной стены, умелое использование при ее сооружении природных выходов скал и рельефа холма, а также наличие прямоугольной в плане наземной, каменной постройки площадью 20 м², свидетельствуют о том, что милетские колонисты были достаточно многочисленны, хорошо организованы, имели в своем составе умелых инженеров-фортификаторов и строителей-каменщиков. Очевидно, что они были информированы о наличии военной угрозы, о чем свидетельствует выбор ими для поселения Верхнего плато холма, защищенного самой природой².

Неожиданным и весьма важным открытием здесь стало то, что древнейшие сооружения, открытые на северном крае Верхнего плато горы Митридат, оказались перекрыты полутораметровым слоем пожарища и разрушения. Как показали раскопки 2016-2017 гг. этот слой распространяется и далее, в южном направлении по территории Верхнего плато, сохраняя мощность до 1 м. (Табл. 2, 2).

Находки из этого слоя разрушения весьма показательны: наряду с сотнями фрагментов керамики, характеристика которых будет приведена ниже, они включают десятки наконечников стрел скифских типов, рукоять меча-акинака, бронзовые панцирные чешуйки, то есть предметы вооружения. Показательна в этой связи и находка в этом слое человеческой кости. Эти находки могут свидетельствовать о том, что **Первый строительный период** поселения, начавшийся в пределах последней четверти 7 века, завершился спустя, примерно 70 лет, около середины 6 в. до н. э., военной катастрофой.

Анализ всей совокупности керамических материалов, полученных их

² Толстиков В. П. Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания *апойкии* и к локализации раннего теменоса // ПИФК 1(47). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2015. С. 261-281.

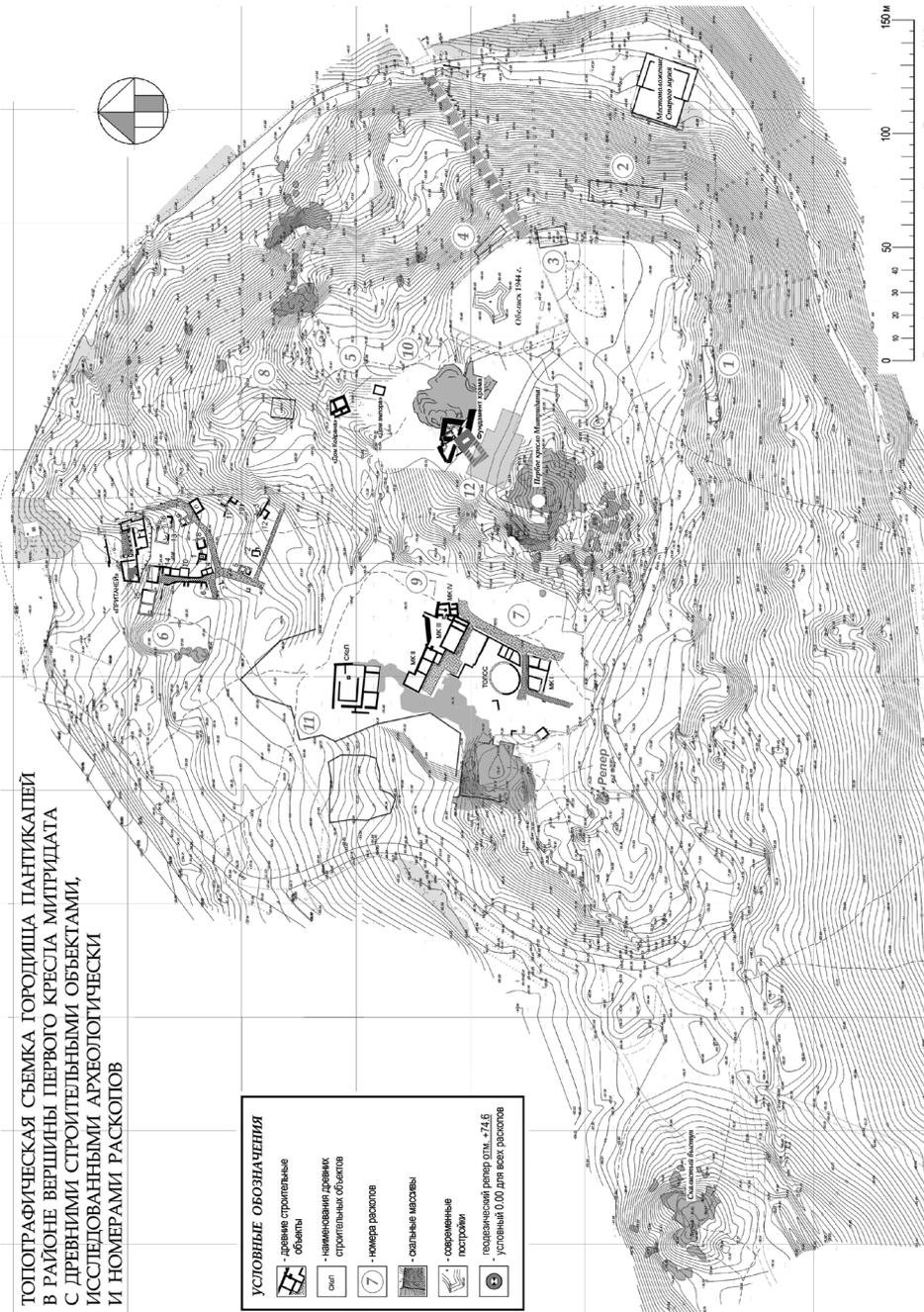
ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СЪЕМКА ГОРОДИЩА ПАНТИКАПЕЙ
 В РАЙОНЕ ВЕРШИНЫ ПЕРВОГО КРЕСЛА МИТРИДАТА
 С ДРЕВНИМИ СТРОИТЕЛЬНЫМИ ОБЪЕКТАМИ,
 ИССЛЕДОВАННЫМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ
 И НОМЕРАМИ РАСКОПОВ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	- древние строительные объекты
	- наименования древних строительных объектов
	- номера раскопок
	- осязальные массивы
	- сохранившиеся постройки
	- геодезические реперы, з.п.б. установленные 0,00 для всех раскопок

Наименования раскопок

1	Раскоп Ю.Ю.Марти
2	Раскоп "Старый музей"
3	Раскоп "У часовни Степняковского"
4	Раскоп "У обелиска"
5	Раскоп "Верхний Митридатский"
6	Раскоп "Новый Эспланадный"
7	Раскоп "Центральный"
8	Раскоп "Восточный"
9	Раскоп "Центральный Северный"
10	Раскоп "Новый Верхний Митридатский"
11	Раскоп "Центральный Эспланадный"
12	Раскоп Скасси

С. 1

Таб. 1 Центральный район городища Пантикапей с наименованиями раскопок. Топографическая съемка выполнена А. Пигиным.

древнейшего слоя — слоя пожараща позволил выделить несколько групп сосудов различных типов и центров производства, которые определенно можно отнести ко второй половине 7 столетия до н. э.

Еще одной неожиданностью для исследователей явилось наличие в этом

древнейшем слое значительного количества крупных фрагментов привозной анатолийской гончарной расписной керамики — фригийских и лидийских диносов и сосудов других типов.

Рассмотрим все перечисленные группы керамики.

I. Амфорные фрагменты³

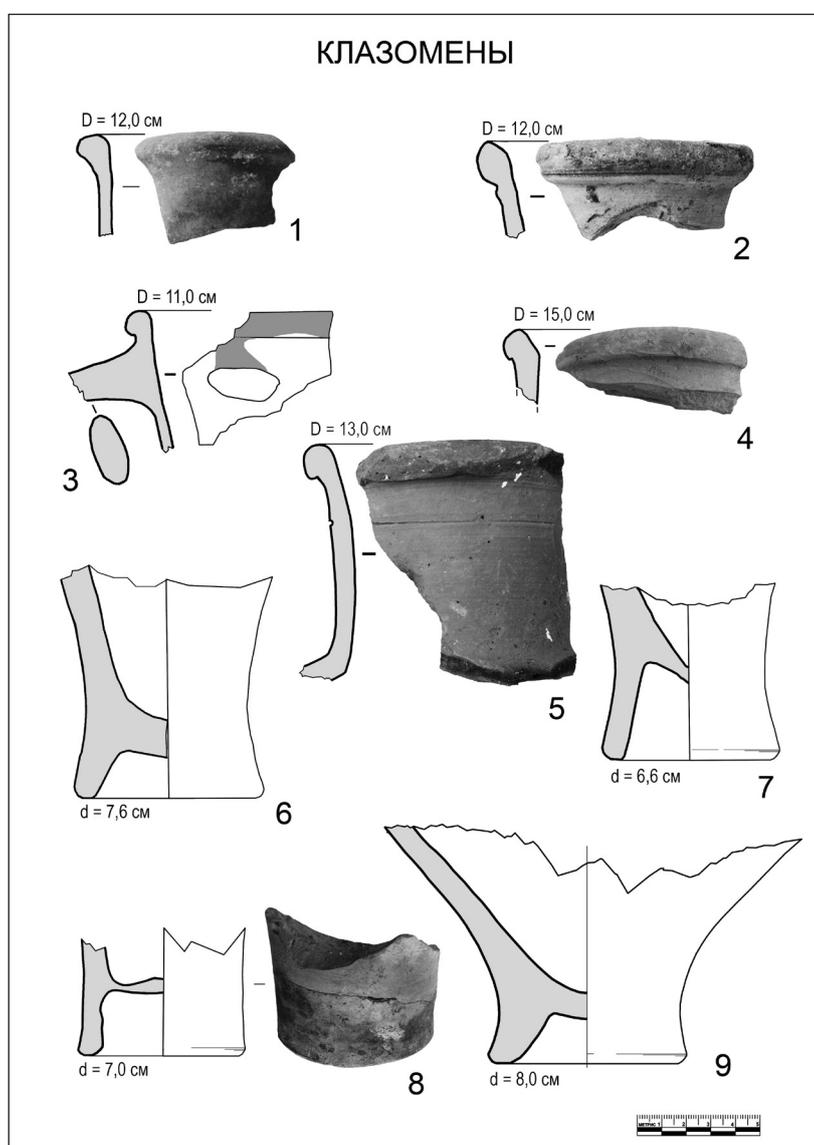
1. Клазомены (табл. 3)

№ п/п	Происхождение/Описание	Дата	Аналогии	№ рис.
1	2	3	4	5
1.	Н. В. М. 2015 г. Кв. 20. Шт. 24. Из-под пола № 38 в Д-1 <i>Дата слоя:</i> 1-й пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент горла амфоры с окрашенным венцом и врезной линией под ним.</i> Кол. Оп. 2015 г. — № 93. Хранится в ВКИКМЗ	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, Doğer. Klazomenai Üretimi Bir Grup Ticari Amphora: İ.Ö. 650-620. 2009. 650-620 гг. до н. э.	5
2.	Н. В. М. 2015 г. Кв. 20. Шт. 24. Из-под пола № 38 в Д-1 <i>Дата слоя:</i> 1-й пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, fig. 1, Group I (650-620 BC)	6
3.	Н. В. М. 2015 г. Кв. 21. Шт. 20. К востоку от кладки № 27 б <i>Дата слоя:</i> сер. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент нижней части амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, fig. 1, Group I (650-620 BC)	9
4.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 100. Шт. 17 <i>Дата слоя:</i> кон. 6 — 2-я четв. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент венчика амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group I, fig. 2 (650-620 BC)	1
5.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 100. Шт. 17. К западу от кладки № 68 <i>Дата слоя:</i> сер. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group I, fig. 1 (650-620 BC)	2
6.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 100. Шт. 17. К западу от кладки № 68 <i>Дата слоя:</i> сер. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group I, fig. 1 (650-620 BC)	
7.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 22. К северо-западу от кладки № 44 <i>Дата слоя:</i> 2-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью горла амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group I, fig. 2 (650-620 BC)	

³ Обработка и анализ амфорного материала выполнены Н. С. Асташовой

1	2	3	4	5
8.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 22. К северо-западу от кладки № 44 Дата слоя: 2-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	650–620 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group I, fig. 2 (650-620 BC)	4
9.	Н. В. М. 2015 г. Кв. 20. Шт. 16. Из-под пола № 38 в Д-1 Дата слоя: 1-й пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью горла амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, fig. 7, Group II	3
10.	Н. В. М. 2016 г. Кв. 27-28. Шт. 9. Вдоль северного фаса кладки № 34 Дата слоя: 2-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью горла амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, fig. 6, Group II (630-600 BC)	
11.	Н. В. М. 2016 г. Кв. 28. Шт. 8. Вдоль южного фаса кладки № 34 Дата слоя: 2-я пол. 6 — нач. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, fig. 6, Group II (630-600 BC)	7
12.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 27; 34. Шт. 7. «Поп» под кладкой № 62, в пределах кладок №№ 63; 64; 58; 59 Дата слоя: кон. 7 — 1-я пол. 6 вв. до н. э. <i>Фрагмент венчика амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 6 (630-600 BC)	
13.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 100. Шт. 19. В помещении Д-7 Дата слоя: кон. 6 — 2-я четв. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 5 (630-600 BC)	
14.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 100. Шт. 13-14 Под вымосткой № 65 (западная часть) Дата слоя: кон. 6 — 2-я четв. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 5 (630-600 BC)	
15.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 5-13 Расчистка амфорной конструкции № 54 Дата слоя: 1-я четв. 4 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью ручки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 5-7 (630-600 BC)	
16.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 5-13 Расчистка амфорной конструкции № 54 Дата слоя: 1-я четв. 4 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью ручки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 5-7 (630-600 BC)	

1	2	3	4	5
17.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 16 <i>Дата слоя:</i> кон. 6 — 1-я пол. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 5-7 (630-600 BC)	
18.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 17 <i>Дата слоя:</i> 1-я четв. 4 в. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 7 (630-600 BC)	
19.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 13 б; 20 б. Шт. 22. К северо-западу от кладки № 44 <i>Дата слоя:</i> 2-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью горла</i> <i>амфоры.</i>	630–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2001, Group II, fig. 7 (630-600 BC)	

Таб. 3 Н. В. М. Образцы ранних клазоменских амфор

2. Самос (табл. 4)

№ п/п	Происхождение/Описание	Дата	Аналогии	№ рис.
1.	Н. В. М. 2015 г. Кв. 20. Шт. 24. Из-под пола № 38 в Д-1 Дата слоя: 1-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью ручки амфоры.</i>	Кон. 7 в. до н. э.	Монахов, 2003, табл. 14,1 (кон. 7 в. до н. э.), тип I	1
2.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 20 б. Шт. 13. Между кладками №№ 66 и 67 Дата слоя: 5 в. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	Кон. 7 в. до н. э.	Монахов, 2003, табл. 14,1 (кон. 7 в. до н. э.), тип I	2
3.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 28. Слой пожарища к северу от кладки № 34 Дата слоя: кон. 6 — 1-я пол. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент венчика амфоры.</i>	Кон. 7 в. до н. э.	Монахов, 2003, табл. 14,6, тип I	

3. Милет (табл. 4)

№ п/п	Происхождение/Описание	Дата	Аналогии	№ рис.
1	2	3	4	5
1.	Н. В. М. 2016 г. Кв. 27-28. Шт. 16. Вдоль северного фаса кладки № 34 Дата слоя: 1-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент нижней части амфоры.</i>	650–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2012, Mil2 (İ.Ö. 650-600)	6
2.	Н. В. М. 2016 г. Кв. 27-28. Шт. 17. Вдоль северного фаса кладки № 34 Дата слоя: 1-я пол. 6 в. до н. э. <i>Фрагмент нижней части амфоры.</i>	2-я пол. 7 в. до н. э.	Sezgin, 2012, Mil2 (İ.Ö. 650-600)	5
3.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 27; 34. Шт. 17. В пределах кладок №№ 63; 64; 58; 59 Дата слоя: кон. 7 — 1-я пол. 6 вв. до н. э. <i>Фрагмент венчика с частью горла амфоры.</i>	650–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2012, Mil2.39 (İ.Ö. 650-600)	3
4.	Н. В. М. 2017 г. Кв. 20 б. Шт. 6. «Поп» под кладкой № 66 Дата слоя: кон. 6 — 2-я четв. 5 вв. до н. э. <i>Фрагмент ножки амфоры.</i>	650–600 гг. до н. э.	Sezgin, 2012, Mil2.39 (İ.Ö. 650-600)	4

II. Восточно-греческая расписная керамика⁴:

1. «Чашы с птицами» (табл. 5)

К самым ранним находкам можно отнести всего несколько образцов кера-

мики. Прежде всего, это два фрагмента т. н. «чаш с птицами», обнаруженные в сезонах 2015 и 2017 годов⁵. В первом случае от довольно большого сосуда диаметром около 25 см сохранился

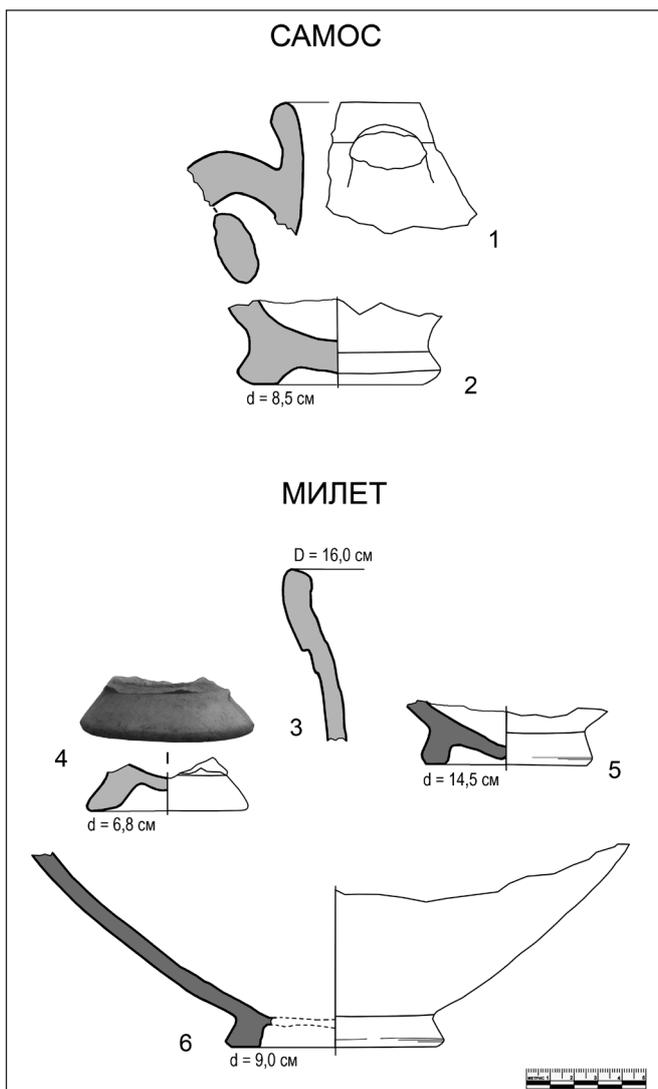
⁴ Раздел подготовлен О. В. Тугушевой.

⁵ ВКИКМЗ, Пан-2015 Н.В.М., оп. №65; Пан-2017 Н.В.М., оп. №34.

участок края с верхней зоной фриза, от его заполнения уцелела часть фигуры птицы (без головы и хвоста), обращенной вправо, с туловищем, целиком покрытым частым сетчатым орнаментом, характерным для подобных изображений (рис. 2). От второго — фрагмент края с фигурой длинношейей птицы, без хвоста и ног, упирающейся головой в полосу лака по самому краю сосуда (рис. 1). Подобные глубокие полушарические чаши на невысокой ножке и с двумя горизонтальными ручками чуть ниже устья известны в течение всего 7 века до н. э. В Северном Причерноморье они появляются в начале второй половины столетия, но регулярно встречаются только в двух центрах — на Березани и в Таганрогском поселении⁶. В Пантикапее эти находки — первые за всю 70-летнюю историю его исследования экспедицией Музея.

2. Диносы (табл. 5)

К числу наиболее ранних образцов керамики принадлежат и фрагменты диносов. Их можно разделить на две группы. Первая — с изображениями животных. К сожалению, все они малы по размерам и от росписи уцелело очень немного — его живот, низ которого подчеркнут пропущенной линией и рядом точек (рис. 4)⁷, часть головы и передние ноги (рис. 7)⁸. Лишь на одном, сравнительно крупном обломке, фрагмент двухфризовой ком-

Таб. 4. Н. В. М. Образцы ранних самосских и милетских амфор.

позиции: вверху голова и копыто передней ноги одного козла и задняя нога второго, в нижнем фризе, отделенном от верхнего широкой лаковой полосой, длинный рог животного (рис. 8)⁹. И везде фон заполняют характерные орнаменты: крупные свастики, сложные кресты и треугольники и М-образные зигзаги. Во всех случаях роспись исполнена покрасневшим лаком и пурпуром по светлой обмазке¹⁰.

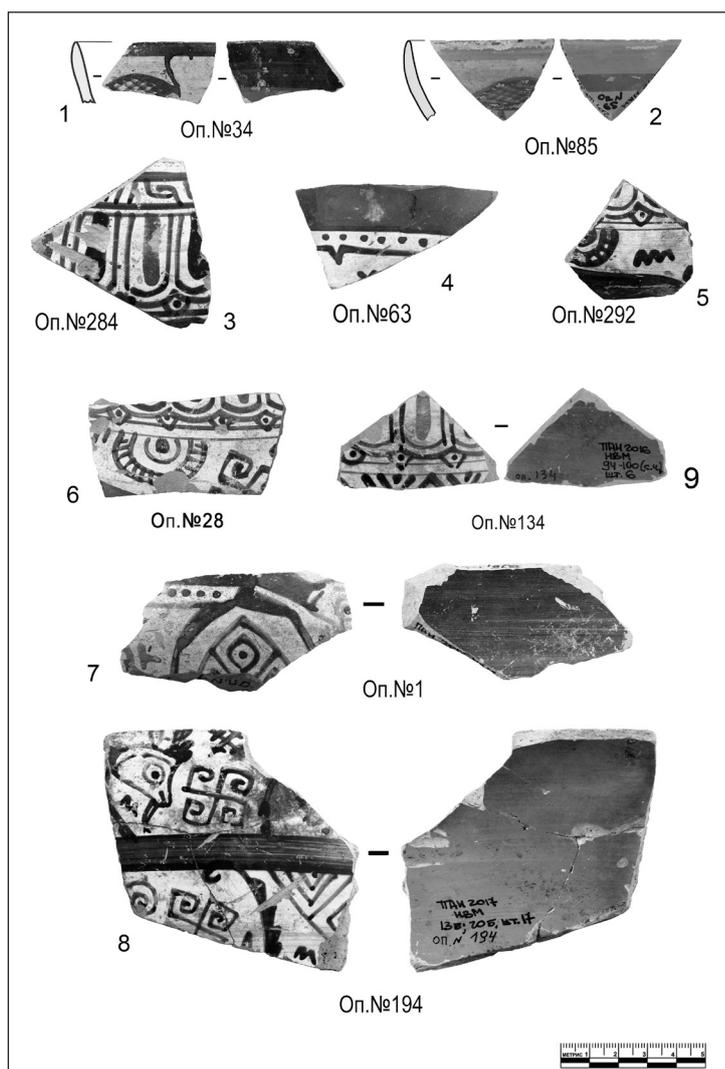
⁶ Буйских, 2013, стр. 107

⁷ ВКИКМЗ Пан-2011 Н.В.М кв.29, котлован №29, оп. №63.

⁸ ВКИКМЗ Пан-2017 Н.В.М., оп. №1.

⁹ ВКИКМЗ Пан-2017, Н.В.М., оп. №194.

¹⁰ Ближайшие аналогии — фрагменты диносов из раскопок Березани в собраниях Одесского музея и Государственного Эрмитажа. См.: Л. В. Копейкина. Родосско-ионийская керамика

Таб. 5. Н. В. М. Образцы ранней восточно-греческой керамики

Вторую группу составляют фрагменты плечиков с орнаментальным декором — язычки, выше которых шел «разорванный» меандр, а ниже — «висящие» полурозетты и треугольники¹¹ (рис. 6; 9). Для обеих групп можно найти целый ряд близких параллелей в декоре сосудов обширной группы Лондонского диноса. Сегодня самые ранние её образцы датируются третьей четвертью 7 в. до н. э., но большая часть про-

дукции относится к последней четверти столетия и рубежу 7-6 вв.¹²

3. Хиосские кубки (табл. 6)

Еще одна группа наиболее ранних находок на Митридате — фрагменты хиосских кубков. Прежде всего, это части двух сосудов с характерным орнаментом в виде концентрических точечных колец. Один (рис. 3)¹³ представляет собой нижнюю часть тулова округлых очертаний с фризом из розетт — два концентрических кольца, вокруг еще одно, из мелких точек; в правом обломе фрагмента округлые кончики нескольких нижних лепестков пальметты, обрамлявшей корень ручки; сверху и снизу фризы выделяют парные линии жидкого лака

желтоватого тона. От второго кубка (рис. 4)¹⁴ уцелело несколько не соединяющихся фрагментов тулова и часть ручки; на самом крупном обломке розетта того же типа, ниже фриза меандра и часть лепестков у корня ручки. Фрагментов подобных кубков известно немного. Анна Лемос относит их к т. н. Второму среднему этапу Стиля Дикого козла, датируя самым последним десятилетием 7 — первым десятилетием 6 в. до н. э.¹⁵

VII в. до н.э. с о-ва Березань, Художественные изделия античных мастеров // Сборник статей. Ленинград, 1982, рис. 22, 23.

¹¹ Н. В. М.: 2015 оп. №28; 2016 оп. №134; 2017 оп. №№284, 292

¹² Kaan Iren. Die Werkstatt des Londoner Dinos: Eine phokäische Werkstatt? // IstMitt, Bd. 52, 2002; CVA Pushkin Museum fasc. 8, p. 9

¹³ Пан-2014 Н. В. М., оп. №184; Пан-2014 Н. В. М., оп. №211; Пан-2015, Н. В. М., оп. №185.

¹⁴ ВКИМЗ ПАН-2015, Н. В. М., оп. № 57.

¹⁵ Lemos, 1991, nn. 150, 155.

Этому же периоду принадлежат еще фрагменты еще двух кубков¹⁶ (рис. 1; 2). Снаружи по краю каждого идет широкая орнаментальная полоса: сверху своеобразный «метопный фриз» — темные квадраты, чередующиеся со светлыми с точкой лака в центре, ниже расположен «разорванный» меандр, обрамленный сверху и снизу парными горизонтальными линиями. Подобный орнаментальный пояс известен по фрагментам нескольких кубков, найденным в Накратисе и Токре¹⁷. Однако эти экземпляры украшены сложными многофигурными композициями, причем головы персонажей упираются в декорированный край; кроме того, активно включен дополнительный орнамент. На фрагментах из Пантикапея этого нет, возможно, они представляют более простой вариант, не исключено, что несколько более поздний по времени. Но в любом случае датировка этих фрагментов не выходит за пределы первых 10-15 лет 6 в. до н. э.

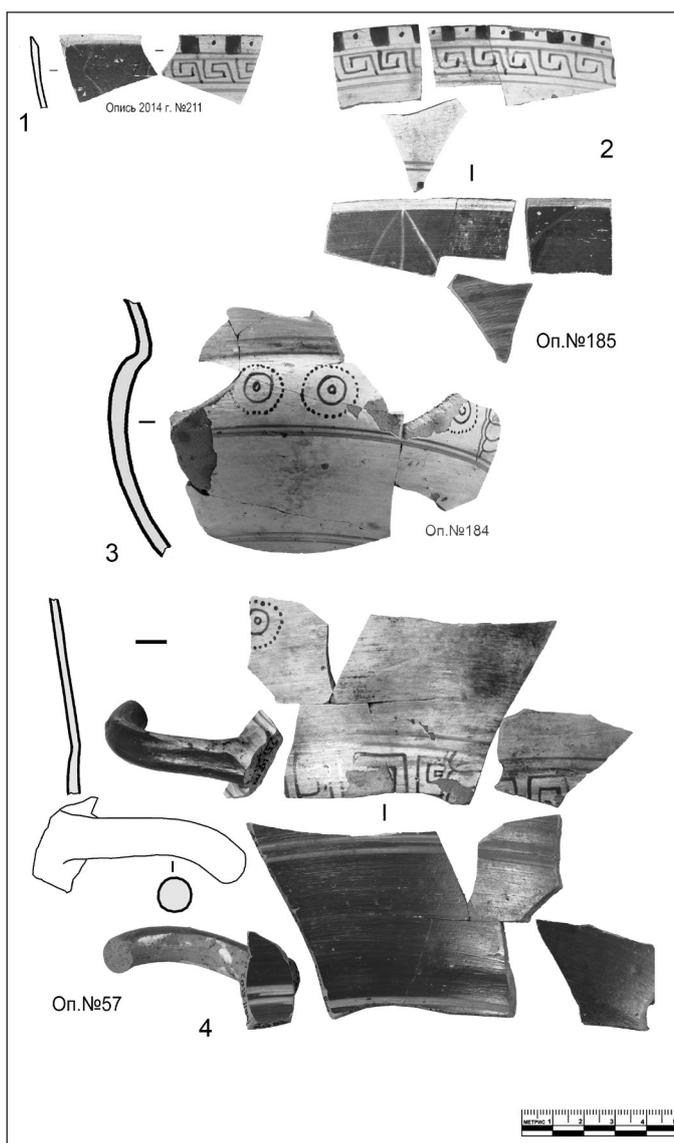
III. Образцы анатолийской гончарной расписной керамики¹⁸ (табл. 7)

1. Фрагменты диноса (?) с геометрическим декором¹⁹ (рис. 1)

ВКИКМЗ. Инв. № КМАК-19614; КМАК-20076, КП-184713;

КП-184713/1; КП-184713/2; КП-186597
Малая Азия, ок. 620 г. до н. э.

Глина, светлая обмазка, черная краска, пурпур

Таб. 6. Образцы ранней хиосской керамики

Пятьдесят пять фрагментов, частично склеены; на внешней и внутренней стороне прикипевшие продукты горения, копоть, утраты красочного слоя Пантикапей.

Необычная форма — широкое полукруглое тулово без ручек, а также характер построения композиции декора в виде широкого горизонтального фриза позволяют отнести данный сосуд к типу диносов.²⁰ Наличие росписи геометрическими мотивами, своеобраз-

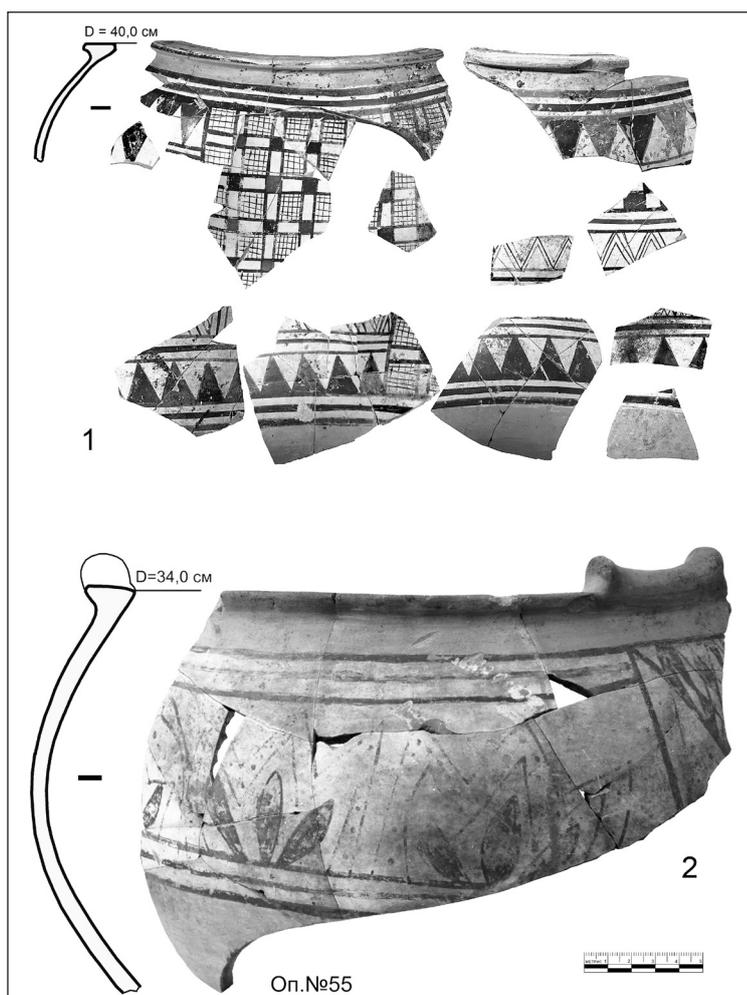
¹⁶ ВКИКМЗ ПАН-2014, Н. В. М., оп. №185; оп. №211.

¹⁷ Тосра I, pl. 40, nn. 773-774.

¹⁸ Раздел подготовлен Н.С. Асташовой

¹⁹ Пантикапей и Фанагория. С.190-191, кат. №16.

²⁰ Sams 1994, pl. 139, no. 967; Akurgal 1983, Taf. 108a.

Таб. 7. Образцы анатолийской керамики 2-й половины 7 в. до н.э.

ные орнаменты в виде треугольников с сетчатым заполнением²¹, так называемых «решетчатых панелей» (*latticed panels*)²² и зигзагообразных элементов²³ в сочетании с горизонтальными бихромными полосами находят наиболее близкие аналогии среди керамики Центральной Анатолии — из раскопок в Гордионе (Gordion) и его окрестностях. Уже упомянутый выше мотив решетчатых панелей присутствует на керамике из захоронения (Tumulus P), датированного исследователями около 720 г. до н. э. Учитывая контекст находки рассматриваемого сосуда, наиболее вероятна его датировка около 620 г. до н. э.

В. 19,5. Дл. 29,0. Дм. 35,0
Склеен из пятнадцати фрагментов; значительные утраты по швам, утраты красочного слоя; следы копоти.

Фрагмент верхней части *диноса* с бихромной росписью по светлой обмазке в виде горизонтального фриза, ограниченного сверху и снизу линиями черной и красной красок. В центре — растительный декор в виде трех цветков лотоса, каждый с тремя схематично выполненными треугольными лепестками с точками пурпура и с выделенной пурпуром центральной частью, вероятно, представляющей изображение тычинок цветка. Под декоративным наклепом, играющим, по-

Группа Анатолийской керамики никогда ранее не выделялась среди находок в Северо-Восточном Причерноморье. Единичные обломки подобных сосудов, найденные при раскопках Мирмекия, Тиритаки, а также Пантикапея, ранее были отнесены исследователями к группе так называемой «родосско-ионийской» керамики.

2. Верхняя часть сосуда типа *диноса* с изображением цветков лотоса²⁴ (рис. 2)

ВКИКМЗ. Инв. № КМАК-20348, КП-188130

Малая Азия, конец 7 — первая половина 6 в. до н. э.

Глина, светлая обмазка, черная краска, пурпур

²¹ Sams 1994, fig. 44, no. 935, pl. 87, no. 301.

²² Sams 1971, fig. 1, № 3, pl. 167, № 397; Young 1981, pl. 17.

²³ Sams 1994, pl. 143, № 983; Özgüç 1969, 255.

²⁴ Пантикапей и Фанагория. С. 192, кат. №18.

видимому, роль ручки, располагается отделенная от основного фриза вертикальной полосой черной краски панель с большим сетчатым треугольником (?) вершиной вниз, внутренние поля которого выполнены в традиции шахматного декора: заполнены красной и черной красками или оставлены пустыми. Слева от него — неясное изображение, возможно розетка — намеченное тонкой черной линией кольцо с красной точкой в центре, окруженное по периметру крупными красными точками. По характеру росписи к этому сосуду ближе всего кратер с геометрическими и растительными мотивами, имеющий приземистую сферическую форму и

высокую ножку, найденный в окрестностях Бурдура, на территории некрополя Уйлупинар (Uylupinar Nekropolis) 7–6 вв. до н. э.²⁵

Подводя предварительный итог, поскольку раскопки Боспорской (Пантикапейской) экспедиции на Верхнем плато Первого кресла горы Митридат еще далеки от завершения, есть серьезные основания констатировать, что появление милетской апойкии, давшей начало будущей столице Боспора Киммерийского и, соответственно, современному городу Керчи, приходится на последнюю четверть 7 столетия до н. э. Скорее всего, оно имело место около 615–610 гг. до н. э.

²⁵ Сокау-Керсе 2009, 73, № 71. Автор статьи, в свою очередь, в качестве аналогий этому кратеру указывает кипрский кратер стиля *Vichrome V*, а также динос из Касселя, датированный 620–590 гг. до н. э.

Список сокращений

- ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum IstMitt — Istantuler Mitteilungen
HISTRIA — Rumanian Studies an International Annual of the Humanities and Social Sciences. Bucaresti.
Tocra I — Boardman J., Hayes J. 1966. Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits I (BSA Supplementary Volumes 4). Athens.
Tocra II — Boardman J., Hayes J. 1973. Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits II and Later Deposits (BSA Supplementary Volumes 10). Athens.

-
1. Абрамов А. П. Амфоры 6 — 5 вв. до н. э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. Наук. М., 2009.
 2. Буйских А. В. Амфоры конца VII — первой половины V в. до н. э. из Борисфена // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (11). 2013. С. 91 — 103.
 3. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев, 2013.
 4. Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о-ва Березань. Художественные изделия античных мастеров // Сборник статей. Ленинград, 1982.
 5. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., Наука. 2010. С. 409–426.
 6. В. Д. Кузнецов. Великая греческая колонизация и основание Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017. С. 43–45.
 7. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.
 8. Толстиков В. П. Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса // ПИФК 1(47). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2015.

-
9. Bîrzescu I. Die archaischen und frûklassischen Transportamphoren / Histria XV. Bucureşti, 2012.
 10. Corpus Vasorum Antiquorum Pushkin Museum fasc. 8.
 11. Kaan Iren. Die Werkstatt des Londoner Dinos: Eine phokäische Werkstatt? // IstMitt, Bd. 52, 2002.
 12. Lemos A. A. Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles. Oxford, 1991.
 13. Sezgin Yu., Doğer E. Klazomenai Üretimi Bir Grup Ticari Amphora: İ. Ö. 650-620 [A GROUP OF CLAZOMENIAN TRANSPORT AMPHORAE: 650-620 BC] / ARKEOLOJİ DERGİSİ XIV (2009/2).
 14. Sezgin Yu. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries / Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archeological Museum of Abdera. Abdera, 20 — 21 October 2001. Thessaloniki, 2004.
 15. Tocra I — Boardman J, Hayes J. Excavations at Tocra, 1963-65: The Archaic Deposits 1. London, 1966 (BSA, Suppl. vol. 4)
 16. Tocra II — Boardman J, Hayes J. Excavations at Tocra, 1963-65: The Archaic Deposits 2 and Later Deposits. London, 1973 (BSA, Suppl. vol. 10)

The article deals with the earliest ceramic materials dating the time of the foundation of Miletus apoikia, which later became the city of Panticapaeum, the capital of the Cimmerian Bosphorus. These materials were obtained during the systematic excavations led by the Bosphorus (Panticapaeum) expedition of the Museum named after A.S.Pushkin at a New Upper Mitridatsky Excavation Area, located on the northern edge of the Upper Plateau of the First Top Chair of the Mithridates Mount. All the materials and construction residues in the article are associated with a layer of fire (LF), which was the result of a military catastrophe of the settlement nearly in the middle of the 6th century BC, which completed the First building period. Analyzed fragments of ceramics mark the time of the beginning of the formation of this ancient layer within the last quarter of the 7th century BC and, thus, date the time of the foundation of the Panticapaeum and, therefore, of modern Kerch. They allow us to assert that Kerch is the oldest city on the territory of modern Russia.

Keywords: apoikia, Great Greek colonization, the foundation of Panticapaeum, samples of the most ancient ceramics, the First building period.

УДК 930.271

Е. В. Болонкина

Рецензия

Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 1. Киев, 2012. 160 с.

Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. Керчь, 2016. 320 с.

Рецензия на опубликованные при поддержке благотворительного Фонда «Деметра» первые два тома каталога «Керамические клейма из собрания Керченского музея».

Автор рецензии анализирует публикацию к. и. н. Н. Ф. Федосеева двух групп клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Первый том посвящен боспорским черепичным клеймам (3509 клейм, оттиснутых на черепице) и клеймам на боспорских амфорах, выделенных впервые в истории исследований этой группы памятников.

Во втором томе каталога опубликована коллекция клейм Гераклеи Понтийской, насчитывающая 2809 экземпляров.

Опубликован второй том «Керамические клейма из собрания Керченского музея». Эта серия была начата при инициативе В. Д. Письменного, президента благотворительного Фонда «Деметра» и является результатом огромной работы по подготовке к публикации собрания Керченского музея, пожалуй, крупнейшего собрания керамических клейм. Руководитель проекта — известный специалист в области керамической эпиграфики к. и. н. Н. Ф. Федосеев.

Первый том был посвящен боспорским клеймам, и это логично — начинать серию публикаций клейм не с импортных товаров, а с клейм, оттис-

нутых на черепицах и амфорах, изготовленных на территории Боспора Киммерийского. Подача материала в первом томе соответствует структуре, представленной в рукописи IOSPE, III: имена в алфавитном порядке, клейма архонта Гиgienонта и с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΟΣ в конце каталога.

Том состоит из «Введения», где дана общая характеристика боспорской черепицы, история формирования коллекции и представлена карта основных мест находок боспорской черепицы. В главе «Новые черепичные клейма» рассмотрены новые штампы и новые клейма. Сомнительно только предположение восстановления име-

ни царицы Тиргатао (?) в уникальном клейме с легендой [B]ACIACCC[A...]. Скорее всего, здесь следует восстановить имя другой боспорской царицы Δύναμις. Однако, до находки более полного штампа, все предложения по восстановлению имени, следует пока оставить в области предположений. В главе «История изучения боспорских черепичных клейм», пожалуй, впервые столь подробно представлены публикации о боспорских клеймах. Интересно предложение Н. Ф. Федосеева считать знак сокращения в виде «лунарной сигмы» эмблемой «месяц». Действительно, лунарная сигма появляется на клеймах позже, а полумесяц вполне мог помещаться на черепичных клеймах, так же как и на боспорских монетах.

Хронологию боспорской черепицы обычно привязывают к хронологии боспорских царей. В той связи интересно наблюдение Н. Ф. Федосеева, что имена на боспорской черепице — это заказчики. К аналогичному заключению пришел и В. Д. Кузнецов [Кузнецов, 2008, с. 400]. В целом, разработка хронологии боспорских клейм ещё впереди. По мнению Н. Ф. Федосеева, пока нет достоверной, апробированной хронологической классификации боспорских черепичных клейм. Определяя недостатки хронологической классификации В. А. Анохина [Анохин, 2009], автор каталога следует всё же ей, как наиболее подробной и самой разработанной на сегодняшний день. Отмечая, что дополнения и уточнения А. В. Ковальчук [Ковальчук, 2007] и В. И. Каца [Кац, 2007], пока не совсем обоснованы и не оформлены в стройную систему, Н. Ф. Федосеев, тем не менее, приводит даты и по хронологиям этих исследователей.

Особо следует отметить главу, посвящённую клеймам на боспорских амфорах. Эта группа была выделена впервые — все предыдущие попытки вычленили боспорские клейма оказы-

вались ошибочными. Десять амфорных клейм нанесены на амфоры начала II века н. э. Эти амфоры столь большого объема не предназначались для транспортировки, а широкое горло свидетельствует о том, что в них хранилось не вино, а, вероятнее всего, рыбные продукты.

Каталог состоит из порядкового номера, указания места и года находки, полевого номера и номера хранения, в скобках приведены все известные другие номера¹.

При наличии дублетных оттисков восстановление легенды даётся лишь однажды для всех имеющихся в коллекции клейм. Для оттисков, выполненных одним штампом, — прорисовка в масштабе 1:1. Если клеймо уже было опубликовано, то есть ссылка на публикацию и в заключении — ссылка на публикации аналогичного оттиска. В некоторых случаях предоставляется дополнительная информация — размер клейма или черепицы, сохранность. В конце каталога представлены фотографии всех основных оттисков. Каждую фотографию сопровождает номер каталога и номер хранения.

В каталоге представлены клейма не только Европейского Боспора, но и его Азиатской части. В основном это материал из сборов В. В. Веселова. Есть и находки с Керченского полуострова, что могло свидетельствовать о циркуляции черепицы, видимо, в трюмах кораблей в качестве балласта.

Изданные отдельно работы Н. Ф. Федосеева «Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском» [Федосеев, 2011], а также статья «Черепичные боспорские клейма с предлогом ЕΠΙ в контексте истории Боспора» [Федосеев, 2013], очевидно стали логическим продолжением работы над каталогом.

Всего в каталог включено 3509 клейм, оттиснутых на черепице. Насколько мне известно, это самая большая публикация черепичных

¹ Полевые номера, присвоенные ранее номера «К», «ДО» и «БК».

клейм одного центра. Да и сама коллекция боспорских керамических клейм Восточно-Крымского музея-заповедника по количеству известных оттисков (около 90%) и набору штампов является крупнейшим собранием клейм Боспора Киммерийского. В коллекции хранятся и неклеимённые экземпляры, которые, по понятным причинам, не отражены в каталоге. Н. Ф. Федосеев разбирает их в совокупности, приводя опубликованные данные об особенностях боспорских черепиц. Отдельно автором рассматриваются фрагменты керамики и калиптеров из известняка и мрамора, из собрания керченского лапидария, приводятся метки на мраморной черепице [Федосеев, 2012, рис. 6].

Второй том, посвящён клеймам Гераклеи Понтийской. Опубликованная коллекция насчитывает 2809 клейм, что, судя, по публикациям, также самая большая коллекция гераклейских клейм. По замечанию Н. Ф. Федосеева, общая масса гераклейских клейм насчитывает сегодня около 8 тысяч оттисков. Помимо амфорных клейм, в коллекции керченского музея хранится 14 черепичных и одно клеймо на венчике пифоса.

Преобладающее количество гераклейских клейм было найдено в Китае. Несколько меньше в Пантикапее, Мирмекии и поселении Генеральское Западное. В этом списке должен был быть и Нимфей, но в каталоге не учитывались гераклейские клейма из раскопок Нимфея, хранящиеся в Эрмитаже.

В значительной мере удалось дополнить число магистратов 17 новыми именами. Н. Ф. Федосеев убедительно показал, что наличие третьего имени в клейме, это присутствие патронимика, а не третьего лица.

Необходимо отметить, что Н. Ф. Федосееву удалось снять ошибочное восстановление имён Перисада и Фанагора (№1828). Первое имя автор оставил без вариантов, а второе предложил читать *Φαναῖος*. Возможно, что в этом клейме содержится два имени Пери (сала?) и Фана (йя?) (с. 13).

В главе «История изучения гераклейских клейм» автор каталога приводит первую публикацию клеймённой керамики С. Палласа 1793/4 года. Первая гераклейская амфора с клеймом опубликована И. Бларамбергом в 1822 году. Интересно, что Н. Ф. Федосеев сомневается в том, что комплекс Патиниоти содержал гераклейскую амфору. Он считает, что в курганах такого типа должны быть фасосские амфоры.

Справедливо выраженное в этой главе мнение Н. Ф. Федосеева, что анализу на базе клейм должна следовать публикация самих клейм. И совершенно верное замечание о том, что в некоторых работах не всегда выдерживаются давно выработанные принципы публикации клейм, которым необходимо следовать.

В главе «Типологическая и хронологическая классификация гераклейских клейм» автор рассматривает все существующие схемы. Предпочтение он отдаёт классификации В. И. Каца [Кац, 2007], отмечая, тем не менее, что его хронология не совсем совершенна и требует уточнения. Положительным в классификации В. И. Каца является то, что он привел список магистратов по каждому из выделенных им групп.

Каталог клейм построен по алфавитному принципу: сначала клейма с предлогом ЕП, затем без эпонимного предлога и в конце — одиночные имена. В качестве аналогии приведены не только опубликованные клейма, но клейма из других музеев. В каталогах клейм Боспора и Гераклеи Понтийской выдержаны все основные требования публикации клейм. Оба тома содержат список литературы, индекс имён как прямой, так и обратный, индекс мест находок, индекс эмблем.

Безусловно, что опубликованы первые обобщающие работы, содержащие существенную информацию о керамических клеймах боспорского региона, которые будут интересны для исследователей в области керамической эпиграфики, для полевых

археологов и сотрудников музеев. Несколько слов о практическом применении опубликованного каталога, для меня, как хранителя крупнейшего собрания керамических клейм. Нужно отметить, что Н. Ф. Федосеев активно использует рукопись IOSPE III, в которой содержатся паспортные данные клейм, поэтому в фондовой работе каталог может быть использован в определении места и времени находки некоторых клейм из довоенных

раскопок, для уточнения паспортных данных. Каталог уже применяется в работе над электронной базой данных в системе КАМИС. И, естественно, очень востребован для восстановления легенд гераклейских клейм.

И последнее: публикация столь большого массива клейм не бывает без уточнений и ошибок. Вопрос только в их количестве. У Н. Ф. Федосеева этот процент весьма низкий.

-
1. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. 249 с.
 2. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. XVIII. Симферополь-Керчь, 2007. 480 с.
 3. Ковальчук А. В. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских керамических клейм) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. 22 с.
 4. Кузнецов В. Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // Проблемы истории, филологии, культуры. 21. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. С. 392-403.
 5. Федосеев Н. Ф. Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (34). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2011. С. 277-308.
 6. Федосеев Н. Ф. Черепичные боспорские клейма с предлогом ΕΠΙ в контексте истории Боспора // Древности Боспора. 17. Москва, 2013. — С. 366-376.

A review of the first two volumes of the catalog "Ceramic Stamps from the Collection of the Kerch Museum" published with the support of the Demetra Charitable Foundation.

The author of the review analyzes the publication of two groups of stamps from the collection of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve made by a Candidate of the Historical Sciences N.F.Fedoseev.

The first volume is dedicated to the Bosphorus tile stamps (3509 stamps imprinted on tiles) and stamps on the Bosphorus amphora, singled out for the first time in the history of the research of this group of monuments.

In the second volume of the catalog, the collection of the stamps of Heraclea Pontica consisting of 2809 copies is published.

УДК 902/904

А. М. Бутягин

Водоснабжение древнего Мирмекия

В статье рассматриваются несколько объектов, входивших в систему водоснабжения городища Мирмекий в античное время. Земляной колодец относится к 5-4 в. до н.э., каменный крытый водовод к 4-3 вв. до н.э. Уникальным является помещение с вкопанными в землю тифосами, в которое шёл водосток, заливающий вовнутрь дождевую воду, впоследствии накапливающуюся в тифосах. Помещение относится к усадьбе 1-3 вв. н.э.

Ключевые слова: Мирмекий, водоснабжение, водосток, колодец.

В настоящее время учёные разных стран уделяют большое внимание различным проблемам связанным с техническими структурами древних поселений. Особое место занимают вопросы связанные с водоснабжением различных археологических памятников. Не секрет, что уже с эпохи бронзы многие протогородские и городские центры обладали весьма развитой системой водопровода и канализации, а в Римской Империи эти сети достигли настоящего совершенства.

Проблемам водоснабжения боспорских городов уделялось меньше внимания, в первую очередь, из-за того, что относительно небольшие поселе-

ния не нуждались в сложных водопроводных и канализационных сетях. Кроме того, раскопки не давали большого количества материалов, которые могли бы послужить основой для обобщений в этой сфере.

Ни в коем случае не претендуя на глубокие выводы, хотелось бы внести небольшой вклад в рассмотрение проблем водоснабжения региона в античное время. Так случилось, что в сезоне 2016 года Мирмекийская экспедиция Государственного Эрмитажа исследовала сразу три объекта, связанные с водоснабжением поселения, охватывающие время с 5 в. до н. э. по 3 в. н. э.

Наиболее ранним объектом является яма №7/2013, открытая в северной части участка "И", расположенного в центральной части городища. Она была обнаружена ещё в 2013 году, но из-за её значительных размеров закончить исследование объекта удалось только в прошлом сезоне.

Яма №7/2013 является наиболее впечатляющим комплексом из открытых в этом сезоне, а также одной из самых глубоких ям в Мирмекии, раскопанных, начиная с 1980-х гг. Устье ямы было забито желтоватым суглинком, видимо, для того, чтобы избежать возможности просадки грунта в древности. Тем не менее, стратиграфия показывает значительное падение грунта в яму, в результате чего здесь образовались трещины, в которые проваливались керамические фрагменты несколько более позднего времени. На глубине около 3,8 м рыхлый желтый суглинок сменился на рыхлую зеленоватую глину, очень похожую на ту, из которой состоял слой зеленоватой глины, которым перекрыта значительная площадь участка. Яма круглой в плане формы, стенки постепенно расходятся книзу, диаметр устья 1,2 м. Заполнение было исследовано на 4,8 м. На этом уровне диаметр ямы составлял 1,8 м.

В заполнении было найдено 55 фрагментов черепицы, 4905 обломков керамики, 234 кости животных, 11 — рыб и 7 — птиц. На амфоры пришлось 78,3% керамического комплекса. Непосредственно в устье ямы была обнаружена горизонтально лежащая фрагментированная амфора со смазанным клеймом. Амфорного материала в заполнении великое множество. Лидируют обломки фасосских, хиосских прямогорлых и гераклеиских амфор, также присутствуют сосуды Книда, Херсонеса, Пепарета и других центров. Найдены фрагменты сосудов безусловно относящихся ко времени после завершения функционирования ямы, это три обломка синопских амфор с клеймами. По наличию клейм лидирует тара Гераклеи Понтийской. Кроме того, найдено два фраг-

*Мирмекий. Участок "И".
Яма №7/2013. Вид с севера*

мента фасосских амфор с клеймами. На пяти амфорных стенках обнаружены граффити.

Без учёта амфор материал распался следующим образом: фрагменты толстостенных и краснофигурных сосудов занимают менее 1% на каждую категорию, обломки чернолаковых сосудов заняли 18,5%, на фрагменты красноглиняной столовой посуды пришлось 31,7%, сероглиняной — 7,5%, на кухонную керамику пришлось целых 30%, а на лепную — 5,2%, окатанные стенки сосудов занимают 6%. Толстостенная керамика представлена фрагментированным красноглиняным лутерием. Из ранней керамики, предшествующий сооружению ямы можно указать на фрагментированную ионийскую солонку оранжевого лака. Краснофигурная аттическая керамика представлена значительным количеством фрагментов, здесь можно упомянуть фрагмент края краснофигурной пелики с овами, край краснофигурного рыбного блюда (?) с овами, фрагментированную стенку краснофигурного аска с лепестками, фрагмент стенки краснофигурного кратера с двумя фигурами в одежде, такой замечательный образец вазописи, как фрагмент края открытого краснофигурного сосуда с Гермесом с киркерейоном и частью женской фигуры, фрагмент венчика краснофигур-

ного кратера с венком, подобных которому было найдено уже более десятка, фрагмент стенки краснофигурного рыбного блюда со следом починки и изображением части рыбы и щупалец осьминога, а также фрагмент дна краснофигурного открытого сосуда с частью пальметки и стопой. Заметно, что среди находок присутствуют как фрагменты 4 в. до н. э., так и второй половины 5 в. до н. э.

Среди чернолаковой керамики следует упомянуть фрагмент чернолакового сосуда с застойной надписью, часть которого была найдена в слое, а другая в прошлом сезоне. Кроме того, найдены два фрагмента доньев открытых сосудов (одно из которых со штампованным орнаментом) с граффити и фрагмент дна чернолакового рыбного блюда с граффито П на дне. Граффити найдено и на фрагменте стенки закрытого красноглиняного сосуда. Из других находок керамической посуды следует отметить фрагментированную красноглиняную кастрюлю. Также есть ещё один фрагмент керамического грузила. Кроме того, присутствует 6 фрагментов светильников. Находок терракотовых фигур немного, но среди них выделяется фрагмент композиции с изображением сидящих сатира и менады, очень хорошего качества изготовления. Кроме того, найдены фрагмент терракоты в виде женской головы в калафе и тыльная сторона терракотовой фигуры с отверстием. В яме найдено 5 пирамидальных керамических ткацких грузил, из которых в двух было по два отверстия.

Металлических предметов довольно много, но, к сожалению, по преимуществу весьма плохой сохранности. Бронза представлена стержнем, смятой и двумя тонкими пластиной, фрагментом перстня с узкой шинкой, а также, возможно, фрагментом шинки, фрагментированной уховёрткой, двумя небольшими гвоздями, и фрагментированной иглой. Из железных предметов можно упомянуть три фрагментированных и один целый гвоздь, фрагмент же-

лезной пластины с круглой вмятиной, сломанный толстый четырёхугольный железный стержень, два обломка лезвия ножа (?) и стержень. Кроме того, в верхней части найдена явно попавшая в комплекс позже пантикапейская монета 3 в. до н. э.

Как видно из описания заполнения, яма долгое время забивалась различными материалами, видимо, служа котлованом для сброса мусора. Материалы позволили предположить, что яма была сооружена в последней четверти 5 в. до н. э. и функционировала в 4 в. до н. э., причём начала забиваться не позже середины столетия. Тем не менее, грунт проседал и в верхнюю часть ямы завалились слои расположенного выше зольника 2. Её ровные стенки и полное отсутствие следов укрепления борта заставило усомниться в её использовании как колодца. Тем не менее, в ходе продолжения работ в 2016 г. был достигнут водоносный слой. На то, что нами обнаружен колодец указывало и заполнение нижней части ямы, практически лишённое находок, видимо, являющееся намытым грунтом. Таким образом, можно уверенно интерпретировать эту яму как колодец, находившийся на территории двора частного дома. Следует учесть, что уровень почвы здесь был весьма низким для Мирмекия, и достигнуть водоносного горизонта здесь было относительно легко.

Следующий объект, относящийся к системе водоснабжения был открыт в восточной части участка "И". Здесь при расчистке бровки между квадратом В-1 и сектором В-2/с-в на уровне +8,19 была обнаружена каменная конструкция, получившая название «водосток». Водосток, сориентированный по линии юго-запад — северо-восток, расчищен на длину 1,8 м. Его края уходят в западный и восточный борта квадрата. Конструкция представляет собой желоб шириной 0,3 м, сложенный из нескольких рядов мелких камней размером 0,3x0,1x0,09 м, перекрытый плоскими прямоугольными горизонтальными плита-

Мирмекий. Участок "И". Водосток. Вид с востока.

ми 0,62x0,38x0,1 м, 0,69x0,4x0,1 м, 0,36x0,15x0,1 м. Плиты залегают на уровне +8,19-+8,16. После снятия центральной плиты перекрытия, удалось расчистить пол водостока, состоящий из плотной темно-серой глины. При разборке серого глинистого заполнения находок обнаружено не было.

Вероятно, водосток с небольшим уклоном продолжался в юго-западном направлении, по крайней мере, еще на 3,3 м, о чем свидетельствуют остатки разрушенного каменного желоба, зафиксированные в западном и восточном бортах соседнего сектора В-2/с-3. Кроме того, перекрывающие его плиты читаются ещё западнее на фотографиях участка «И» 1950-х гг., как минимум, на 12 м и уходят под стены домов эллинистического времени. Остатки конструкции здесь располагаются на уровне +7,97-+7,85 под ступенью эллинистической лестницы помещения VI, со строительством которого следует связывать устройство водостока. Таким образом, функционирование комплекса относится ко времени не позднее 3 в. до н. э.

Без всякого сомнения, открытый водосток является частью древнего водопровода. В этом нет никаких сомнений, так как в его заполнении не найдено никакого мусора, исключительно глина. Об этом говорит и аккуратное перекрытие водовода каменными плитами. Такая конструкция может иметь

смысл только в случае подвода на городище воды из цистерны или близлежащего источника. Существование высокорасположенных водонакопительных цистерн и водораспределительного механизма для Мирмекий классического-эллинистического времени можно считать исключённым, так как подобные конструкции неизвестны в Северном Причерноморье этого времени. Следовательно, вода в город подводилась от какого-то родника. К сожалению, точно установить полную длину и направление водовода

невозможно. Также затруднительно пока его датирование, но нет сомнения, что он был сооружён не ранее начала 4 в. до н. э.

Наиболее любопытный и неожиданный объект водоснабжения был открыт в юго-западной части памятника возле скалы мирмекийского акрополя. Здесь в течение многих лет исследуется большая усадьба 1-2 вв. н. э., состоящая из многочисленных многокамерных построек. В 2016 году была открыта крупная постройка б с несколькими посещениями. Для нас особый интерес представляет помещение 1 открытое на квадратах 34-35. Оно уходит в северный борт участка. Помещение ограничено с юга кладкой 61, с запада кладкой 63, а с востока кладкой 71. Размеры открытой части помещения по внутренним обводам 5,38x3,3 м, открытая площадь — 13,8 м². В помещении шёл с юга водосток, для которого был сделан проход в кладке 61.

Кладка 61 была открыта в ходе работ 2015 г., когда удалось зафиксировать некоторые верхние камни кладки, равно, как и часть её южного фаса. Кладка представлялась однофасной, что оказалось недалеко от истины. Кладка идёт в широтном направлении, составляя с западной стороны угол с отходящей на север кладкой 63, с восточной стороны кладка составляет угол с кладкой 50, отходящей на юг,

а также к ней с юга встык пристроена кладка 71. В продолжение кладки 61 в восточном направлении идёт кладка 70. Кладка иррегулярная, постелистая, сложена из суммарно обработанных камней на два фаса, но внутренний (северный) фас разрушен (размеры камней 0,55x0,31x0,25 м, 0,65x0,63x0,1 м, 0,35x0,35x0,15 м), двух-трёхслойная, сохранилась на 4 ряда (макс. отметка +10,39). Несмотря на то, что северный фас кладки казался очевидным, его не удалось уверенно обнаружить в ходе раскопок. Несколько камней лежали на одной линии, но остальные оказались хаотично наброшены. Работы по поиску чёткой линии северного фаса были прекращены, дабы не допустить разрушения конструкции кладки. Многие камни лежали вперемешку с грунтом, и даже фиксация фаса была затруднена. Не исключено, что такая ситуация связана с тем, что после какого-то разрушения кладка не была полностью восстановлена из камней, а только подложена сырцом или подсыпана грунтом. Длина кладки — 7,42 м при ширине 0,85 м, сохранившаяся высота — 0,9 м. Кладка лежит на слое

жёлтой супеси. Она ограничивает помещение 1 постройки 6 с запада.

На расстоянии около 2 м от восточного торца кладки (или в 0,85 м от внутреннего угла с кладкой 50) в стене было сделано отверстие для водостока. Водосток впервые был обнаружен в 2009 году. Тогда была вскрыта его южная часть длиной 2,2 м. Отверстие для водостока в кладке 61 шириной 0,35 м и высотой (от дна водостока, отметка +8,38) — 0,7 м отверстие для водостока оформлена двумя плитами, сложенными «домиком» под острым углом. Ширина водостока в грунте составляет 0,5 м. Длина водостока, открытого в этом году составляет 1,89 м, т. е. общая его длина составляла ок. 4,1 м. Водосток с двух сторон был обложен камнями, поставленными на ребро. С восточной стороны сохранилась пара небольших камней, а с западной крупная плита размерами 1,2x0,8x0,35 м (верхняя отметка +9,63), а также несколько мелких камней. Водосток был заполнен рыхлой жёлтой супесью, не содержащей находок. Любопытно, что водосток имел уклон внутрь помещения, а не наружу.

Мирмекий. Участок "ТС". Постройка 6. Помещение 1. На месте снятого пифоса 1 — лунка. Вид с севера.

Кладка 63 была открыта в сезоне 2015 года в борту ямы №ТС-13/2015. В этом сезоне она была исследована более основательно. Кладка идёт в направлении север-юг, южный её край сложен встык с кладкой 61, отходящей к востоку. Кладка иррегулярная, постелистая, сложена из суммарно обработанных камней на два фаса (размеры камней 0,57x0,5x0,14 м, 0,5x0,3x0,16 м, 0,41x0,38x0,24 м), двух-трёхслойная, сохранилась на 7-8 рядов (макс. отметка +9,97). Следует отметить, что кладка сложена более аккуратно, чем большинство окружающих кладок. Кладка открыта на длину 2,17 м при ширине 0,9 м, сохранившаяся высота — 1,45 м. Интересно, что нижние камни кладки, лежащие на уровне +8,59 совпадают по уровню с подошвой кладки 66, на которую они заходят, зато подошва кладки 61, к которой она пристроена намного выше (+9,58). Кладка лежит на слое серой супеси и образует западную стену помещения 1 постройки 6.

Кладка 71 идёт строго в направлении север-юг. Кладка постелистая, иррегулярная, со слабым сохранением рядности, сложена на два фаса, двухслойная, сохранилась до шести рядов (размеры камней 0,6x0,6x0,16 м, 0,63x0,25x0,25 м, 0,42x0,4x0,32 м). Сохранившаяся длина кладки — 3,47 м, ширина — 0,8 м, сохранившаяся высота — 1,08 м (максимальная отметка +9,95). С западной стороны (помещение 1) нижние камни кладки лежат на уровне +8,87. Наружная сторона открыта до уровня +9,24, по уровню двора и подошвам окружающих кладок. Таким образом, кладка ограничивала подвал, которым, видимо, является помещение 1 постройки 6 с востока.

Вся поверхность помещения была перекрыта завалом из мелких камней, который пробивала средневековая яма №ТС-8/2016. Материал из завала рассмотрен в предыдущем разделе. Завал подстилался слоем жёлтой супеси. При её выборке было найдено 11 обломков черепицы, 559 фрагментов керамических сосудов, 40 костей животных,

2 рыб и 6 птиц. На фрагменты амфор приходилось 81,7% от всего керамического комплекса. Без их учёта 4,9% приходится на обломки толстостенных сосудов, 2,9 — чернолаковых, 18,6%, 34,3% на фрагменты красноглиняных столовых сосудов, 14,7% — сероглиняных, 10,8% на обломки кухонной керамики, 11,7% — лепной, а также 1,9% составляют окатанные фрагменты. Кроме того, найдены два обломка красноглиняных открытых светильников и фрагмент крышки сероглиняного светильника с рельефным орнаментом.

При расчистке пола помещения, в нём были обнаружены два пифоса, один из которых находился в юго-западной части помещения, а другой располагался возле восточной стены и наполовину уходил в борт. Пифос №1 был исследован полностью (илл. 7, 55-56, 342-344), его диаметр составил 1,2 м, сохранился на высоту 1,06 м (верхняя отметка +9,25, нижняя отметка +8,19). Верхняя часть пифоса частично провалилась в нижнюю. Внутри он был заполнен жёлто-серой супесью, в которой было найдено 4 фрагмента черепицы, 418 фрагментов керамических сосудов, 35 костей животных, 5 рыб и 2 птицы. На амфоры пришлось 80% от всего керамического комплекса, а также найдены 1 фрагмент поливной керамики, 1 чернолаковый, столько же буролаковых, 8 краснолаковых сосудов, 7 фрагментов принадлежали красноглиняным кружальным сосудам, 11 — сероглиняным, 9 — обломкам кухонных сосудов, 2 — лепным, а также 3 окатанных фрагмента. В целом, материал невыразительный, фрагменты мелкие. Пифос 2 более крупный, уходил в северный борт участка. Его диаметр 1,53 м, исследован на высоту 0,36 м (верхняя отметка +9,17). Так как значительная часть пифоса уходит в борт раскопа, его решено было консервировать до момента полного исследования помещения. Судя по всем, ещё один пифос находился в юго-восточном углу помещения и был разрушен ямой №ТС-8/2016. В одной из её стенок найден большой фрагмент стенки пифоса.

Первоначально открытое помещение было интерпретировано как слабо заглубленный подвал, в котором находились пифосы для хранения различных продуктов. Тем не менее, в данной связи удивляло наличие водостока, выходявшего из помещения. так как его наличие могло свидетельствовать о том, что помещение было открытым и нуждалось в выводе воды. Внимательное изучение показало, что водосток шёл не из помещения, а в него (!), о чём говорит как уклон его дна. так и то, что в южной части водосток заканчивался обложенным камнями торцом, не впадая ни в какую водосборную яму. Таким образом, водосборной цистерной было само помещение 1. По всей видимости, вода, стекавшая в находившийся южнее двор, попадала в водосток и втекала в помещение, в котором были вкопаны пифосы, закопанные по самое горло в плотно утопанный грунт. За-

полняя помещение, вода утекала в пифосы и накапливалась в них. Подобное водохранилище совершенно уникально для древнего Мирмекия, а также неизвестно мне и на других памятниках. Вероятно, накопившейся воды вполне хватало для водоснабжения жителей усадьбы.

Таким образом, в 2016 году в Мирмекии были изучены три различные объекта, связанные с водоснабжением. Колодцы и водоводы, подводившие воду от родников хорошо известны в античном мире, но далеко не всегда уверенно фиксируются на памятниках Северного Причерноморья. Водосборное помещение с пифосами уникально, но, возможно, не единично, и наши наблюдения помогут коллегам открыть подобные объекты и в других местах. Можно надеяться, что в будущем система водоснабжения Мирмекия будет исследована более полно.

In article several objects which were logging in water supply of the ancient settlement Myrmekion in Classical time are considered. The earth well belongs to 5-4 century BC, the stone covered conduit by 4-3 centuries BC. The room with pithoy, to which there was a drain which is filling in inside the rain water collecting in pithoy is unique. The room belongs to the farm-house of 1-2 centuries AD.

Keywords: Myrmekion, water supply, drain, well.

УДК 902.034.4

В. В. Вахонеев

Комплексный подход к археологическому изучению античного городища Акра

Статья содержит анализ подводных археологических исследований, которые проводятся с 1980-х гг. на античном городище Акра в Восточном Крыму. Автор уделяет внимание методикам проведения исследований, техническим средствам. В заключении делается попытка общей реконструкции существования Акры в античный период как одного из малых городов Боспора.

Ключевые слова: Акра, Боспор, подводные археологические исследования, гидролокатор, эхолот.

Античное городище Акра — уникальный памятник подводной археологии в акватории Чёрного моря. Обнаруженное более 35 лет назад, городище сегодня исследуется совместной экспедицией Черноморского центра подводных исследований, Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН. За это время памятник стал своеобразным полигоном для апробации различных методик, применяемых в подводных исследованиях.

В 1981 — 1983 гг. полевыми исследованиями экспедиций Керченского историко-археологического музея под рук. В. Н. Холодкова было установлено, что на песчаной косе и прилегающей терри-

тории встречается большое количество фрагментированной античной и средневековой керамики. В 1981 г. при рытье ям для столбов ограды рыболовецкого цеха на косе, в 10 м севернее памятника погибшим десантниками, рабочие наткнулись на каменное основание стены. Была раскрыта небольшая часть стены, выходящая из моря и обрывающаяся на берегу. Возле стены были обнаружены фрагменты античной керамики. Тогда же исследователь высказал предположение о возможном затоплении части античного поселения или усадьбы.

В мае 1982 г. решением сектора античной археологии ИА АН СССР был создан Боспорский подводно-археоло-

логический отряд под рук. К. К. Шилика, просуществовавший шесть лет. Основной задачей подводников стала археологическая разведка акватории Керченского пролива. На протяжении 1982 — 1987 гг. отряд работал двумя группами как на крымском, так и на кавказском берегах пролива. К работе отряда на общественных началах были привлечены аквалангисты спортивно-технических клубов страны. В 1982 г. по просьбе дирекции Керченского музея отряд занялся и поисками предполагаемого поселения на дне пролива у села Заветное [6, с. 30].

В 1982 г. исследования проводила группа аквалангистов из Ленинграда, которым удалось на расстоянии до 80 м от берега обнаружить под водой скопление керамики и остатки культурного слоя. А в 1983 г. к подводным разведкам приступила группа керченских аквалангистов под рук. А. Н. Шамрая. В работе отряда принял участие московский инженер-гидроакустик Э. Б. Ионес, который составил батиметрическую карту изучаемой акватории по полученным с помощью гидролокатора эхограммам [5, с. 10].

Для работы применялся гидролокатор вертикального зондирования с рабочей частотой 10 кГц, шириной диаграммы направленности 30°, излучаемой мощностью — 50 Вт. Показания прибора выдавались в виде эхограмм — сечений рельефа, записанных на электротермической бумаге.

Вдоль уреза воды была проложена базовая линия, от которой через каждые 5 м под прямым углом к ней проложили параллельные галсы. Гидролокатор был установлен на шлюпку, которая с постоянной скоростью двигалась по намеченным галсам. В последствии все 53 пройденных галса были нанесены на план акватории. При обработке эхограмм на них отмечались точки с глубинами, кратными 0,5 м. На линиях галсов наносились также аномалии, подтвержденные повторными проходами галсов. Кроме того, были отмечены резкие изменения

рельефа. Точки с равными значениями глубин были соединены изобатами.

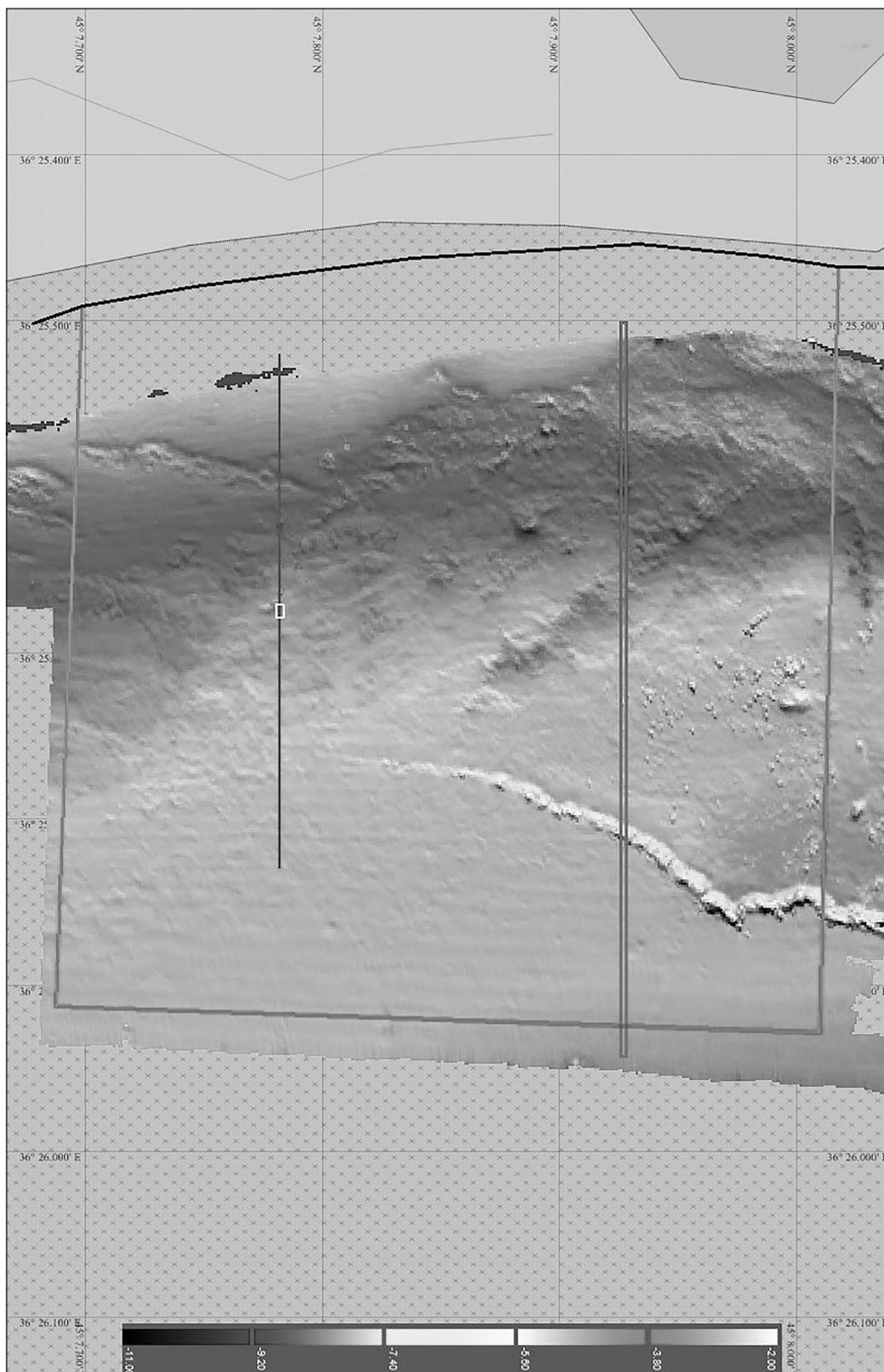
В результате этих работ был получен план затопленной части городища, на котором видно, что резкие изменения рельефа преобладают в прибрежной зоне на глубине до 1,5 м. Аномалии в основной оказались сосредоточены на глубинах 1,5 — 3 м. Глубина более интенсивно нарастает до 2-х м, на глубине от 2-х до 2-5 м наблюдался пологий участок, а далее уклон увеличивался, достигая наибольшей крутизны после 3 — 3,5 м.

Работы по геоакустическому сканированию акватории Акры были закончены в 1984 г. На тот момент анализ полученных результатов позволил предположить, что на дне имеется линейное образование длиной 230 м, параллельно выявленной ранее оборонительной стене, на расстоянии 150 м от неё. Северный конец данной линейной структуры находился на глубине 1,5 м, а южный — 4,5 м. К. К. Шилик предположил, что данная структура может быть ещё одной оборонительной стеной [6, с. 48].

В 2016 г. ООО «Фертоинг» самостоятельно выполнило обследование акватории затопленной части Акры с использованием многолучевого эхолота. Данные, полученные в 1980-е гг., во многом нашли подтверждение. На полученной сонограмме прекрасно просматриваются трасса оборонительной стены города, а также несколько других неприродных конструкций.

В 1983 г. по окончании полевого сезона Керченскому музею удалось провести аэрофотосъёмку района работ. Она была проведена фотоаппаратом «Зенит-Е» через иллюминатор с высоты 300 — 350 м под разными углами.

В 2016 г. также к исследованиям были привлечены возможности проведения аэрофотосъёмки с использованием новейшего оборудования — радиоуправляемого летательного аппарата (коптера) с закреплённой камерой. Выполненные в июне 2016 г. фотоснимки проиллюстрировали границы городища, выделенные

Сонограмма гидроакустической съемки акватории Акры многолучевым эхолотом в 2016 г.

Аэрофотосъемка 2016 г.: вид на Акру с востока. Темные пятна маркируют границы городища

тёмным контуром каменных развалов, а также зафиксировали к западу от городища и озера Яньш древнее русло безымянной ныне пересохшей речки, некогда впадавшей рядом с Акрой.

В 1983 — 1985 гг. экспедиция в ходе подводного обследования выявила оборонительные стены, две башни, колодец, были установлены прямоугольные очертания городища и определена его площадь в 3,5 га [3, с. 19; 4, с. 108 — 111].

В 1985 г. оборонительную стену удалось проследить под водой и на пляже пересыпи на протяжении 110 метров, следующие 70 м она продолжалась в виде развала крупных камней. Со стороны берега к ней примыкает башня 7 x 7 м. В 170 м от берега на глубине 3 м обнаружен обложенный камнем колодец, в котором найдены 7 клейменных гераклейских амфор IV в. до н. э., фрагменты чернолаковой посуды и крупного кувшина, обломок свинцового якорного штока, деревянные изделия.

Исследования башни проводились и в современности. Она состояла из тёмных известняковых блоков с рустом с лицевой стороны. Рустованные блоки составляли как внешнюю сторону башни, так и внутреннюю, что является отличительной особенностью данного

сооружения в сравнении с другими северопричерноморскими памятниками (схожий объект, имеющий рустованную внутреннюю часть, выявлен на участке «С» в Мирмекии, однако его интерпретация затруднена). Два ряда кладки сохранились в высоту до 1 м. Как показали раскопки внутреннего заполнения башни, её стены опирались на большие деревянные обработанные балки, сложенные в виде клетки. Такая фундаментная конструкция, по всей видимости, могла усиливать устойчивость башни в случае сейсмических колебаний земной поверхности или при подъёме уровня грунтовых вод. Между тем, в настоящее время отсутствуют достоверные данные о землетрясениях в середине IV в. до н. э., что ставит под сомнение необходимость создания такой сложной защитной конструкции. Гораздо более убедительной представляется потребность защиты башни от высокого уровня грунтовых вод на низком прибрежном мысу, где была расположена Акра.

Заполнение башни состояло из культурных наслоений с большим количеством керамических фрагментов, иногда весьма больших размеров. Пол был глинобитным над подсыпкой из каменной крошки.

Исследования с внешней стороны северной стены башни также дали интересные результаты. Над подножием фундаментного ряда были обнаружены две верхние части амфор (синопской с клеймом на ручке .. ΣΤΙΑΙΟΥ|ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ|ΙΣΤΙΑΙΟΥ, эмблема канфар, и книдской) и нижняя часть синопской амфоры. Рядом с ними найден фрагментированный деревянный гребень с мелкими зубцами с одной стороны и большими с другой, орнаментированный тремя вырезанными кругами. Эти находки определяют terminus post quem сооружения башни.

Исследованная башня защищала северную часть юго-западной оборонительной стены Акры и была пристроена к ней с внешней стороны несколько позже, скорее всего во второй половине IV в. до н. э.

Помимо обследования акватории городища, отдельное внимание уделялось разведкам с помощью гидролокатора акватории гавани Акры. К востоку от городища была обследована естественная прямолинейная каменистая гряда — выход пласта твердых рифовых известняков неогенового периода. В античное время при более низком уровня моря она выглядела как узкий мыс, увенчанный скалистым гребнем, прикрывающим берег от волн с юга и юго-востока. Впоследствии результаты изучения гавани Акры были опубликованы А. Н. Шамраем [2, с. 29 — 41].

В 1994 — 1997, 2001 гг. Акру исследовала экспедиция КГИКЗ под руководством А. В. Куликова [1, 80 — 83; 7]. В рамках этих работ была вновь осмотрена оборонительная башня, сложенная из известняковых квадров. Башня расположена в 40 м от берега, сохранившаяся высота кладки 1 — 2 ряда. В 15 — 30 м мористее отмечены развалы стен различных размеров и степени сохранности. Значительное внимание было уделено исследованиям прибрежной полосы, выявившим жилую застройку римского времени.

С 2011 г. в Акре работает совместная экспедиция Черноморского центра под-

водных исследований, Государственного Эрмитажа и ИИМК РАН.

За прошедшие 7 полевых сезонов совместной экспедицией заново составлен план затопленной части городища со всеми вновь выявленными объектами с использованием тахеометра.

В сезоне 2017 г. в ходе экспедиции Г. В. Самохиным было проведено геологическое обследование прилегающей к Акре территории. В ходе обследования установлено, что высокий холм, прилегающий к Акре с юга, имел в древности продолжение в юго-восточном направлении, прикрывая Акру от южных и юго-восточных ветров. На склоне этого холма до сих пор находятся источники пресной воды. В древности таких источников было больше, что также содействовало выбору места для организации поселения греками.

В 2016 г. после 20-летнего перерыва были возобновлены работы и на песчаной пересыпи под рук. С. Л. Соловьева. В ходе раскопок на площади 100 м кв. были открыты разновременные археологические объекты: остатки наземной постройки с двором, двумя хозяйственными ямами и очагами II–III вв., часть наземного строения с вымосткой I — II вв., участок городской оборонительной стены эллинистического времени. Полученные в ходе раскопок данные в первом приближении позволяют определить дату прекращения использования оборонительной стены города по прямому назначению и относить это событие ко времени, вероятно, не позднее II — начала III вв. до н. э. Постройки римского времени были сооружены поверх оборонительных конструкций, тем самым указывая на изменение поселенческого статуса Акры в это время.

Наконец, в ходе изучения затопленной части Акры активно привлекаются современные методики фиксации. Так, с 2017 г. для фиксации и картирования подводных объектов используется метод фотограмметрической обработки фотоснимков. Данная методика положительно себя зарекомендовала в работе в условиях ограниченной видимости

воды. При установке дополнительных маркеров тахеометра объекты успешно фиксируются на плане. Обработка фотоснимков выполняется в программе «Agisoft Photoscan», а результатом служит получение трехмерных моделей любых объектов — от поверхности дна и строительных комплексов до отдельных находок.

Таким образом, на сегодняшний день общую схему существования Акры можно сформировать так. Вследствие трансгрессии Чёрного моря, начавшейся около середины I тыс. н. э., древний город оказался на глубине, достигающей 3 — 4 м. Особенности волнового режима в этой части побережья Керченского полуострова привели к тому, что часть культурных слоёв древнего города не была полностью смыта и фундаменты некоторых построек оказались не разрушены, а лишь частично занесены морским песком.

Древний город был основан на низком, глубоко вдающемся в море мысу, который сегодня практически полностью скрыт водой. Мыс в древности был естественным продолжением прибрежного склона холма, примыкающего с юга.

Название древнего города может указывать на то, что уже с самого начала он был укреплен, имел фортификационные сооружения. Следует признать, что топоним Акра в значении «укрепление» употреблялся значительно реже, чем в значении «возвышенность». Мыс с городищем был отгорожен оборонительной стеной, которая пересекла его поперёк. Такое стратегическое положение, по-видимому, обусловило название городка, которое и может быть переведено как «укрепление».

Акра была основана в результате процесса внутренней колонизации Боспора в начале V в. до н. э. Именно этим временем датированы некоторые строительные комплексы на т. н. хоре Акры, на поселении Заветное-5. На самой же Акре до сих пор слои этого времени не были изучены.

Самыми ранними выявленными подводными исследованиями являют-

ся слои IV в. до н. э. К этому времени относится сразу несколько изученных объектов. В первую очередь, это оборонительная стена города. Она визуально прослеживается на протяжении 150 м до глубин 2,5 м. Ширина стены составляет 2 м, а сама она возвышается над морским дном на 1 — 2 ряда камней. Во время проведённых раскопок у восточного фаса стены она была открыта в высоту до 1,6 м. Характер слоя, а также анализ находок из него однозначно свидетельствуют, что данный слой сохранился *in situ*. Скорее всего, мощная оборонительная стена помогла уберечь культурные напластования IV в. до н. э. и более ранние от размыва.

В 30 м от уреза воды к внешнему фасау оборонительной стены примыкала башня. Все её стены опирались на большие деревянные балки, сложенные в конструкции в виде клетей. Стены были сложены из хорошо обработанных рустованных блоков, сформировавших как внешние, так и внутренние фасаы. Исследованная башня защищала северную часть юго-западной оборонительной стены Акры и была пристроена к ней с внешней стороны во второй половине IV в. до н. э. При расчистке внешнего фаса стены башни найден прекрасно сохранившийся эллинистический деревянный гребень с резным орнаментом.

Самым мористым объектом, обнаруженным в Акре, является цистерна, обнаруженная в 1983 г. на глубине 3 м в 170 м от берега, маркируя дневную поверхность того периода. Она была обложена камнями, а в кладке присутствовали деревянные детали. В слое заполнения колодца найдены фрагменты амфор, столовой посуды, обломок свинцового якорного штока, деревянные детали, обработанные на токарном станке, куски древесины и 7 клеймёных гераклейских амфор IV в. до н. э.

К северу от оборонительной стены на протяжении последних лет был исследован квартал раннеэллинистической жилой застройки. Учитывая, что стены всех сооружений параллельны и перпендикулярны трассе оборонитель-

ной стены, планировка и топография города имела четко выраженную квартальную систему застройки. При расчистке песчаных отложений на этом участке обнаружена золотая серьга с окончанием в виде головы льва.

Напластования эллинистического времени оказались наиболее подвержены штормовому размыву на малых глубинах и практически не сохранились. Строительные остатки и слои римского времени изучались в 1990-х гг. на песчаной пересыпи. Тогда было открыто три домовладения. По дости-

жению уровня грунтовых вод работы были остановлены. В первые века н. э. застройка вышла за границы уже утратившей свои функции ранней оборонительной стены, вероятно, по причине постепенного подъёма вод.

Прекрасно сохранившиеся деревянные конструкции и изделия, обнаруженные при подводных исследованиях, а также неразмытые культурные напластования и строительные остатки под водой делают Акру одним из эталонных памятников подводной археологии всего Причерноморья.

Список сокращений

ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КГИКЗ — Керченский государственный историко-культурный заповедник

1. Грабовецкий С. В., Куликов А. В. Обследование античного поселения в районе озера Яныш: (Восточный Крым) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 3. СПб., 1998. С. 80 — 83;
2. Шамрай А. Н. Подводные разведки гавани Акры // Судова археологія та підводні дослідження. Запоріжжя, 1993. С. 29 — 41;
3. Шилик К. К. О локализации Акры // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь. 1984. С. 19;
4. Шилик К. К. Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времён до наших дней. Тезисы докладов. Москва, 1984. С. 108 — 111;
5. Шилик К. К. Отчёт о работе у села Заветное Ленинского района Крымской области в 1983 г. Л., 1984. — 41 с.;
6. Шилик К. К. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 7. СПб., 2013. — С. 29 — 82;
7. Kulikov A. V. Akra and its Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 2. Oxford, 2007. P. 1023 — 1056.

The article contains the analysis of underwater archaeological research conducted since the 1980s on the ancient city Akra in the Eastern Crimea. The author pays attention to the research methods, technical means. The conclusion attempts a General reconstruction of the existence of Akra in antiquity as one of the small towns of the Bosphorus.

The writings of Strabo, Pliny the Elder, Claudius Ptolemy and "Periple of the Pontus Euxinus" contained first mention about small bosporian town of Akra.

In 1982 the employee of the Kerch Museum V. N. Kholodkov excavated a strong cultural layer without building residues near Zavetnoe village and suggested that a settlement flooded by the waters of the Kerch Strait. In 1982 the Kerch Museum addressed to the head of the underwater squad of the Bosporan expedition K. K. Shilik with a proposal to conduct underwater exploration in identified settlement. In 1983 — 1985 K. Shilik during the underwater surveys revealed the defensive walls, two towers, well, installed a rectangular outline of the settlement and determined its area. In 1994 — 1997, 2001 Akra was studied by the expedition led by A. Kulikov. Considerable attention was paid to research of the coastal strip, which revealed residential development from Roman times. Since 2011 Akra studying by joint expedition of the Black Sea Underwater Research Center and the State Hermitage Museum.

Keywords: Akra, Bosphorus, underwater archaeological research, sonar, depth sounder.

УДК 9.902.2

М. Ю. Вахтина, П. Г. Столяренко

Об особенностях погребального обряда Порфмийского некрополя

Статья посвящена характеристике погребальных сооружений, обряда и инвентаря погребальных комплексов эллинистического времени, открытых в 2004-2012 гг. на некрополе «малого» Боспорского города Порфмий.

Ключевые слова: Порфмий, некрополь, склеп, могила, погребальный инвентарь.

История изучения некрополя. Исследования античного города Порфмий, руины которого расположены к северо-западу от современного г. Керчь, на западной окраине пос. Жуковка. Раскопки Порфмия начались в 1953 г., однако некрополь этого поселения долгое время считался неизвестным [24, с. 70]. Однако случайные находки указывали на его существование в непосредственной близости от города. Наиболее интересная из таких находок — фрагмент известнякового надгробия IV в. до н. э. с двухстрочной надписью «Невмения, жена Арамата», найденный на городище в кладке стены эллинистического времени [15]. Как выяснилось сравнитель-

но недавно, Порфмийский некрополь был впервые обнаружен общественным инспектором по охране памятников В. В. Веселовым еще в 1952 году, когда во время организации паромной переправы через Керченский пролив на равнине к западу от п. Жуковка велась выборка грунта для строительства порта Крым. Данные о некрополе города нашли отражение в рукописи В. В. Веселова, долгое время остававшейся неизданной. Лишь в 2005 г., когда эта рукопись наконец увидела свет, стало известно, что на потревоженном в результате земляных работ участке «было нарушено около 10 могил, обложенных каменными известняковыми плитами, толщиной

0,15 — 0,25 м. В одном месте было обнаружено скопление обломков пантикапейских кровельных черепиц, перемешанных с истлевшими человеческими костями. При осмотре территории некрополя были подняты фрагменты: канфара, покрытого коричневым лаком; нижней части лекифа, флаконов, мелкие бусинки из светлой стеклянной пасты. Из одной могилы в откосе карьера вывалилась простая кособокая мисочка, раздвижной бронзовый браслет, бронзовое изделие в виде проволочного витка с пирамидальными шпильками на концах и проч.» [9, с. 14, фото 4-6]. В 2003 г. Порфмийским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН некрополь древнего города был открыт вновь, а с 2004 г. начались его регулярные раскопки [5; 3; 6-8]. В данной статье мы постараемся дать общую характеристику погребальных комплексов, обряда захоронения и инвентаря. В будущем авторы планируют полную публикацию материалов Порфмийского некрополя.

Местоположение. Исследуемый участок некрополя расположен примерно в 250-300 м к западу от городища. От небольшого скального плато, на вершине и склонах которого располагался древний город, территорию некрополя отделяет неширокая балка, идущая с севера на юг. В её северной части заметны следы родников; в сезоны дождей по дну балки стекает водный поток. Равнина, на которой были выявлены остатки захоронений, заметно понижается к югу; часть её некогда была занята виноградным плантажем и огородами. Большинство раскрытых нами захоронений были расположены восточнее заброшенного карьера вдоль сельской дороги, соединяющей посёлки Жуковка и Опасное.

Типы и хронология захоронений. Погребения, обнаруженные на этом участке, можно отнести к трем типам: захоронения в простых грунтовых ямах (обнаружено 6), плитовых могилах (обнаружена 1) и каменных плитовых склепах (обнаружено 9). Почти все открытые комплексы принадлежали к последнему периоду истории города — II — первой

половине I в. до н. э. Археологические разведки и сбор подъемного материала на участке, разрушаемом бортами старого карьера, образовавшегося в процессе экскавации грунта в 50-х гг. прошлого столетия, позволяет предполагать, что здесь, возможно, находились более древние грунтовые погребения в ямах, совершенные еще в V-IV вв. до н. э. Как известно, к этому типу (погребения в простых грунтовых ямах) относится большинство захоронений, совершенных на некрополях боспорских городов Северного Причерноморья [Арсеньева, 1984. С. 222].

Среди склепов, сложенных из известняковых плит, открытых на некрополе Порфмия, самым ранним, по-видимому, является склеп № 5, вероятно, сооруженный в IV в. до н. э. [4, с. 76-77, рис. 2]. Он представлял собой каменный ящик со стенами, сложенными из вертикально стоящих плит известняка, пол был выложен каменными плитами (рис. 1). Внутренние размеры камеры 1,90 м х 0,84 м, глубина 0,98 м. Западная торцевая плита, в отличие от восточной, которая вплотную пригнана к боковым плитам, неплотно примыкает к боковым стенам, что даёт основание полагать, что здесь, с западной стороны, находился вход в камеру, ведущую из дромоса. Дромос, очевидно, представлял собой земляную яму, выявить его границы не удалось. В заполнении камеры и в выбросе из грабительских ям были найдены отдельные обломки костей, принадлежавших взрослому индивиду. Из заполнения камеры происходит фрагмент ножки амфоры Менды IV в. до н. э., а при расчистке пола была обнаружена бронзовая пантикапейская монета 330—315 гг. до н. э. Склепы, по-видимому, служили семейными усыпальницами и могли использоваться в течение достаточно длительного времени.

Погребальный обряд и инвентарь. В захоронениях всех типов преобладает восточная ориентация погребенных. В тех случаях, где удалось зафиксировать положение костяков *in situ*, погребенные были вытянуты на спине.

Известно лишь одно исключение — безынвентарное «скорченное» женское погребение № 6, речь о котором пойдет ниже.

Захоронения в простых грунтовых ямах. Их выявление представляет собой определенную трудность: характер почвы (суглинок желтовато-серого цвета), в который были впущены ямы, усложняет фиксацию их границ, а высокая кислотность почвы интенсивно разрушает костные остатки. Сохранность захоронений нарушают сельскохозяйственная деятельность и хищнические раскопки.

Так, грунтовое погребение № 1 (рис. 1, 1) было почти полностью разрушено грабительскими раскопками. Остатки захоронения были расчищены на площади 2,3 x 1,2 м на гл. 0,7 м от современной дневной поверхности. Очевидно, погребение было совершено в простой грунтовой яме, перекрытой плоской известняковой плитой. Каменные плиты перекрытия были выявлены в восточной части могилы; череп обнаружен под большой плитой. Очевидно, погребенный находился в могиле в вытянутом положении, головой на восток. Останки принадлежали мужчине в возрасте 20 — 35 лет. При расчистке костяка был найден фрагмент двустольной ручки косской амфоры и раковина моллюска (морской гребешок), что позволяет датировать грунтовую могилу № 1 в пределах II — первой половины I вв. до н. э.

К числу наиболее хорошо сохранившихся принадлежало грунтовое погребение № 2 (рис. 1, 2). Оно располагалось в 0,45 м ниже уровня дневной поверхности; контур могильной ямы, впущенной на гл. 0,10 см в предматериковый грунт, удалось зафиксировать только на уровне костяка. В слое над

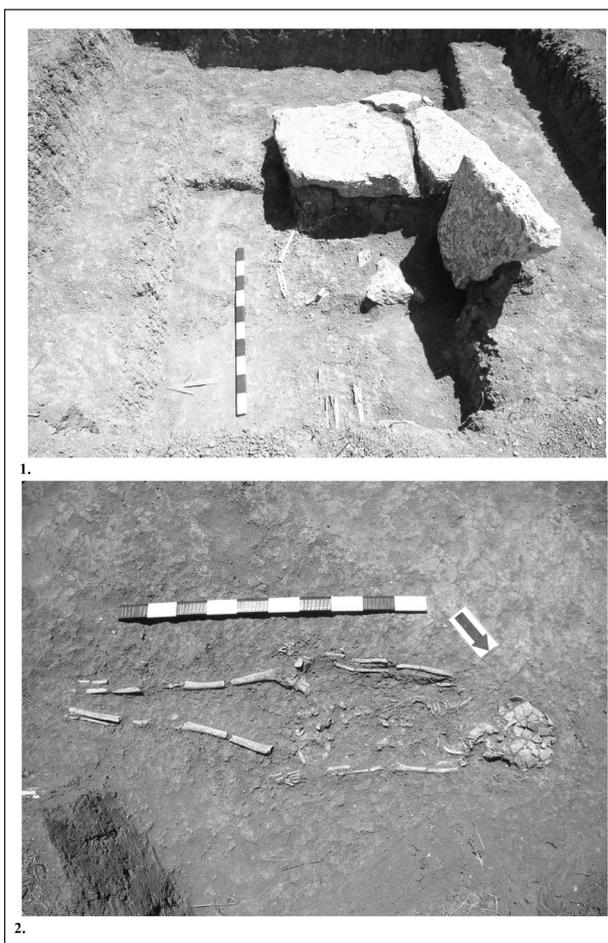

Рис. 1. Погребения в простых грунтовых ямах. 1 — погребение № 1; 2 — погребение

уровнем могильной ямы были найдены фрагменты красноглиняной столовой керамики, фрагмент венчика хиосской амфоры, фрагмент ручки гераклейской амфоры. Яма имела неправильную овальную форму. Погребенный индивид в возрасте около 30 лет¹ был расположен вытянуто на спине, головой на запад — северо-запад. Погребальный инвентарь представлен бусами (всего 38 экз.). В грабительском выбросе из погребения были найдены венчик буролаковой миски и фрагментированный красноглиняный кувшинчик. Трудно судить о времени совершения погребения, вероятнее всего, его можно датировать II — первой половиной I вв. до н. э. Примечательной особенностью этого погребения является ориен-

¹ Пол погребенного определить не удалось. Судя по инвентарю, в могиле, скорее всего, была захоронена женщина.

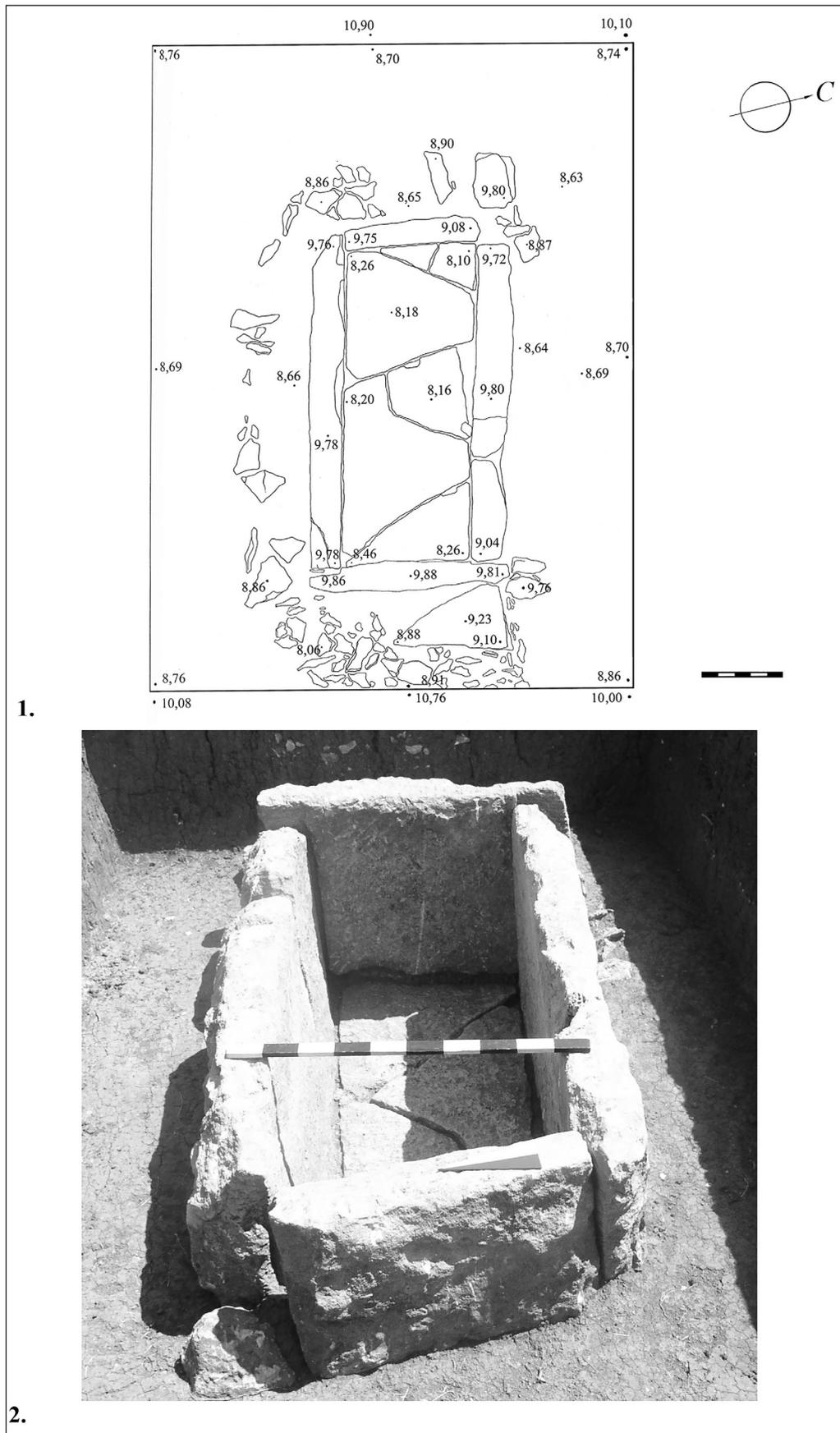

Рис. 2. Склеп № 5 (вид с запада)

тировка костяка — это единственный известный пока на некрополе Порфмия случай западной (с отклонением на север) ориентировки погребенного. Необычное грунтовое погребение № 6 было обнаружено на участке некрополя в 2012 г. Оно было совершено в овальной в плане яме размерами 1,25 x 0,65 м, выявленной на гл. 0,7 м от современной дневной поверхности. Яма была ориентирована по оси север-юг и содержала скорченный костяк женщины 35 — 40 лет, лежащей головой на север с небольшим отклонением к востоку [6, с. 133, рис. 7-7а]. Погребение было безинвентарным. В грунте над уровнем ямы были найдены бронзовая боспорская монета и бронзовый трехгранный наконечник, что позволило отнести захоронение к античному времени.

Захоронения в плитовых могилах. Вероятно, к этому типу относились погребения, случайно открытые на исследуемом участке некрополя в 50-х гг. прошлого века и описанные В. В. Веселовым [9, с. 14]. Во время стационарных раскопок была выявлена лишь одна могила этого типа [6, с. 135, рис. 8], представлявшая собой яму, обложенную с внутренней стороны по периметру каменными плитами и имевшую каменное перекрытие. Длина её по внешним границам составляла 2,06 м, по внутренним — 1,81 м; средняя ширина составляла соответственно 0,88 и 0,68 м. Западная часть могилы имела минимальную ширину — 0,4 м. К моменту раскопок плиты сохранились лишь у восточной, северной и западной стен; с южной стороны большая часть плит была выбрана, возможно, еще в древности. Плиты были подпрямоугольной формы, изготовлены из обтесанного известняка и существенно отличались друг от друга размерами. Самый большой блок был положен к северной стене могилы, его размеры составляли 1,27 x 0,25 x 0,41 м. В целом конструкция создавала впечатление, что при её сооружении были использованы «случайные» материалы, то есть в дело шли камни и плиты, имевшиеся в

наличии, а не обтесывались или подбирались специально.

Эта особенность отличает плитовую могилу № 1 от порфмийских склепов, сложенных из близких по размеру и качеству обработки блоков, в основе размеров которых, вероятно, лежал некий «модуль». Плитовая могила имела земляное дно, выложенное мелкими камнями известняка. Погребение было ограблено в древности. В заполнении были найдены небольшое количество стенок амфор и столовой посуды. В их числе — небольшой фрагмент «мегарской» чаши, доньшко красноглиняного кувшина, край кастрюли. В заполнении был найден кусок твердого камня каплевидной формы длиной 0,16 м и максимальной шириной в нижней части 0,16 м. Фрагменты костей встречались на разных уровнях. Они принадлежали женщине 30 — 45 лет и двум детям в возрасте менее 5 лет. Могила предположительно датируется III — II вв. до н. э.

Захоронения в склепах. Самыми интересными и сложными комплексами, открытыми на Порфмийском некрополе, являются погребения в плитовых склепах. Склепы, открытые на некрополе, имели разную степень сохранности. Во всех случаях конструкции перекрытий не были выявлены, так как верхние части кладок были уничтожены распашкой. Все комплексы были ограблены, причём, некоторые грабились дважды — в древности и в наши дни. Все обнаруженные склепы имели одинаковую ориентировку — по линии восток-запад с небольшими отклонениями и состояли из камеры и коридора-дромоса. Дромос всегда располагался с западной стороны камеры и имел земляной пол. Полы камер, за исключением камеры склепа № 4, были вымощены крупными плоскими плитами известняка; пол камеры склепа № 4 был земляным, посыпанным каменной крошкой. Во всех случаях, когда удавалось обнаружить в камере потревоженные костные остатки, было зафиксировано вытянутое положение погребенных, лежащих головой на восток. Склепы имели

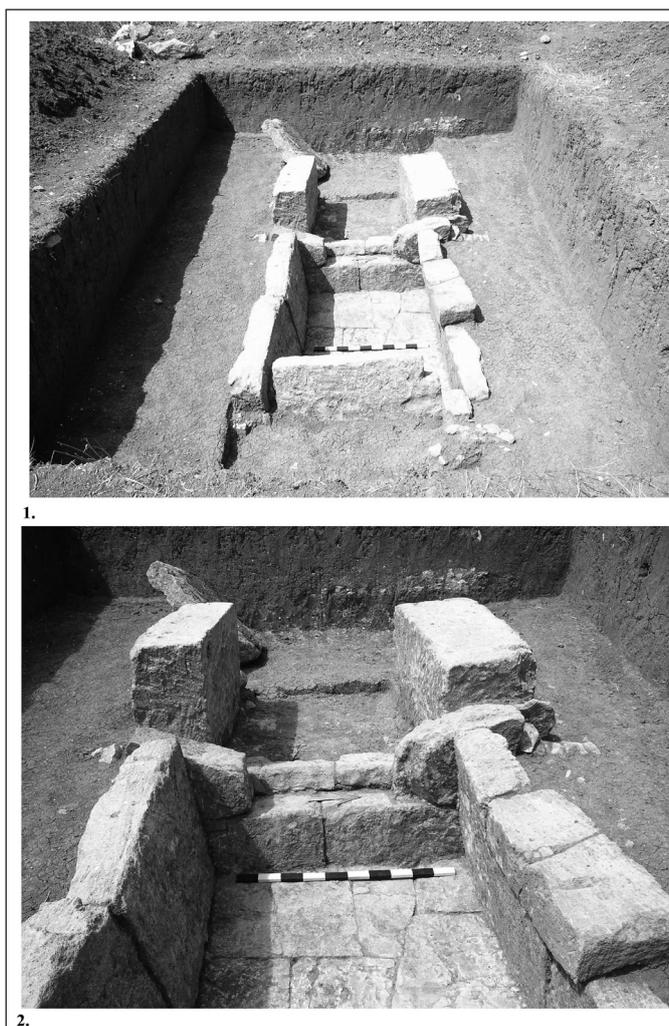

Рис. 3. Склеп № 1. 1 — вид с востока;
2 — дромос и вход в камеру (с востока).

разные размеры и содержали разное количество захоронений. Вероятно, они использовались как семейные усыпальницы. Остатки инвентаря свидетельствуют об относительном благосостоянии и высоком статусе погребенных. В большинстве случаев были зафиксированы следы погребальных тризн.

Склеп № 5, вероятно, самый ранний по времени возведения, имел самую простую конструкцию и представлял собой каменный ящик (рис. 2). Склеп № 4 [3, с. 125, рис. 34; 8], возможно, был возведен немного позднее, чем склеп № 5. Материалы, найденные в заполнении камеры и дромоса склепа № 4, показывают, что он использовался многократно в течение длительного времени. Судя по керамическим находкам, последнее совершенное в его камере погребение

относится ко II в. до н. э. Однако само сооружение могло использоваться достаточно длительное время. Склеп № 2 близок склепу № 5 по особенностям конструкции [5, с. 187, рис. 5]. В материалах грабительского выброса из его камеры была обнаружена фрагментированная «мегарская чаша», украшенная фризом с изображениями Эротов на колесницах вправо [7, с. 132-133, рис. 2], которую можно датировать II в. до н. э. Близкую аналогию этой композиции можно видеть на фрагменте стенки чаши из Пантикапея [10, с. 55-56, кат. № 26].

Наиболее интересную и сложную конструкцию демонстрирует склеп № 1. [5, с. 185, рис. 3; 6, с. 124-126, рис. 14]. Он имел прямоугольную в плане форму (рис. 3, 1). Вырубы на верхних частях блоков восточной и западной стен указывают на наличие ещё как минимум одного ряда

кладки, уничтоженной полностью, как и перекрытие склепа.

Дромос, расположенный с западной стороны, был ограничен двумя прямоугольными блоками, установленными орфостатно. В восточной части на уровне основания блоков имелась вымостка из двух плит, уложенных горизонтально и плотно прилегавших к блокам второго ряда кладки западной стены погребальной камеры. Вместе с блоками первого ряда кладки они образовывали ступеньку, ведущую из дромоса в погребальную камеру (рис. 3, 2). Пол дромоса представлял собой плотную глинистую трамбовку толщиной 0,25 — 0,3 м. Конструктивной особенностью склепа является оформление входа из дромоса в погребальную камеру. Плиты второго ряда кладки западной поперечной сте-

ны были приставлены перпендикулярно к торцу плит дромоса, прикрывающих вход и сужающих проход в камеру.

Погребальная камера представляла собой подпрямоугольный в плане плитовой ящик размерами 2,4 x 1,7 м. Камера была полностью ограблена. Части костяков были обнаружены на полу склепа *in situ*. Расположение фрагментов костей нижних конечностей в западной, а частей черепа в восточной частях камеры указывают на то, что погребенные были положены в вытянутом положении головой на восток. По данным антропологического анализа в склепе были похоронены не менее трёх человек в возрасте 30 — 50 лет, среди них один мужчина и две женщины.

В грабительском выбросе были найдены фрагментированные человеческие кости и обломки столовой и кухонной керамики местного производства III — середины II вв. до н. э., а также лепная керамика, типы которой имеют аналогии среди сосудов скифского населения степного и предгорного Крыма III — I вв. до н. э. [12, табл. 50–52; 16, рис. 7, 7–8, 12; 8, 1, 4, 8] и антропоморфное надгробие, о котором более подробно будет сказано ниже.

В заполнении погребальной камеры и дромоса были найдены многочисленные фрагменты керамики [5, с. 191, рис. 9, 2–16]. В заполнении камеры был также обнаружен бронзовый браслет в виде согнутого гладкого, округлого в сечении проволочного ствола с округлыми утолщениями на концах [5, с. 191, рис. 9, 1а]. Браслеты подобной формы были распространены в Северном Причерноморье с конца IV в. до н. э. вплоть до римского времени [21, табл. 38, 3–10; 12, табл. 71, 5; 11, табл. 6. ННФ. 73. 127]. Там же были найдены глазчатая бусина синего цвета, округлой формы с круглыми глазками и фрагмент лезвия железного ножа [5, с. 191, рис. 9, 1, b–c]. Комплекс находок позволяет относить время использования склепа ко II — I вв. до н. э.

Под камнями заклада входа в дромос на уровне его пола были открыты костные остатки, которые ранее были ин-

терпретированы нами как остатки еще одного захоронения [5, с. 186, рис. 4]. Возможно также, что здесь были помещены вынесенные из камеры для обеспечения достаточного пространства для последующих захоронений и сложенные «кучкой» кости погребенного ранее индивида. Кости сохранились плохо. Согласно антропологическому заключению, они принадлежали женщине в возрасте около 50 лет. Сопутствующий инвентарь состоял из двух стеклянных бусин округлой формы синего и зеленого цветов II — I вв. до н. э. [1, с. 64].

Инвентарь. К сожалению, ни для одного из захоронений некрополя Порфмия нами не был получен полный набор сопровождающего инвентаря. Но даже остатки вещей, сохранившихся после ограбления, свидетельствуют о его «богатстве» и разнообразии. Среди керамического материала преобладают фрагменты простой столовой посуды — кувшинов и мисок. Встречаются также фрагменты лекифов, унгентариев и других туалетных сосудов, «мегарских чаш». Среди металлических изделий отметим находку фрагмента диска бронзового зеркала (склеп № 3), туалетных щипчиков (склеп № 6). Встречаются и украшения — фибулы, браслеты. Достаточно часты находки бусин и подвесок. Зафиксированы 3 фрагмента терракотовых статуэток. Характерной особенностью некрополя являются находки бронзовых боспорских монет, вероятно, использовавшихся в качестве «оболов Харона». Следует отметить почти полное отсутствие в составе инвентаря фрагментов лепной посуды и тарных амфор, которые, однако, представлены в материалах тризн.

Надгробные сооружения. На эллинистическом некрополе Порфмия, как и на некрополях других греческих городов, несомненно, существовали надмогильные маркеры. Несомненно, здесь были распространены надгробные плиты с надписями, о чем свидетельствует уже упоминавшаяся находка фрагмента такой плиты [15], обнаруженная на го-

родище во вторичном использовании. Вероятно, использовались и антропоморфные надгробия. Во время работ на некрополе было обнаружено три подобных изваяния. Все они были найдены перемещенными. Первое происходит из выброса грабительской ямы склепа № 1 [5, с. 185 сл., рис. 6; 3, с. 126, рис. 35; 6, с. 131, рис. 4, 2]. Надгробие представляет собой массивное изваяние с округлой головой и уплощенным затылком. Согласно классификации, разработанной Н. В. Молевой, надгробие относится к типу 11 (вариант а) и датируется III — II вв. до н. э. [19, с. 139, кат. № 84]. находка другого надгробия связана с грунтовым погребением № 3 [6, с. 117-118, рис. 4, 1]. Фрагмент известнякового антропоморфного надгробия с уплощенной округлой «головой», лежащий горизонтально, был расчищен в слое над захоронением. Скорее всего, надгробие было первоначально установлено над могилой, либо использовано вторично как плита перекрытия. Н. В. Молева отнесла его к типу 14 (вариант б) и датировала III в. до н. э. [19, с. 139, кат. № 83].

Третье антропоморфное изваяние было найдено в грабительском выбросе из погребения № 5. Антропоморфная полуфигура имеет округлую, сужающуюся в нижней части «голову» и массивное подпрямоугольное основание [6, с. 131, рис. 5, 2; 20, с. 122, рис. 1, 6]. Скульптура имеет выраженную «лицевую» сторону, на которой можно различить условно обозначенные «глаза», показанные небольшими углублениями. Надгробие можно отнести к типу 3 по классификации Н. В. Молевой, время его бытования — вторая половина IV — III в. до н. э. [Молева, 2012. С. 45].

Заключение. Подводя итог краткому обзору погребальных комплексов, открытых на Порфмийском некрополе, можно отметить, что, очевидно, в эллинистический период здесь существовали разные типы погребений. Вероятно, самыми ранними были трупоположения в простых грунтовых ямах. В IV в. до н. э. на некрополе по-

являются первые плитовые склепы. Их возведение было достаточно трудоемким делом, требовавшим определенных затрат. Склепы, по-видимому, служили семейными усыпальницами наиболее зажиточных и уважаемых граждан общины. Этим объясняется относительные «богатство» и многочисленность предметов, погребального инвентаря, обнаруженного у погребенных. Склепы могли использоваться на протяжении достаточно долгого периода времени; заполнявшееся пространство погребальной камеры периодически освобождалось от остатков предшествующих погребенных. Это обстоятельство может затруднять датировку плитовых склепов, при раскопках которых исследователи обычно фиксируют позднейший «пласт» захоронений.

Погребения в простых грунтовых ямах, по-видимому, продолжали существовать синхронно с захоронениями в склепах. Они содержали одиночные захоронения с более «бедным» инвентарем.

Погребальный обряд Порфмийского некрополя можно охарактеризовать как греческий. В пользу этого, возможно, свидетельствует и выбор территории для совершения погребений — к западу от городских стен, по другую сторону балки, которая в древности могла быть небольшой рекой. Все открытые захоронения были совершены по обряду трупоположения, восточная ориентировка костяков является преобладающей. Даже после расхищения основной массы наиболее ценных вещей грабителями можно прийти к заключению о разнообразии и многочисленности погребального инвентаря. В его составе регулярно находят мелкие боспорские монеты, что позволяет высказать предположение об использовании их в ритуальной практике в качестве «обола Харона» [23]. К обычаям, распространенным как в античном, так и в варварском мире [14, с. 263], по-видимому, можно отнести следы погребальных тризн, которые часто фиксируются в слое над захоронениями. Негреческим по обряду, вероятно, можно считать

единственное «скорченное» безынвентарное погребение (№ 6), открытое на некрополе.

Порфмийские склепы, несомненно, имеют общие конструктивные черты, схожую в плане форму и ориентировку. Однако, каждый из них уникален — при наличии общих «модулей» и технических приемов, склепы демонстрируют достаточно широкий «разброс» признаков, отличаясь размерами и индивидуальными конструктивными особенностями. По некоторым признакам склепы Порфмийского некрополя можно сопоставить с погребальными комплексами, открытыми на других памятниках Боспора. К кругу этих памятников принадлежат, например, плитовые гробницы Тиритаки [13, с. 157-165, рис. 1, 2, 4, 7-10] и каменные гробницы крымского Приазовья [18]. В качестве аналогий погребальных сооружений, существовавших в русле той же традиции, можно привлечь и некоторые материалы с территории Азиатского Боспора [17, с. 23 сл.]. Однако во всех случаях мы можем говорить лишь о наличии неких общих черт, «роднящих» порфмийские склепы с погребальными сооружениями, известными для некрополей других центров. Близких аналогий порфмийским склепам пока обнаружить не удается. Более

того, можно отметить относительную сложность их конструкций, присущую этой локальной группе погребальных памятников, и в ряде случаев изысканность и даже некоторую изысканность. По-видимому, погребальные памятники элиты Порфмия могут рассматриваться как один из показателей высокого уровня жизни города в эпоху эллинизма.

Таким образом, представляется очевидным, что каждый некрополь боспорского города отличался от некрополя соседнего города и, развиваясь в русле античной традиции, обладал специфическими, локальными особенностями. Поэтому, на наш взгляд, позиция исследователей, считающих более верным «говорить не о погребальном обряде всего Боспора, не о некоем общем погребальном обряде греков, а о погребальном обряде разных городов» [Сударев, 2005, с. 21] вполне обоснована. Исследования некрополя Порфмия способны не только расширить наши знания о греческом погребальном обряде и его трансформации в одном из периферийных регионов античного мира, но и пролить свет на своеобразные аспекты погребально-поминальной практики, присущей жителям этого небольшого греческого поселения у переправы через Киммерийский Боспор.

Список сокращений

АВ — Археологические вести

БИ/ BS — Боспорские исследования/ Bosporan Studies

ДБ/BA — Древности Боспора / Bosporan Antiquities

ВДИ — Вестник древней истории/ Journal of Ancient History

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

САИ/CAS — Свод археологических источников / Corpus of Archaeological Sources

ХСб. — Херсонесский сборник

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ — Г1-12 — М.: Наука, 1978. — 119 с.

2. Арсеньева Т. М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1984. — С. 222-223.

3. Вахтина М. Ю. Порфмий — греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ — 2009 — вып. XXII. — С. 91-126.

4. Вахтина М. Ю. Порфмий в IV в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварских мир в древности и средневековье. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений / Ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько — Керчь, 2013. — С. 73-80.

-
5. Вахтина М. Ю., Стоянов Р. В. Новые данные о некрополе Порфмия / АВ — 2006 — вып. 13. — С. 182-194.
 6. Вахтина М. Ю., Столяренко П. Г. Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004-2012 гг.) // Культурный слой — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского Госуниверситета, 2013 — вып. 2 — С. 114-145.
 7. Вахтина М. Ю., Столяренко П. Г. Грунтовой некрополь Порфмия. Особенности погребального обряда «малого» боспорского города // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова / Ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. — СПб: «Нестор-История», 2014 — С. 129-135.
 8. Вахтина М. Ю., Столяренко П. Г. Склеп № 4 эллинистического некрополя Порфмия // Археология и давняя історія України. — Київ, 2015 — вип. 1/14. — С. 298-307.
 9. Веселов В. В. Сводная ведомость. Результаты археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–64 гг. // ДБ — 2005 — suppl. 2. — 264 с.
 10. Гжегжулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. — Варшава: РУКО — 2010 — часть I. — 344 с.
 11. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. — СПб: Наука, 1999. — 328 с.
 12. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ — Д1-7 — М.: Наука, 1991. 144 с.
 13. Зинько В. Н., Зинько А. В. Новые исследования некрополя Тиритаки // ДБ — т. 16 — 2012. — С. 156-167.
 14. Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов в V-IV вв. до н. э. и их особенности // МИА, 1959 — № 69. — С. 257-295.
 15. Кастанаян Е. Г. Надгробная надпись из Порфмия // ВДИ. — 1987. — № 2 — С. 85-87.
 16. Колтухов С. Г. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // ХСб. — 2004 — вып. XIII. — С. 68-120.
 17. Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. Описание погребальных комплексов. Каталог // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья/ Ред. А. А. Малышев. — М. — 2010. — т. III. — С. 21-191.
 18. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI — I вв. до н. э. // Боспорский сборник. — М. — 1995 — вып. 8 — 124 с.
 19. Молева Н. В. Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского Госуниверситета, 2012 — 178 с.
 20. Молева Н. В. Боспорские антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица (происхождение традиции) /Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции/ Отв. ред. В. А. Хршановский. — СПб: «Нестор-История». — 2013. — С. 121-125.
 21. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ — Д4–5. — М.: Наука, 1978. — 144 с.
 22. Сударев Н. И. Грунтовые некрополи Боспорских городов в VII — II вв. до н. э. Авт. канд. дисс. — М., 2005. — 26 с.
 23. Сударев Н. И., Болдырев С. И. «Обол Харона» как археологический термин // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Материалы X Боспорских чтений/ Ред. В. Н. Зинько. — Керчь, 2009 — С. 435-439.
 24. Шургая И. Г. 1984. Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурад // Античные государства Северного Причерноморья /Отв. ред. Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1984 — С. 63-71.

The article is deals with the description of burial constructions, funeral rites and inventory of the complexes of the Hellenistic period, discovered in 2004-2012 at the necropolis of the “smaller” Bosporan town Porthmion.

Keywords: *Porthmion, necropolis, crypt, grave, burial inventory.*

УДК 9; 904

Ю. А. Виноградов, А. К. Каспаров

Необычные ямы античного поселения Артющенко–1 на Таманском полуострове

Археологические исследования в западной части поселения начались в 1998 г. Здесь было открыто несколько необычных ям, относящихся к II–III вв. н.э. Три из них содержали скелеты животных (собак, свиней и т.д.). Одна яма содержала четыре человеческих черепа. Можно предположить, что они были связаны с жертвоприношениями.

Ключевые слова: *Боспор Киммерийский, Таманский полуостров, сельские поселения, древние ямы, кости животных.*

Введение. Боспорская экспедиция Института истории материальной культуры РАН проводит спасательные раскопки античного поселения Артющенко–1, расположенного на обрывистом берегу Чёрного моря на Таманском полуострове, с 1998 г. За это время здесь было сделано немало важных открытий. Прежде всего, было выяснено, что поселение функционировало с перерывами с последней трети VI в. до н. э. по VIII–IX вв. н. э. Памятник разделён глубокой балкой на восточную и западную части, при этом любопытно, что в восточной части сосредоточены археологические объекты, относящиеся к времени до рубежа эр, а в западной —

после него: I–III вв., IV в. (постготское время) и VIII–IX вв. (салтово-маяцкая культура) [см.: 1; 3; 13; 14].

В данной статье речь пойдёт о западной части памятника. Раскопки убедительно показали, что в I–III вв. постоянного, стационарного поселения здесь не существовало. Это было место, куда земледельцы приходили временно, только на сезон, связанный с проведением полевых работ. Соответственно, никаких основательных построек здесь не возводилось, пришедшие сюда крестьяне обходились очень простыми сооружениями типа полуземлянок, часто весьма аморфных очертаний [4, с. 25–30]. На поселении было исследовано большое

число ям, равномерно распределённых по площади памятника; в некоторых из них были обнаружены скелеты животных (в основном, собак и свиней), обычно по одному в яме [13, р. 158, fig. 1]. Эти находки, как представляется, можно связывать с жертвоприношениями богам плодородия. Известно, что свиньи были жертвенными животными греческой богини Деметры [7, с. 131-132], собаки же, по представлениям древних греков, были связаны с областью «пограничья» между мирами живых и мёртвых [10, с. 107-123]. На многих боспорских поселениях зафиксированы ритуальные захоронения (жертвоприношения) собак, связанные с культами хтонических божеств [10, с. 114-116]. В общем, все эти ямы, открытые на поселении Артющенко-1, несмотря на обнаруженные в них единичные скелеты животных, можно считать вполне обычными. Необычными надо признать другие, немногочисленные археологические комплексы, группирующиеся на западной окраине памятника.

Изложение основного материала.

В самом начале раскопок на поселении в 1998 г., на западной его окраине была обнаружена яма № 9. Она имела грушевидную форму и имела весьма крупные размеры (диаметр устья — 2,1 м, диаметр дна — 2,7 м, глубина от поверхности материка — 1,6 м). Заполнение ямы было в высшей степени необычным — она была просто забита костными остатками — скелетами собак, поросят (от совсем маленьких, молочных, до вполне крупных). Были здесь и взрослые свиньи, но от них сюда помещали только их огромные головы. Сверху всего этого набора лежал череп дельфина. Большое количество сделанных здесь керамических находок позволяет датировать эту яму II в. н. э. В силу её исключительности мы тогда не придали этому комплексу особого значения, хотя и полагали, что он может быть связан с каким-то необычным деянием, скорее всего, жертвоприношением.

После большого перерыва раскопки на западной окраине поселения

были возобновлены в 2012 г. и продолжены в 2015-16 гг. Здесь удалось открыть огромную глинобитную площадку (исследованная площадь — более 100 кв. м), на которой было найдено большое количество обгоревших зёрен злаковых — на 95% плёчатой пшеницы-однозернянки *triticum monocossum*. Не удивительно, что эта площадка, датированная II–III вв., сразу была интерпретирована как часть молотильного тока [5, с. 43-45; 13, р. 159], хотя пшеница-однозернянка никогда специально не культивировалась ни на Боспоре, ни в других греческих государствах Северного Причерноморья [11, с. 258]. Глинобитная площадка была пробита двумя «странными» ямами.

Одна из них, яма № 69, была открытая в 2015 г. Она имела грушевидную форму и крупные размеры (диаметр устья — 1,60 м, диаметр дна — 2,10 м, глубина ямы от уровня материка — 1,95 м). Заполнение ямы имело несколько, так сказать, ярусов костных остатков животных. На глубине 1,20 м находился скелет собаки, лежащий головой на север. Под ним — четыре свинных ножки с копытцами. Ещё ниже зафиксировано скопление костей животных, которые, как представляется, моделируют скелет, — почти всё здесь на месте, но кости принадлежат разным животным. На дне было обнаружено 2 бараньих черепа, один из которых имеет нижнюю челюсть, т. е. в яму была положена голова животного. По совокупности находок яму можно датировать в пределах II–III вв. н. э.

Яма № 80, исследованная в сезоне 2016 г., представляется не менее любопытной. В вертикальном сечении она имеет цилиндрическую форму, но в её северо-восточной части была вырублена ниша глубиной 0,60 м, о которой специально будет сказано чуть ниже. Диаметр ямы № 80 — 1,75 м, глубина от уровня глинобитной площадки — 2,40 м, от уровня материка — 2,25 м. Важнейшей её особенностью являются скопления костей животных, обнаруженные на разных уровнях заполнения.

В верхней части, в самом центре ямы (на глубине около 1 м от уровня материка) было зафиксировано скопление костей животных с лепной сероглиняной миской посреди него. При расчистке этого скопления было выяснено, что его основу составляла часть позвоночника с крестцом, принадлежавшая корове; поперёк него головой на северо-запад была положена собака (рис. 1). Ниже этих останков (на глубине около 1,25 м) в центре ямы было найдено ещё одно скопление — часть позвоночника собаки и череп козы, под которым находился скелетик поросёнка, точнее — эмбрион (рис. 2). На этом же уровне около западного борта были зафиксированы два черепа молочных поросят.

С этого уровня в северном борту ямы была вырублена ниша (ширина — 1,10 м, глубина — 0,60 м), в которой на глубине 1,32 м были обнаружены пять скелетов молодых животных, три из которых были определены вполне уверенно: барашек, козлёнок и поросёнок (рис. 3). Под ними (на глубине 1,44 м от уровня материка) был найден лепной горшок, украшенный налепами. Почти на уровне дна, около южного борта был найден ещё один череп козы, а около восточного борта — скелет собаки, уложенной на правый бок, головой на север (рис. 4). На самом дне ямы лежала нижняя челюсть коровы. Совокупность керамических находок, обнаруженных в яме № 80 позволяет уверенно датировать её в пределах II–III вв. н. э.

В таком контексте следует обратить внимания и на то, что приблизительно в 5 м от упомянутой выше глинобитной площадки в 2012 г. была изучена необычная яма № 55 (диаметр — 2 м, глубина от поверхности материка — всего 0,15 м). При разборке заполнения в ней

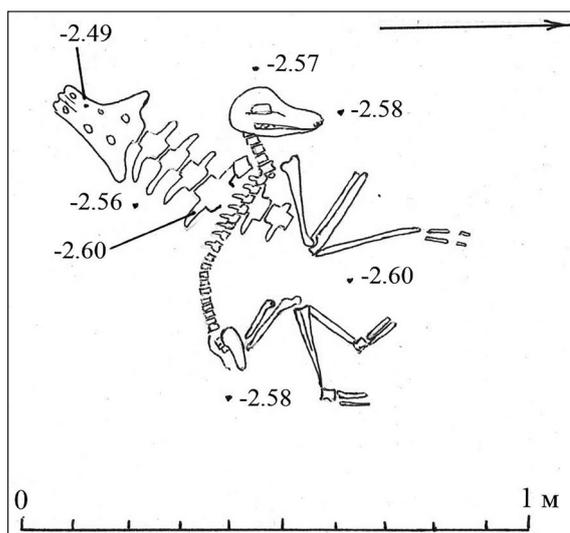

Рис. 1. Яма № 80. Скелет собаки и часть позвоночника коровы

были обнаружены 4 человеческих черепа, уложенные на дне по сторонам света, а также некоторые другие человеческие кости [13, p. 158, fig. 2]. Немногочисленные керамические находки не оставляют сомнения в том, что яма относится к первым векам н. э.

Выводы. Практически нет сомнения, что три необычные ямы со скоплениями костей животных (№№ 9, 69 и 80) были использованы для совершения масштабных жертвоприношений богам плодородия. Как представляется, в таком же ключе допустимо трактовать и яму № 55 с человеческими черепами. Продолжая эту цепочку рассуждений, можно признать, что и глинобитная площадка с обгоревшими зёрнами пшеницы-однозернянки,

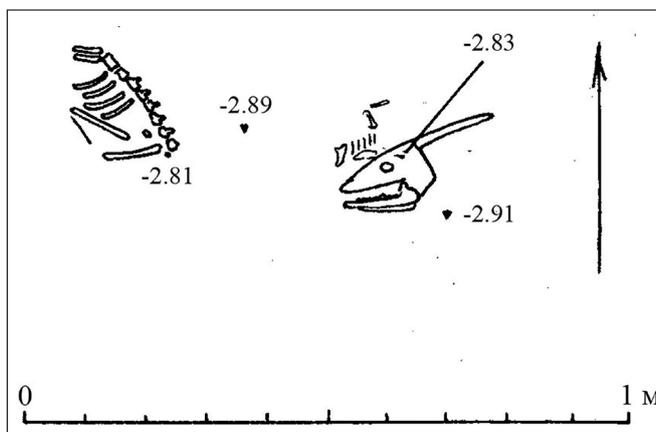

Рис. 2. Яма № 80. Часть скелета животного, эмбрион поросёнка, череп козы

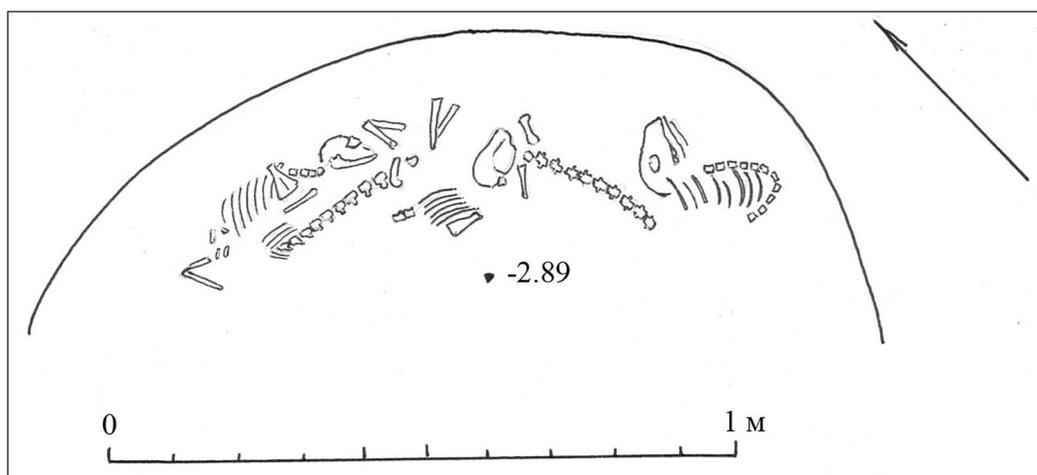

Рис. 3. Яма № 80. Скопление скелетов животных в нише

на которой или рядом с которой сосредоточены все эти ямы, является частью какого-то сакрального комплекса, который полностью ещё не раскрыт [6, с. 43-44].

Топография комплекса, расположенного на самой западной окраине памятника, на наш взгляд, по-своему весьма показательна. Он явно маркирует границу, имевшую принципиальное значение для обитателей поселения. В этом отношении следует привести ещё один археологический факт, связанный с изучением Артющенко-1. В конце прошлого века в его восточной части было исследовано святилище второй половины III — первой половины II вв. до н. э. [12, р. 370-373; 14, р. 317-318]. Оно

было связано с функционировавшей тогда на поселении железоделательной мастерской [2, с. 80-84]. Точнее, в восточной части Артющенко-1 была открыта серия сакральных объектов, ограничивающих эту мастерскую с южной и западной сторон. Все они в большем или меньшем количестве включали весьма любопытные терракотовые статуэтки [12, р. 391-394, fig. 19-22; 14, р. 318-319, fig. 1-8]. В отношении этих объектов было высказано предположение, что в совокупности они создавали своего рода защиту от зловредных, демонических сил. Люди, связанные с производством железа, а значит вступающие в контакт с опасным подземным миром и не менее опасной огненной стихией, в такой защите очень нуждались.

Можно предположить, что странные ямы поселения Артющенко-1 являются частью сакрального комплекса, связанного не только с культом плодородия, но также с необходимостью оградить его обитателей от всевозможных напастей. Вызывает некоторое удивление, что в этих ямах не обнаружено предметов, которые обычно связывают с культовыми комплексами, в том числе, и с сельскими святилищами Боспора, — терракотовых статуэток, граффити с посвящени-

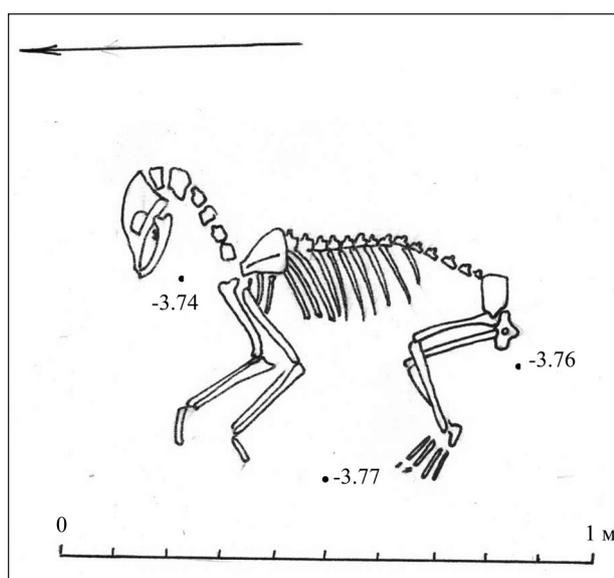

Рис. 4. Яма № 80. Скелет собаки на дне ямы

ями богам, монет и т. п. [см.: 8; 9]. Святилище, открытое в восточной части Артющенко–1, в этом отношении представляется вполне типичным, а вот культурная специфика «странных» ям западной части поселения демонстрирует совсем иное, и сами эти ямы представляются скорей соответствующими нашим представлениям о варварской культуре, нежели эллинской. Стоит обратить внимание, что в составе керамических находок, происходящих с поселения I–III вв. н. э., если исключить из

них амфорные материалы, доминируют фрагменты лепной посуды, изготовленной в традициях местного, варварского населения. Совсем не исключено, что в Артющенко–1 на время проведения полевых работ приходили земледельцы из прикубанских племён, вошедших в орбиту экономических и политических интересов Боспорского царства. Эти пришельцы, как представляется, проводили религиозные ритуалы, соответствовавшие их собственным верованиям и традициям.

1. Виноградов Ю. А. Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. — Краснодар-Анапа, 2001. — С. 17-20.
2. Виноградов Ю. А. Железодельная мастерская на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Боспорские чтения. Вып. XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Отв. ред В. Н. Зинько. — Керчь, 2010. — С. 80-84
3. Виноградов Ю. А. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 2. — С. 233-241.
4. Виноградов Ю. А. Строительные комплексы римского времени на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции / Отв. ред. Т. А. Павленко. — Краснодар: Вика-Принт, 2013. — С. 25-30.
5. Виноградов Ю. А. Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко–1 (Таманский полуостров) // Таврические студии. — 2015. — № 7. — С. 43-45.
6. Виноградов Ю. А. Античное поселение Артющенко–1 на Таманском полуострове. Особенности культурного развития в первые века н. э. // Археология и этнография Кавказа и Крыма. Тезисы докладов / Отв. ред. А. Г. Новожилов. — СПб: С-Петербургский гос. университет, 2017. — С. 41-44.
7. Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. — СПб: Филологический факультет, 2004. — 208 с.
8. Масленников А. А. Античное святилище на Меотиде. — М., Тула: Гриф и К, 2006. — 152 с.
9. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. — М.: Гриф и К. — 564 с.
10. Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. — Нижний Новгород, 2002. — 135 с.
11. Пашкевич Г. А. Археоботанические исследования Боспора // Боспорские исследования. — 2016. — Вып. 32. — С. 205-299.
12. Vachtina M. Yu., Vinogradov Yu. A., Goroncharovskiy V. A. Cult complexes and objects discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea /ed. A. Maslennikov, E. Petropoulos. — Thessaloniki: Publishing House Kyriakidis Brothers s. a., 2010. — P. 367-398.
13. Vinogradov Yu. A. Excavations at the Settlement of Artyuschenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. — 2015. — Vol 21. 1. — P. 157-160.
14. Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. — 2005. — Vol. 11. 2. — P. 316-319.

Archaeological excavations at the western part of the settlement started in 1998. Some unordinary pits of the 2nd — 3rd centuries AD were investigated here. Three of them contained skeletons of animals (dogs, pigs etc.). Fore human skulls were found in one pit. We can suppose that all of them were connected with sacrifices.

Keywords: *Cimmerian Bosphorus, Taman Peninsula, agricultural settlements, ancient pits, bones of animals.*

УДК 902.26, 528.2/5

Н. И. Винокуров, А. П. Пигин, А. Ю. Будо

К тридцатилетию Артезианской археологической экспедиции. Опыт организации топографо-геодезических работ на памятнике Артезиан

В статье представлено становление технологий пространственной фиксации элементов археологического памятника Артезиан от ранних простейших, с произвольной привязкой и ориентированием по компасу, до современных, с жесткой организацией координатной среды. Описан опыт применения современных технологий — электронных тахеометров, спутниковых приемников и данных дистанционного зондирования, формирование компьютерной пространственно-информационной модели памятника.

Ключевые слова: Артезиан, городище, некрополь, топографический план, системы координат, трансформирование раstra, цифровая модель местности, ГНСС-технологии

Тридцать лет тому в 1987 г. на базе одноименного молодежного археологического отряда Восточно-крымской археологической экспедиции Института археологии СССР Крымским филиалом Института археологии и Центром творчества детей и молодежи им. А. Косарева и лицеем № 1502 при МЭИ (г. Москва) была образована Артезианская археологическая экспедиция (ААЭ) [2].

На протяжении многих лет Артезианская экспедиция исследует в Крымском Приазовье урочище Артезиан, известное уникальными археологическими памятниками — жемчужинами прибрежной зоны Крымского Приазовья [4, 5]. В цен-

тре этих исследований — городище и некрополь Артезиан (Рис. 1).

Одним из ключевых элементов многолетних исследований археологического памятника является качественная локализация исследуемых элементов памятника, основой которой являются топографо-геодезические методы и технологии.

Для крупных археологических памятников, исследуемых в течение нескольких десятков лет поколениями археологов, учитывая становление опыта археологической школы исследователей, развитие методов и технологий пространственной локализации объектов и их элементов, корректировки

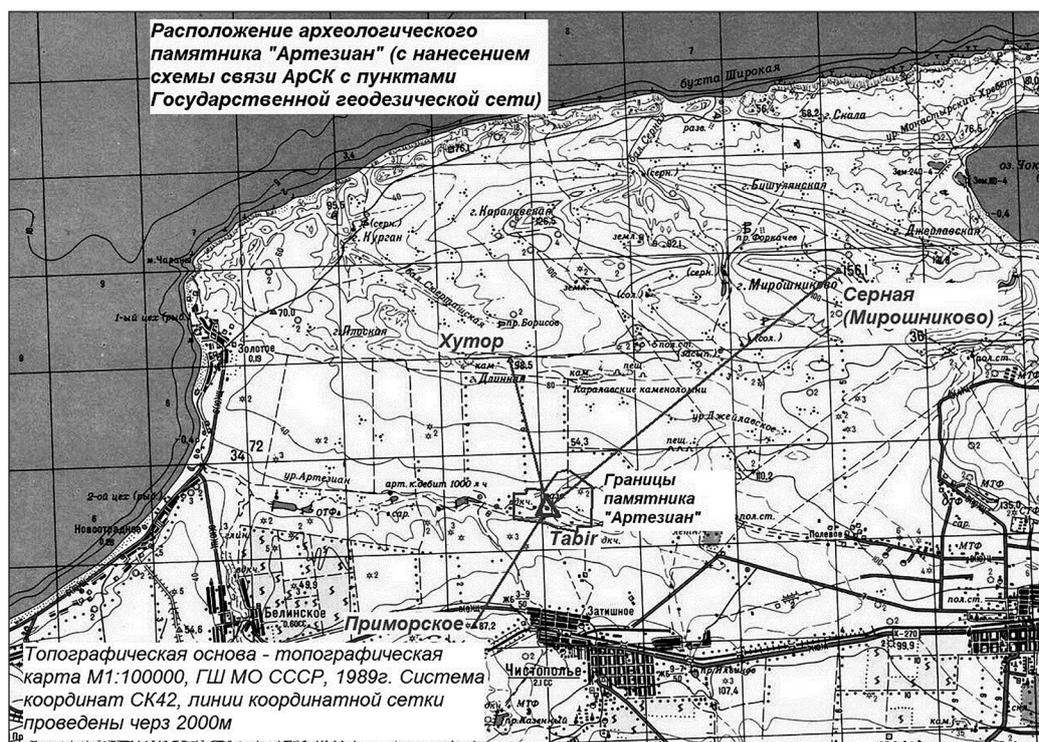

Рис. 1. Схема расположения археологического памятника Артезиан

требований нормативных документов, в общем случае является необходимым решением следующих задач [8, с. 126]:

1. Объединение и сохранение в едином координатном пространстве материалов исследований (планов) разных лет;

2. Точная пространственная локализация элементов исследований — раскопов, строительных остатков, артефактов;

3. Создание топографических материалов, обеспечивающих анализ, планирование и проведение дальнейших перспективных исследований территории памятника и ближайших окрестностей, включающее:

а. актуализацию и расширение топографической подосновы;

б. включение в работы современных материалов дистанционного зондирования;

с. развитие плано-высотной опорной сети.

4. Создание топографических материалов в виде цифровых моделей, являющихся основой пространственной компьютерной реконструкции памятника;

5. Создание материалов, обеспечивающих постановку на учет ОКН, установление статуса землепользования;

6. Подготовка топографической основы для разработки концепции и проектирования музеефикации памятников.

Все материалы создаются в единой пространственно-информационной модели памятника, в однозначно определенной, связанной с государственной системой координат (СК) координатной среде. В принятой терминологии геоинформатики — цифровой модели местности (ЦММ).

Представляет интерес опыт поэтапного подхода к решению перечисленных задач, становления и организации в ААЭ технологий пространственной фиксации элементов памятника. Методы и технологии развивались от ранних простейших, с произвольной привязкой и ориентированием по компасу, до современных, с жесткой организацией координатной среды и применением современных технологий — электронных тахеометров, спутниковых приемников и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), формированием компьютерной пространственно-информационной модели памятника.

Первый этап, 1988-2001

Археологические исследования памятника ААЭ последнего десятилетия XX века начались на северо-западном участке раскопа 1, затем южном участке раскопа 2 (рис. 2).

В условной системе координат и высот в начале работ была выполнена мензульная съемка небольшого участка, включающая глинище, зольники 1–4, вскрытый северо-западный участок будущего раскопа 1 и предполагаемую территорию городища. Масштаб съемки — 1:1000, исполнитель работ — А. В. Токарев (Москва). Результаты были представлены на бумажной основе.

Ориентирование сетки квадратов для разбивки раскопов в начале работ (1988 г.) производилось по компасу, без учета поправок (отображаемых на секретных в те годы картографических материалах) за магнитное склонение и сближение меридианов. Применение бытового компаса, годовые и локальные (магнитная аномалия) изменения склонения привели к тому, что ежегодно, от сезона к сезону приходилось корректировать разбивку сетки квадратов, из-за чего снижалась точность локализации элементов раскопов, накапливались нестыковки планов строительных остатков (СО).

Второй этап, 2001-2006

Расширение площади исследований к концу 90-х годов (начало работ на некрополе, расширение площади раскопа 2, раскоп цитадели) потребовало коренного изменения топографо-геодезического обеспечения работ.

В 2001–2002 году на памятнике проведен комплекс таких работ, включающий создание планово-высотной опорной сети и топографическую съемку памятника.

Была проведена новая ориентировка сетки квадратов. Была выбрана и закреплена точка начала системы координат (СК), затем геодезистом В. В. Семеновым окончательно откорректирована ориентировка СК. Ориентирование и дальнейшее развитие сети пунктов, закрепляющих сетку квадратов, было

произведено по Полярной, предположительно без учета часового угла Полярной и звездного времени наблюдений. Погрешность истинного азимута ориентирования сети составила 18.5' по результатам анализа 2016 г.

Так родилась используемая археологами система координат, которую позднее мы назвали Артезианская система координат — АрСК. Эта система координат, как и система высот — условная. Физически АрСК была закреплена группой из пяти расположенных в северо-западной части городища базовых пунктов, кустом по углам квадрата 20x20 м и в центре квадрата. Начало системы координат АрСК — реперный пункт 1 с координатами в АрСК 0,0. Все опорные пункты базовой группы представляют собой металлические круглые в сечении трубы, забетонированные на глубину до 1,50 м, ниже уровня почвенного слоя. Они ежегодно после работы заваливаются бутовыми камнями в виде туров, чтобы исключить возможность их повреждения мародёрами. Как впоследствии оказалось, туры хорошо просматриваются на спутниковых снимках, что в дальнейшем позволило легко калибровать, привязывать и использовать такие снимки.

От базовой группы пунктов в 2002 г. была развита планово-высотная сеть реперов — пунктов опорной сети (Рис. 2). Опорные пункты сети фиксировались двумя створами, перпендикулярными друг другу, ориентированными по осям запад-восток и север-юг. Долговременные скрытые репера устанавливались по створам через каждые 100 метров. Каждый репер дублировался вынесенными по сторонам на 20 метров бетонированными контрольными пунктами.

Развитие опорной сети производилось от пунктов базовой группы с короткими расстояниями между пунктами, то есть с базиса 20 м. Последующее распространение на 420 м к востоку (некрополь) и 180 м к югу (городище), привело к неизбежным погрешностям в установке реперов силами археологов ААЭ. Как показали последние работы,

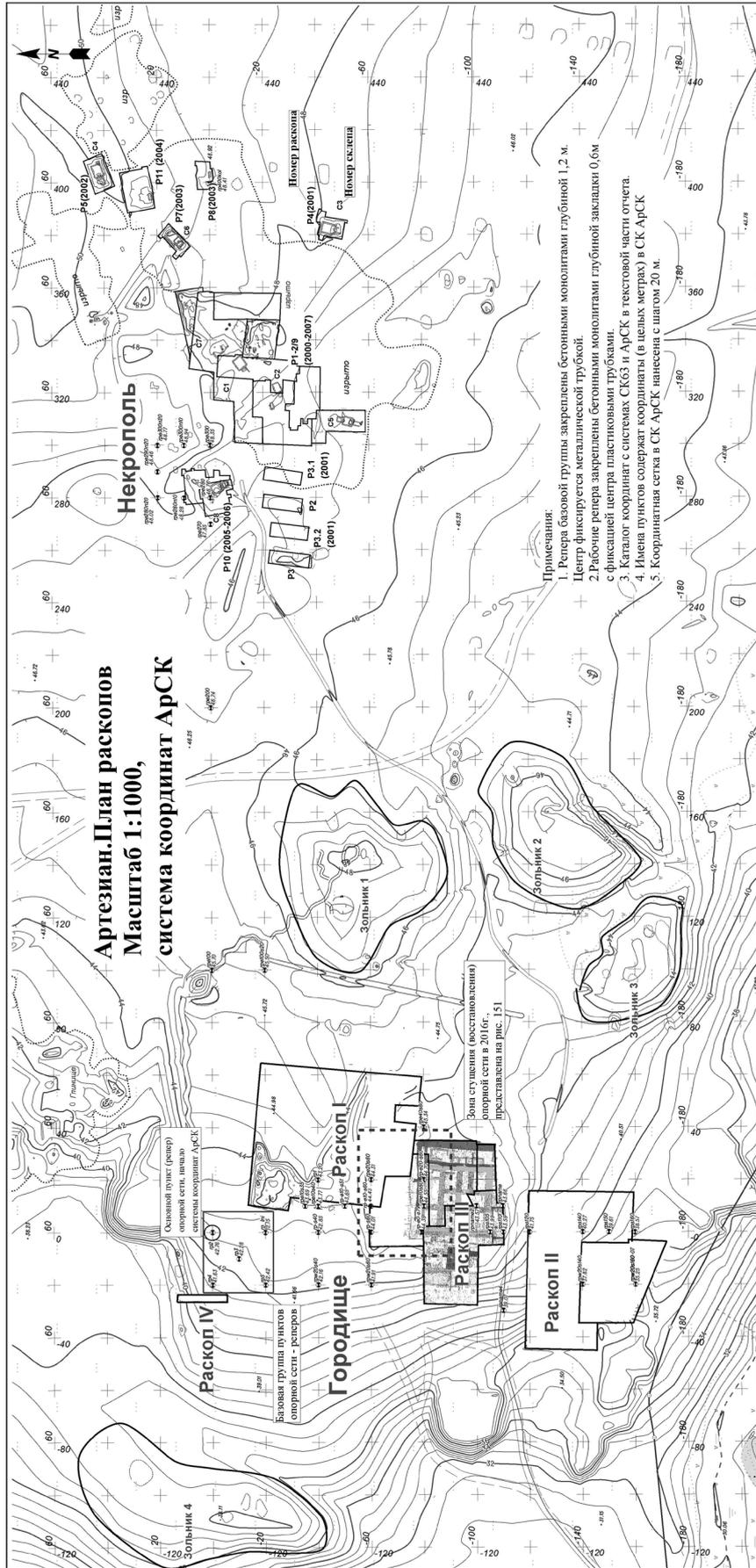

Рис. 2. Общий план раскопов и пунктов опорной сети на памятнике Артезиан

угловое несоответствие прямоугольности достигает 45", имели место погрешности в расстояниях.

Рабочие репера закреплены бетонными монолитами глубиной до 0,7 м с фиксацией центра пластиковыми (для защиты от поисковиков) трубами. Все репера несли высотную отметку в условной системе высот. За 0 высотной системы была принята основная скважина недействующей водозаборной системы, расположенная к югу от городища.

В центральной части памятника (городище и некрополь) в условной системе координат (АрСК) силами Крымского филиала института археологии НАН Украины (геодезист В. В. Семенов) выполнена тахеометрическая съемка в масштабе 1:1000. Высота сечения рельефа — 1 м, система высот — условная. На центральном участке в этой работе в план включен небольшой фрагмент более старой (1988 г.) мензульной съемки. Плотность пикетов в принципе соответствует требованиям М 1:1000, на участке мензульной съемки пикеты показаны частично, их отметки округлены до дециметров. Результаты съемки представлены в бумажном виде. Оцифровка (векторизация) съемки не производилась, отсканированный топографический план вплоть до 2016 года использовался только в растровом виде.

Третий этап, 2006–2016

Накопившийся большой объем пространственной информации, требующий упорядочения и уточнения, расширение работ на некрополе привели к необходимости организации следующего, качественно нового, этапа в организации топографо-геодезического сопровождения исследований. Дополнительным толчком к этому этапу послужило развитие современных технологий геодезических работ, представившие новые возможности локализации пространственной информации. В 2006–2008 гг. силами волонтеров компании Навгеоком (Москва) и КМС (Киев) выполнен комплекс работ, в ко-

торый входило решение трех основных задач [3, с. 47].

А) Привязка. Результативная интерпретация археологических данных отдельного памятника невозможна без анализа ландшафтно-исторической среды территории, что в свою очередь требует перехода представления пространственных данных памятника не в условной, а общей (государственной, местной) системе координат и высот. Такое представление позволяет ввести в пространственно-исторический анализ весь корпус доступных картографических, спутниковых, аэросъемочных материалов.

Определение координат базовой группы реперов в системе координат 63 года и Балтийской системе высот проведено волонтерами компании Навгеоком (Москва) от пункта «Tabig» (Лагерь) в 2007 году, расположенном непосредственно в лагере ААЭ. В свою очередь пункт «Tabig» определен спутниковыми измерениями в статическом режиме от пунктов триангуляции Дмитрием Мызиным (компания КМС) в 2006 г. (Рис. N1).

Б) Развитие опорной сети. Силами волонтеров компании Навгеоком выполнена привязка ранее созданных в условной системе координат АрСК пунктов опорной сети, развитой силами ААЭ, в СК63, опорная сеть дополнена рабочими пунктами для ведения последующих исследований на территории городища и некрополя.

В) Съемка строительных остатков (СО). В состав выполненных работ вошла масштабная, сплошная съемка строительных остатков памятника. Целью съемки, было установление точного местоположения предметов в месте раскопок относительно друг друга и определение их точных координат. Полевое кодирование не производилось, характеристики точек приведены в их названиях, например — название **stena23–12** включают принадлежность объекту (**stena23**) и порядковый номер точки съемки объекта (**12**).

Эта съемка носила в определенной степени опытный характер. В процессе

работ выявлялись, уточнялись и «притирались» возможности геодезических технологий и нужды и требования археологов. Следует отметить, что геодезистами не достаточно полно в качестве абрисов использовались планы СО, архитектурные планы. Как результат — на отдельных участках (в частности на стыке раскопов 1 и 3) оставались не решенные проблемы некоторых нестыковок архитектурных планов. Тем не менее, общие результаты съемки позволили ААЭ упорядочить значительный массив пространственной информации.

Съемка элементов строительных остатков городища и некрополя выполнялась с использованием двухчастотных ГНСС приемников. Использовалась методика псевдокинематики (на реперах) и непрерывная съемка контуров СО двухчастотными геодезическими спутниковыми приемниками. Результаты представлены в виде наборов точек вида Pn, X, Y, Z.

В последующих работах 2016 г. проанализирована точность спутниковых определений координат и высот точек из работ Навгеокома 2007 и 2008 гг. Средние квадратические погрешности координат однократного определения — $M_x=0.026$ $M_y=0.024$ $M_n=0.018$. Таким образом, точки съемки 2007–2008 вполне приемлемы для создания планов всего требуемого масштабного ряда.

С внедрением электронного тахеометра и постепенным освоением технологии в производство археологических работ в ААЭ существенно повысились возможности качественной локализации в исследованиях. Силами ААЭ в 2014 и 2015 гг. проведена съемка небольших участков (прирезов) раскопа III, в северо-восточной его части и раскопа I в южной части. На северном и восточном участке раскопа III точки съемки достаточно четко «ложатся» на план строительных остатков. То есть в плановом отношении результаты съемки в принципе приемлемы, в высотном отношении качество не всегда отвечает требованиям, за основу принимаются результаты нивелирования.

Работы 2016–2017 г.

К 2016 году в силу большого объема строительных работ на Керченском полуострове, значительного объема уже выполненных и планируемых археологических исследований назрела необходимость проведения масштабных топографо-геодезических работ на памятнике. Остро встала необходимость создавать топографические материалы на всей площади памятника для определения и юридического закрепления границ памятника — объекта культурного наследия, уточнять пространственную фиксацию результатов раскопок. Развились возможности включения в общие материалы исследований современные данные — спутниковые снимки, результаты съемки БПЛА. Такие задачи реализуются на основе создаваемой информационно-пространственной цифровой модели (ИПЦМ) памятника.

В рамках проекта «Экспедиция CREDO» для выполнения топографо-геодезических работ привлечены волонтеры — профессионалы компании Кредо-Диалог (Минск), компании «Эффективные Технологии» (Санкт-Петербург) и студенты геодезических вузов России. Организатором работ волонтеров в рамках проекта «Экспедиция CREDO» выступила компания Кредо-Диалог. Ключевой задачей проекта ЭКСПЕДИЦИЯ CREDO 2016–2017 ставилось создание пространственно-информационной цифровой модели памятника и на ее основе создание комплекта топографо-геодезических документов для юридического оформления объекта культурного наследия, текущего и перспективного проведения археологических исследований и музеефикации памятника

Предварительная подготовка

Все имеющиеся материалы в разнообразных системах координат преобразованы (трансформированы) в единое координатное пространство в СК63 и Балтийскую систему высот (БСВ), включены в набор проектов цифровой модели местности (ЦММ) CREDO. Ме-

тодом наименьших квадратов определены параметры связи в простом преобразовании Хельмерта Артезианской системы координат и высот (АрСК) и СК63 с необходимой отбраковкой.

Составлен каталог координат реперов, заложенных в начале нулевых и определенных в СК63 в процессе работ волонтеров компании «Навгеоком» 2007–2008 гг. в двух СК. Планы сети реперов городища и некрополя приведены на рис. 2. Каталог реперов этой работы приведен в отчете ААЭ за 2016 год.

В работу включены спутниковые снимки картографических сервисов GOOGLE и YANDEX. Спутниковые снимки высокого разрешения выбраны из ГИС SAS-планета [1] и трансформированы в рабочую систему (СК63). Основные проблемы использования спутниковых снимков — неточности привязки снимков в геосервисах, недостаточная ортокоррекция снимков, плавающий DATUM для СК42(63) [6]. Трансформирование и привязка сдвигом, разворотом и масштабированием (после пересчета меток из WGS84 в СК63) произведены с максимально возможной точностью, в том числе благодаря тому, что репера (в первую очередь базовой опорной группы), точнее туры из камней на реперах, фиксируются на спутниковых снимках.

Эти снимки (весна и поздняя осень) позволяют достаточно точно выделять аномалии растительности, рельефа, элементы человеческой деятельности (дороги, следы траншей, окопов, раскопов — черных и белых), и фиксировать контуры, требования к положению которых невысоки.

Кроме этого, для различных целей (уточнения деталей, исторического анализа) использованы приведенные в СК63 дополнительные картографические материалы — аэрофотосъемка 1974 г., топографические карты М 1:25000 Генштаба РККА 1933 г., топографические карты ГУГиК СССР 1970-х гг.

Съемка

Топографическая съемка на участке городища и зольников выполнена по

требованиям М 1:500 [7] и с высотой сечения рельефа 0,25 м, на остальных участках с высотой сечения рельефа 0,5 м. При съемке применялись спутниковые (Real Time Kinematic — RTK) и наземные технологии. Для спутниковых технологий использовано качественное и простое в обращении оборудование российского производства [9]. Кроме спутниковых технологий в работе использована наземная тахеометрическая съемка с электронным тахеометром Topcon GTS 105.

Работы выполнялись тремя бригадами волонтеров под руководством специалистов и преподавателей. Для реализации целей учебной практики бригады менялись, осваивая разные методы работы.

Для уточнения и приведения в единую СК планов СО проведен дополнительный набор пикетов в раскопах I, II, III и IV с тщательным выбором места постановки вехи. Последующей трансформацией планы строительных остатков приведены в общее координатное пространство модели. План раскопа I, большая часть строительных остатков которого скрыта, создан путем сбора в ТРАНСФОРМЕ из нескольких фрагментов, привязанных отдельно. Их положение уточнялось как по закоординированным точкам, так и путем взаимного согласования элементов фрагментов планов.

Обработка данных

Для обработки собранных методами ГНСС данных, объединения их в единый цифровой массив и создания пространственно-информационной цифровой модели памятника использовано программное обеспечение CREDO [10]. Формирование цифровой модели местности произведено на основе результатов наземных и спутниковых измерений, растровых файлов археологических планов строительных остатков, спутниковых снимков высокого разрешения, аэрофотоснимков и снимков квадрокоптера, данных старых карт более мелкого масштаба.

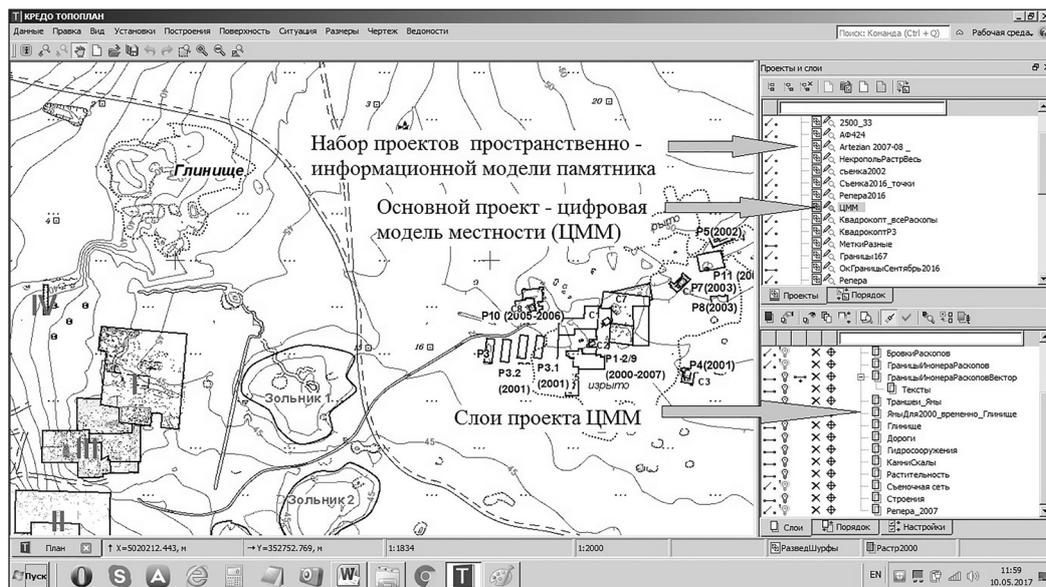

Рис. 3. Структура проектов и слоев пространственно-информационной компьютерной модели памятника

Результирующие материалы

Основным результатом работ 2016–2017 гг. является информационно-пространственная цифровая модель (ИПЦМ) памятника, включающая собственно ЦММ в форматах CREDO (Рис. 3), планы строительных остатков, (раскопов), спутниковые снимки, данные БПЛА, сведения об опорной сети, границы ОКН, растры топографических карт мелких масштабов, сведения об археологических объектах прилегающих территорий, другие дополнительные данные.

На основе ИПЦМ созданы различные чертежи в М 1:100, 1:500, 1:2000, 1:5000 для решения задач исследований, планирования работ, решения юридических аспектов ОКН. Материалы созданы с конкретным для определенных задач содержанием, нужной для них высотой сечения рельефа, в СК АрСК, СК63.

Таким образом, полученные материалы позволяют успешно решать задачи, описанные в начале статьи.

Значение проведенной работы сейчас резко возросло, так как интенсивно ведутся археологические исследования

в связи с проводимыми грандиозными строительными работами Керченского транспортного перехода, реконструкцией транспортных автомобильных и железнодорожных магистралей в Восточном Крыму, причем ожидается еще больший объем этих исследований.

Важным является и то, что ЦММ памятника, его топографический анализ служат вкладом в воссоздание общей картины развития локальных природно-географических зон Артезианского (Салынского) урочища и примыкающих к нему территорий Крымского Приазовья, будут способствовать реконструкции антропогенного воздействия на окружающий природный ландшафт на протяжении всего четвертичного периода, включая последние столетия и даже десятилетия.

Кроме того, на наш взгляд, актуальной задачей, которая пока решается отрывочно на отдельных памятниках Восточного Крыма, является создание единой археологической геоинформационной системы (ГИС) Европейского Боспора. Проведенная работа — только одна из составных частей такой ГИС.

-
1. SASGIS. Веб картография и навигация / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sasgis.ru/sasplaneta/>
 2. ААЭ. Артезианская Археологическая Экспедиция / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://artezian.info/info/>
 3. Винокуров Н. И., Мызин Д. А., Пархалин И. Н. Опыт использования профессиональной GPS-аппаратуры для дистанционного исследования антропогенных структур в Крымском Приазовье // Геопрофи. № 3. 2009. С. 47–51. — 72 с.
 4. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). 2012. Издательство: Lap Lambert academic publishing, Германия. 632 с.
 5. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. — М., 1998. 241 с.
 6. ГОСТ 32453-2013 Глобальная навигационная спутниковая система. Системы координат. Методы преобразований координат определяемых точек. М. Стандартинформ, 2014.
 7. ИНСТРУКЦИЯ по топографической съемке в масштабах 1:5000, 1:2000, 1:1000 и 1:500 (ГКИНП-02-033-82). Москва: Недра, 1982 г.
 8. Пигин А. П., Бейлин Д. В., Рак И. Е. Топографические работы на объектах археологических исследований (на примере работ сезона 2013 г. на территории крепости Илурат) // Таврические студии, №6(2014), Симферополь, 2014.
 9. Погодин А. Артезианская археологическая экспедиция 2016 /А. Погодин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://geodesist.ru/threads/artezianskaja-arheologicheskaja-ehkspedicija-2016.58315/>
 10. Программный комплекс CREDO. Обработка материалов инженерно-геодезических изысканий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://credo-dialogue.ru/tehnologii/geodeziya.html>

The article presents the development of element spacial registration of Artesian archeological site — from earlier simple technology with arbitrary georeference and orientation by the aid of a compass to modern one with strict organization of coordinate environment. It also describes experience of applying modern technologies — total stations, satellite receivers and remote sensing data as well as creation of digital 3D information site model.

Keywords: *Artesian, site of ancient settlement, necropolis, topographic plan, coordinate systems, bitmap transformation, digital terrain model*

УДК 904 (470.62)

А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова

Новейшие исследования некрополя Фанагории¹

В статье представлены результаты новейших исследований некрополя Фанагории. Приводится краткий обзор наиболее интересных погребальных комплексов, открытых в последние годы. Особое внимание уделено каменным погребальным сооружениям. Такие захоронения встречаются в Фанагории не часто, вероятно, в связи с дефицитом камня на территории Азиатского Боспора. Не менее интересна находка кремационной камеры, а также ряд других комплексов. Исследования последних лет существенно увеличили базу источников для изучения погребальных традиций жителей Фанагории.

Ключевые слова: *Античная археология, эллинизм, римское время, Азиатский Боспор, Фанагория, некрополь, погребальные традиции, погребальные сооружения*

В последние годы систематические исследования проводятся на территории Восточного некрополя Фанагории. Избранный для исследования участок представляет собой южный склон довольно пологого плато, тянущегося с северо-востока на юго-запад. Северный склон плато довольно крутой, частично повреждён случившимся здесь крупным береговым оползнем. С юга проходит грунтовая дорога, за которой располагаются развалины заброшенных очистных сооружений винзавода «Фанагория» и частные огороды. В настоящее

время поверхность плато задернована. Изучение данного участка раскопа производится с 2002 года и по настоящее время. За этот период вскрыта площадь 5650 кв. м на которой открыто 193 археологических комплекса. Исследованы разнообразные погребальные сооружения: простые могильные ямы, могилы с подбоем или уступами-заплечиками, грунтовые и каменные склепы, каменные ящики, крематорий, захоронения коней и другие объекты.

В 2015-2016 гг. было открыто 45 объектов (21 в 2015 и 24 в 2016 г.).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-01108.

Наиболее ранние захоронения относятся к эллинистическому времени и представлены весьма разнообразными погребальными комплексами.

К наиболее интересным находкам этой хронологической группы можно по праву отнести хорошо сохранившиеся «каменные ящики», построенные из обработанных известняковых плит. Как правило, эти погребальные сооружения попадают в руки археолога уже ограбленными и разрушенными в древности, однако в последние годы некропольскому отряду Фанагорийской экспедиции посчастливилось обнаружить несколько подобных гробниц, не тронутых грабителями [2, 23]. Эти сооружения располагались очень неглубоко — их каменные перекрытия обнаружены в полуметре от современной дневной поверхности. Как правило, они содержали захоронения одного или двух взрослых людей, сопровождавшиеся многочисленным и разнообразным инвентарем. Так, в одном из каменных ящиков обнаружен скелет человека 20-30 лет, с большим количеством сопровождающих его вещей. Среди них выделяется бронзовое зеркало с точеной ручкой, основание которой оформлено в виде букrania, свинцовая пиксида с крышечкой, чернолаковая рельефная столовая амфора и другие интересные находки, которые позволяют датировать комплекс в границах второй половины 2 в. до н. э. Некоторые из «ящиков» были использованы вторично для совершения захоронений уже в римскую эпоху.

В данной группе погребений выделяется монументальное сооружение, возведённое из массивных, качественно обработанных известняковых блоков и плит. Внутреннее пространство усыпальницы позволяло вместить только один саркофаг с телом знатного фанагорийца. К сожалению, содержимое этой каменной гробницы не уцелело, так как она была ограблена еще в древности. Позже, уже в римскую эпоху, это погребение было повреждено при сооружении могилы и подбойного захоронения [3, с. 64-65].

Среди комплексов позднего эллинистического и раннего римского времени выделяются могилы с подбоем. Это самая многочисленная группа захоронений на данном участке древнего кладбища. За два полевых сезона исследовано 16 таких сооружений. Устье подбоя часто было перекрыто вертикально установленными сырцовыми кирпичами, иногда с использованием черепицы. Почти всегда сырец перекладывался или покрывался камкой. В некоторых могилах заклад состоял только из черепицы.

К концу эллинистического периода относятся, вероятно, и находки погребений коней. В 7 случаях открыты остатки полных туш животных, в 4 случаях фрагментированные скелеты лошадей. Во всех захоронениях датирующий материал отсутствовал. Следует отметить только один комплекс (объект 267), в котором найден колчан с железными наконечниками стрел и железный кинжал с кольцевым навершием и со следами преднамеренной порчи. Кинжал был вынут из ножен. Сами ножны лежали рядом с кинжалом, от них сохранился древесный тлен, покрытый красной и чёрной красками. На рукояти кинжала сохранились отпечатки деревянных обкладок. У прямого перекрестья обнаружена перламутровая деталь портупей в виде большой шайбы с двумя отверстиями, имеющими следы использования в составе портупей. При расчистке рядом с кинжалом выявлено скопление мелких железных предметов, вероятно, связанных с портупеей. Непосредственно под этими предметами выявлен череп коня (объект № 271). Судя по оружию, комплекс датируется 1 в. до н. э.

Важную информацию для понимания организации пространства некрополя удалось получить в последнее время благодаря планомерному исследованию обширной площади некрополя. Были обнаружены остатки каменных склепов римской эпохи. Во всех выявленных случаях они находились в центре курганов, насыпи которых до наших дней не сохранились. Вокруг этих каменных

гробниц были выявлены скопления грунтовых склепов, ориентированных камерами к центру кургана, где и располагались каменные склепы. Одно из обнаруженных захоронений этой конструкции имело внушительные размеры, но было почти полностью разрушено. Сохранился лишь каменный пол и один блок от заклада. Несмотря на это в заполнении котлована гробницы были обнаружены десятки интересных находок, в том числе из золота. Кроме того, здесь найдены останки более 70 человек, большинство из которых были молодыми мужчинами. Вероятно, данный склеп принадлежал какому-либо древнему сообществу Фанагории.

Окружавшие каменные усыпальницы грунтовые склепы, являлись частью единого подкурганного ансамбля. Насыпи курганов, вероятно, были сооружены в римскую эпоху и до настоящего времени не сохранились. Существование на этом участке некрополя довольно крупных курганов удалось установить по организованному расположению погребальных комплексов. Так, в одной ситуации как минимум восемь грунтовых гробниц были выстроены веерообразно вокруг единого центра камерами к нему. Датируются эти сооружения римским и позднеантичным временем. В нескольких склепах помимо разнообразного погребального инвентаря были обнаружены золотые индикации, находка которых позволила не только уточнить датировку комплексов, но и вдвое увеличить коллекцию индикаций известных в Фанагории за весь продолжительный период её изучения [1, с. 7].

Среди интересных вещей, обнаруженных в результате исследования семейных усыпальниц, можно отметить находку каменного надгробия, зафиксированного в заполнении дромоса одного из позднеантичных склепов. Крупный фрагмент был сброшен в яму шахты при ее засыпке. Он является элементом многоярусного надгробия. Скорее все-

го, это его средняя часть, изображавшая боспорского всадника в высоком рельефе. Еще два надгробия были найдены в 2015 году в склепе первой половины 2 в. н. э. Оба они были частью одного каменного заклада, преграждавшего вход в камеру склепа. Первая стела представляла собой крупную плиту с глубоким рельефом, изображающим сцену заупокойной трапезы. Второе надгробие содержало надпись в семь строк [3, с. 67], содержащую информацию о частных сообществах Фанагории в первые века [4, с. 31].

Не менее интересен «крематорий». Он представлял собой хорошо сохранившееся сооружение в виде прямоугольной ямы, облицованной сырцовым кирпичом и имевшей продольный ход по дну конструкции с отверстиями в торцевых стенах для усиления тяги при горении. Эта конструкция, вероятно, предназначалась для одновременной кремации одного человека и после совершения обряда была засыпана. В заполнении крематория найдены кремированные останки человека (скопление обожженных костей массой около 60 гр), золотая бляшка, оплавленные элементы стекла, бронзы и серебра. Подобные сооружения были исследованы в 2004 г. на этом же участке некрополя. Тогда были открыты две кремационные камеры похожей конструкции. Но найденные ранее комплексы, не содержали остатков кремированных костей и вещей [5, с. 24-25; 27-28].

Исследования некрополя Фанагории продолжаются и сегодня. Без его изучения невозможно должным образом реконструировать историю города, образ жизни, традиции и обычаи его жителей. Продолжение планомерных раскопок древнего кладбища позволяет не только пополнить арсенал источников для изучения одного из самых крупных городов Боспора, но и проследить динамику развития одного из самых крупных античных кладбищ на территории России.

Список сокращений

ГИМ — Государственный исторический музей
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

1. Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Сапрыкина И. А. Новые находки золотых индикаций в Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2/ Ред. В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. — М.: ИА РАН, 2016. — С. 7-23.
2. Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н. О новых находках эллинистических каменных «ящичков» в Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7-8 июня 2016 г. / Отв. ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. — М.: ГИМ, 2016. — С. 23-28.
3. Ворошилов, А. Н. Ворошилова О. М. Некрополь // Фанагория. Альбом / Ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. — М.: ИА РАН, 2015. — С. 60-75.
4. Ворошилова О. М. Завойкина Н. В. Надгробие фиасота Мокка, сына Левкия, из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2/ Ред. В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. — М.: ИА РАН, 2016. — С. 24-33.
5. Кузнецов В. Д. Отчет о работе Таманской экспедиции института археологии РАН в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1, №26296, 2005. — С. 20-85.

The article presents the results of the latest research of the necropolis of Phanagoria. A brief overview of the most interesting funerary complexes opened in recent years. Special attention is paid to the stone burial structures. Such burials are found in Phanagoria not often, probably because of a shortage of stone on the territory of the Asian Bosphorus. No less interesting is the discovery of cremation chambers, and a number of other complexes. Studies in recent years have significantly increased the source base for the study of the funerary traditions of the inhabitants of the city of Phanagoria.

Keywords: *Classical archaeology, Hellenism, Roman Age, Asian Bosphorus, Phanagoria, necropolis, funeral traditions, funeral structures*

УДК 902.2

Д. В. Журавлёв, А. В. Батасова, А. И. Кудряшова

Исследования на поселении Голубицкая-2 в 2013-2016 гг.

В статье публикуются новые материалы VI-V вв. до н.э. из раскопок на поселении Голубицкая-2 (Таманский полуостров), открытые в ходе работ экспедиции Государственного исторического музея (Москва) и Евразийского отдела Германского археологического института (Берлин).

Ключевые слова: Голубицкая 2, Таманский полуостров, греческая колонизация, ров, хозяйственные ямы, металлургическое производство, керамика.

Введение

Боспорская археологическая экспедиция Государственного исторического музея совместно с Евразийским отделом Германского археологического института с 2007 г. ведет раскопки на поселении Голубицкая 2 на северо-востоке Таманского полуострова [2, с. 150-186]. В результате систематических работ были открыты фортификационные сооружения VI-V вв. до н. э. и ряд хозяйственных комплексов VI-III вв. до н. э. Установлено, что поселение было основано греками не позднее начала второй четверти VI в. до н. э. Целый ряд интересных находок с поселения уже был опубликован, готовится

монографическая публикация всех материалов раскопок этого памятника.

Ниже предлагается краткий обзор работ на поселении за последние годы. Работы проводились в основном на раскопах 4 и 5 (рис. 1), при этом экспедиция продолжала активные разведки на Таманском полуострове, раскопки на поселении Стрелка 2 и исследования палеоландшафта.

Раскоп 4

Раскоп 4 был разбит к северу от Раскопа 1 в 2010 г. для исследования магнитной аномалии, выявленной в ходе изучения памятника методами геофизической разведки в 2006 г. (рис. 1). Эта аномалия фиксирует участок, где обо-

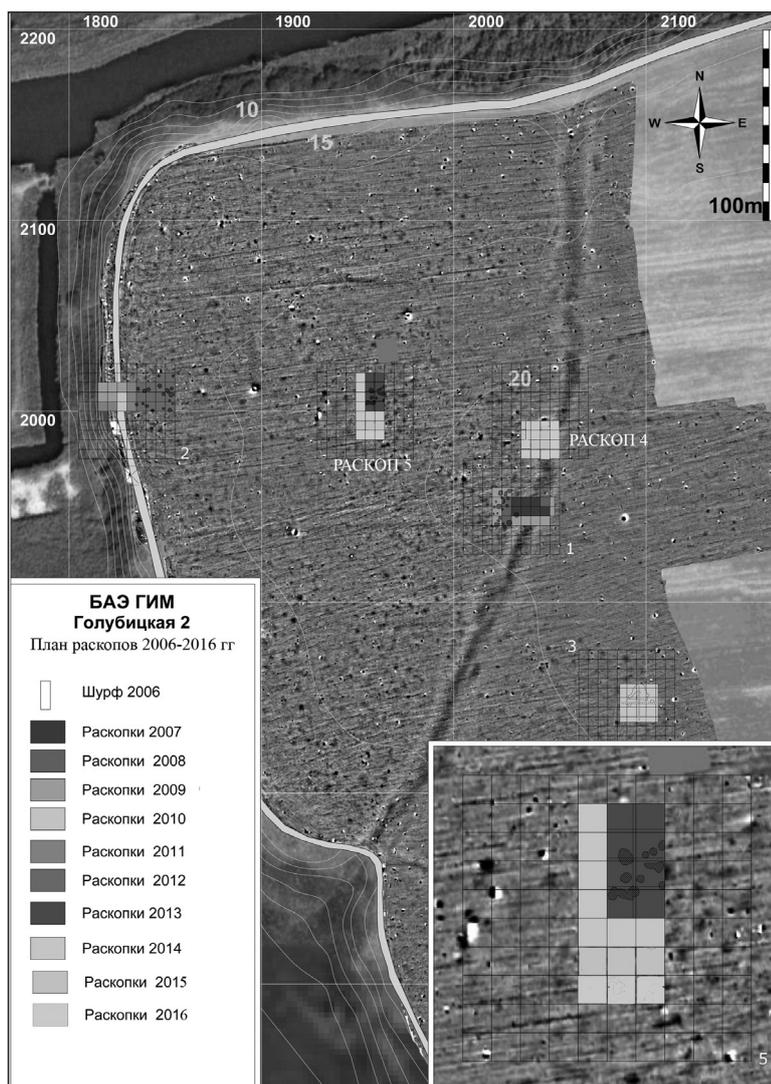

Рис. 1. Поселение Голубицкая 2. Результаты магнитной разведки и план раскопок

ронительный ров отклоняется от трассы и образует прямоугольный выступ в сторону поселения (к западу). Было выдвинуто предположение, что эта аномалия связана с въездом на поселение.

Еще в 2010 г. к западу от магнитной аномалии была заложена траншея, размерами 2,5x10 м. В траншее выявлены две хозяйственные ямы эллиптического времени. Никаких следов предполагаемого въезда обнаружено не было, в связи с чем работы на данном участке были временно приостановлены.

Работы на 4 раскопе возобновлены в 2014 г. и продолжаются в настоящее время. Основной задачей наших раскопок было не только изучение предполагаемого места въезда на городище, но

и проверка данных о хронологии оборонительного рва, полученных в ходе работ 2007-2009 гг. К данному моменту исследован участок, общей площадью 400 кв. м., непосредственно примыкающий с востока к траншее 2010 г. В ходе раскопок 2014 г. была обнаружена сырцовая стена, состоящая из двух отрезков, расположенных почти под прямым углом друг к другу. Участок стены, расположенный по линии север-юг (длина 4,9 м) уходил в южный борт раскопа. Перпендикулярный ему отрезок имел длину 1,5 м. Высота открытого участка стены в среднем составляла 0,15 — 0,2 м. Ширина стены около 0,4 м — 0,6 м.

ны около 0,4 м — 0,6 м.

К востоку от выявленного объекта располагались завалы обожженной обмазки. К западу от угла, образованного двумя участками стены зафиксированы отдельно стоящие прокаленные и не прокаленные камни, выдерживающие в целом ориентацию запад-восток. С внутренней стороны угла стен были обнаружены два целых сосуда (красноглиняные кружка и унгентарий), бронзовый перстень, а также половина крупной стеклянной мозаичной бусины. К западу от остатков стен располагались аморфные завалы обмазки (с отпечатками прутьев и камыша), с включениями раковин, небольших фрагментов керамики, мелких углей.

Материал из слоя, в котором обнаружен объект, сильно перемешан, но наиболее поздние фрагменты относятся ко второй половине III и началу II в. до н. э. Хронологию дополняет родосское клеймо ΑΡΙΣΤ[ΙΩΝ]ΟΣ, найденное непосредственно в стене и датированное 280-220 гг. до н. э. Первоначально была выдвинута гипотеза, что открытые стены являются остатками помещения второй половины III — начала II вв. до н. э., погибшего в огне пожара.

В 2015 г. было выявлено продолжение стены к югу, с примыкающим отрезком стены, поворачивающим на запад. Общая длина стен составила около 15 м (рис. 2). Также были прослежены два строительных периода объекта.

Наиболее ранними являются постройки горизонта А, представляющие собой сырцово-каменную стену, аналогичную участку стены, открытой в 2014 г. Стена располагалась по трассе север-юг и имела два перпендикулярных отрезка по трассе запад-восток, но в противоположных от основного участка стены направлениях. К этому же горизонту А относятся скопления прокаленной обмазки.

После разрушения этой конструкции в пожаре, поверх уцелевшего основания или на его место была поставлена новая стена (горизонт Б). Он представляет собой кладку из уложенных в створ поверх стены горизонта А необработанных и не прокаленных рваных камней разного размера, плохо состыкованных между собой.

Маловероятно, что между горизонтами А и Б существовала большая хронологическая разница. Временем разрушения постройки горизонта А можно считать третью четверть III в. до н. э., учитывая датировки многочисленных боспорских монет и амфорных клейм. По всей видимости, стены горизонта Б были поставлены сразу по-

сле разрушения, вызванного пожаром, когда фундамент стен горизонта А еще был хорошо виден, и эта постройка существовала еще какое-то время. Отсутствие следов прокаливания на камнях стены горизонта Б говорит о том, что виновником ее разрушения был не пожар. Большинство найденных здесь фрагментов керамики укладывается во вторую половину III в. до н. э.

Работы 2016 г. опровергли гипотезу о том, что участок сырцовой стены принадлежал жилой постройке. На квадрате, прирезанном к западу от южного конца стены не было обнаружено продолжения отрезка, поворачивающего на запад. Было выявлено лишь несколько компактных скоплений черепицы и обмазки.

К востоку от стены был зафиксирован верх оборонительного рва, протянувшегося в направлении с севера на юг (с небольшим отклонением СВ — ЮЗ) (рис. 2). Основное заполнение верхнего

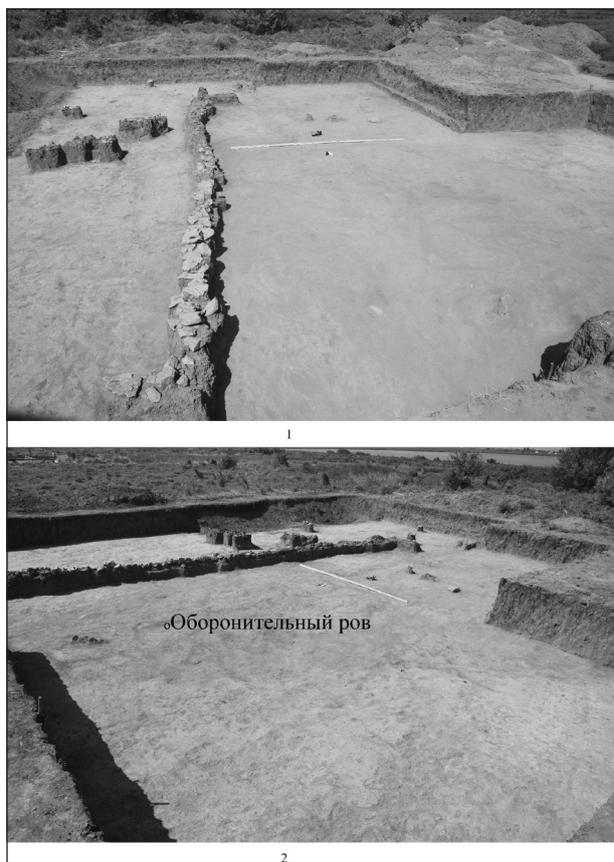

Рис. 2. Поселение Голубицкая 2. Раскоп 4. Сырцовая стена и верхний горизонт оборонительного рва. Фото А. В. Батасовой, Д. В. Журавлева.

горизонта рва представляет собой светло-серую или серую золистую супесь, в которой прослеживаются отдельные пятна и скопления раковин мидий и мелких фрагментов обмазки. Ранее, по результатам работ 2007-2009 гг., было установлено, что сооружение рва можно отнести к третьей четверти VI в. до н. э., при этом он постоянно ремонтировался, чистился, углублялся. Также было зафиксировано несколько фаз бытования этого оборонительного сооружения [см. 2, с. 165, 167, рис. 20-21].

Западная граница рва прилегает к останцу сырцово-каменной стены (рис. 2, 2). При этом в южной части она проходит чуть восточнее стены, а в северной части — западнее. Возможно, это указывает на то, что сырцово-каменная стена была сооружена после засыпки рва, но, тем не менее, ее положение как-то соотносилось с его внешней границей. Материал из верхнего горизонта заполнения рва относился преимущественно к первой половине — середине III в. до н. э.

После завершения расчистки остатков сырцовых конструкций не вызывает сомнений, что жители поселения строили свои постройки из камыша, обмазанного глиной. Крупные фрагменты подобной обмазки с отпечатками камыша постоянно встречаются в слоях поселения и в хозяйственных ямах, здесь же нами были зафиксированы развалы подобных стен *in situ* [2, с. 169]. Каменное домостроительство, во всяком случае, судя по исследованным участкам, на поселении отсутствовало.

В 2017 г. на раскопе 4 было начато дальнейшее изучение оборонительного рва. Это даст возможность уточнить хронологию данного фортификационного сооружения, его конструкцию, а также определить соотношение рва и сырцовой стены и прояснить функцию последней. Таким образом, раскоп 4 на сегодняшний день является одним из самых интересных и перспективных участков на памятнике.

На сегодняшний день работы на этом раскопе позволили уточнить вре-

мя прекращения активной жизни на поселении Голубицкая 2. По всей видимости, в третьей четверти III в. до н. э. произошла какая-то катастрофа, сопровождавшаяся пожаром. Вероятнее всего, это было связано с военными действиями, в результате которых ров был частично засыпан и перестал функционировать. Оставшиеся в живых жители поселения убрали мусор с территории городища, восстановили некоторые жилые комплексы, но не пытались заново отстроить оборонительные сооружения [ср. 2, с. 167]. Возможно, открытый нами сырцовый участок стены маркировал границу позднего поселения, хотя это предположение требует дополнительных доказательств.

Раскоп 5

Для изучения внутренней территории поселения был заложен раскоп 5, который расположен в центре изучаемого памятника (рис. 1). Работы на раскопе ведутся с 2013 г., за это время сотрудниками экспедиции была исследована площадь в 525 кв. м.

Материал раскопа в целом даёт широкую датировку — VI–I вв. до н. э., однако преобладает позднеархаический материал второй половины VI — начала V в. до н. э., особенно в нижнем слое. Помимо горизонтально залегающих слоёв на раскопе было обнаружено множество объектов — хозяйственных ям, вырытых в основном в материковом слое. Некоторые ямы были зафиксированы уже на этапе магнитной разведки. Всего в полевых сезонах 2013 — 2016 годов было изучено 46 ям, относящихся к разным периодам.

Ямы распределены неравномерно по площади раскопа. В северной части исследованной площади ямы отсутствуют, в то время как в юго-западной части раскопа наблюдается высокая концентрация ям, большинство из которых датируются концом VI — началом V в. до н. э., причем некоторые были засыпаны в первой половине V в. до н. э. В южной части раскопа также было замечено скопление ям. Здесь, напротив, зафиксировано всего

несколько ям конца VI — начала V в. до н. э., в основном же это ямы с эллинистическим и позднеэллинистическим материалом.

Часто в ямах фиксируется разновременной материал. Почти в половине исследованных ям имеются находки позднеархаического и раннеклассического времени (21 яма). Материал V в. до н. э. зафиксирован в тринадцати ямах; материал IV в. до н. э. — в восьми ямах; материал III-II вв. до н. э. — также в восьми.

Особый интерес представляет яма 19, где был обнаружен амфорный комплекс конца V в. до н. э. (рис. 3). Как известно, тарные сосуды предназначались для одноразового использования — перевозки вина или масла. Опустошенные сосуды обычно разбивали и выбрасывали. Однако в небогатых поселениях они могли вновь использоваться в хозяйстве. Так, комплекс, обнаруженный на раскопе 5, представляет собой склад пустой тары. Хозяева, по неизвестным нам причинам, не использовали эти амфоры. Пятнадцать амфор, целых и фрагментированных, были сложены одновременно, засыпаны землей, поверх которой накопился бытовой мусор, фиксируемый в верхней части ямы. Пять амфор происходят с Хиоса, одна с Фасоса, несколько амфор изготовлены в неизвестных нам центрах (возможно, Менда или Пепарет) [5, с. 52-55] (готовится отдельная публикация этого интересного комплекса).

Кроме того, на описываемом раскопе были обнаружены важные находки, свидетельствующие о существовании металлургического производства на поселении (рис. 4). К ним относятся фрагмент небольшой литейной формы для изготовления изделия с пальметтой (яма 25) (рис. 4, 3); обломок предмета, который может быть атрибутирован

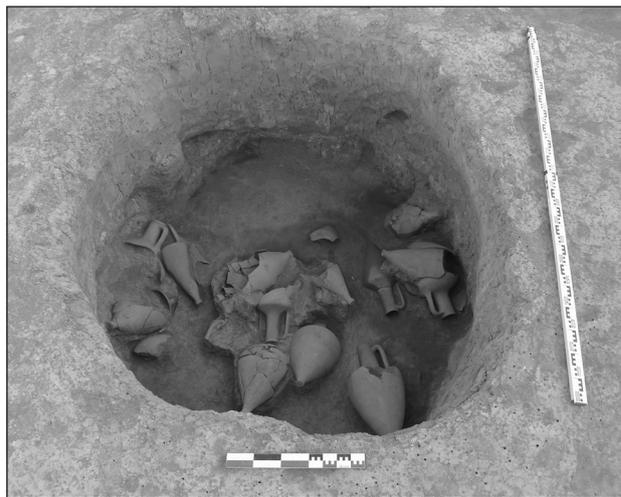

Рис. 3. Поселение Голубицкая 2. Раскоп 5, яма 19. Амфорный склад. Фото А. А. Строкова.

как литейная форма для изготовления крупного изделия (яма 22) (рис. 4, 1); глиняная льячка для металла (яма 23) (рис. 4, 4); стенка сероглиняного изделия с рельефным орнаментом в виде буквы А (рис. 4, 2) — возможно, это также фрагмент литейной формы, поскольку он найден в одной яме с неопределенными обломками металлических и бронзовых предметов, а также с шлаком (яма 32). На фрагментированной литейной форме (рис. 4, 1) зафиксирована капелька бронзы (яма 25). Судя по всему, эта форма предназначалась для изготовления крупного бронзового изделия, возможно, даже скульптуры¹. Все эти предметы, специальная публикация которых готовится к изданию, датируются по материалу из комплексов концом VI — возможно, началом V в. до н. э., за исключением обломка из ямы 22, который происходит из комплекса V в. до н. э.

Повсеместно в культурном слое и ямах встречаются стандартный для Таманских памятников набор амфорной тары: фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, амфор Лесбоса, Клазомен, Фасоса, Хиоса, Менды, Синопы, Родоса и т. п. Многочисленны находки аттической чернолаковой и ионийской расписной керамики. Наиболее ранние

¹ Мы признательны М. Ю. Трейстеру (Берлин) за консультацию.

Рис. 4. Поселение Голубицкая 2. Раскоп 5. Предметы, связанные с металлургическим производством. Рис. А. Журавлева, Е. О. Назаровой, фото И. А. Седенькова.

фрагменты ионийской керамики относятся еще к концу первой четверти VI в. до н. э. (определения У. Шлотцауера). Выделим находку столовой чернофигурной амфоры, которые традиционно считаются «клазоменскими» и датируются второй половиной VI в. до н. э. (рис. 5, 2). Археометрические исследования в рамках нашего проекта под руководством проф. Х. Моммзена (Бонн) показали, что этот сосуд был изготовлен в мастерских Эолии (возможно, в Кимах).

Из отдельных примечательных находок отметим пирамидальное грузило с оттиском геммы — фигурой Эрота (рис. 5, 1), костяной псалий, ряд бронзовых перстней и серег, фрагмент костяного конька. находка конька может служить дополнительным аргументом в пользу предположения, что существовавший в античности пролив Боспор Кубанский, равно как и Боспор Киммерийский, замерзал в зимний период (Негод. IV, 28). Подобных коньков, относящихся к VI — началу V вв. до н. э., обнаружено уже немало [2, рис. 30], что лишний раз говорит об их распространении среди греков.

Специально отметим многочисленные находки костей собак, которые происходят как из ям, так и из слоя поселения. Например, в яме 12, датированной второй половиной V в. до н. э., было обнаружено большое количество обожженных костей разных животных, в том числе собак. При этом кости перемешаны с фрагментами обмазки стен сырцового дома, прокаленными в огне пожара. В данном случае мы, очевидно, имеем дело с утилизацией отходов — трупы животных были сброшены в яму с бытовым мусором. Именно с этим мы сталкиваемся в большинстве случаев на всем поселении.

Однако есть и интересные исключения. Так, на дне ямы 27, у восточной и западной её стенок, были обнаружены два скелета собак. Особи женского пола, с сильным артрозом поясничных позвонков и одинаковыми прижизненными травмами — переломами левых берцовых костей. Животные были уложены в яму намеренно и одновременно, комплекс широко датирован второй половиной III — первой половиной II в. до н. э. Положение костяков позволяет говорить, что собаки могли

быть сброшены в яму еще живыми, что дает возможность осторожно думать о каком-то ритуальном действии. Судя по археологическим данным, в античном мире имели место жертвоприношения и захоронения собак, при этом ритуал захоронения трактуется по-разному. Животное могло быть принесено в жертву подземным богам или захоронено рядом с местом, где будет возведено новое здание (либо рядом с вновь возведенным зданием). В нашем же случае назначение ритуала остаётся неизвестным, так как никаких наземных сооружений пока не было обнаружено [3, с. 34-37].

Заключение

Основанное в начале второй четверти VI в. до н. э. поселение Голубицкая 2, наряду с расположенным напротив через пролив Боспор Кубанский² поселением Ахтанизовская 4, является одним из наиболее ранних античных памятников, известных к настоящему моменту на Таманском полуострове. Поселение явно было ориентировано на пролив, и потеряло свое значение после обмеления последнего в позднеэллинистическое время. О земледельческом укладе обитателей поселения, помимо открытых зерновых ям и обгорелых зерен в засыпи отдельных хранилищ, говорят находки целых и фрагментированных пифосов [2, рис. 28], многочисленных зернотерок VI в. до н. э. [7], а также обнаруженный на раскопе 4 в 2017 г. железный наральник, датированный III в. до н. э. Рыболовство также играло большую роль в их хозяйственной жизни [6, с. 74; 2, с. 179], хотя попытки представить обитателей Голубицкой 2 исключительно рыбаками [1, с. 75] не выглядят убедительными.

Никаких комплексов, принадлежащих догреческому населению, на посе-

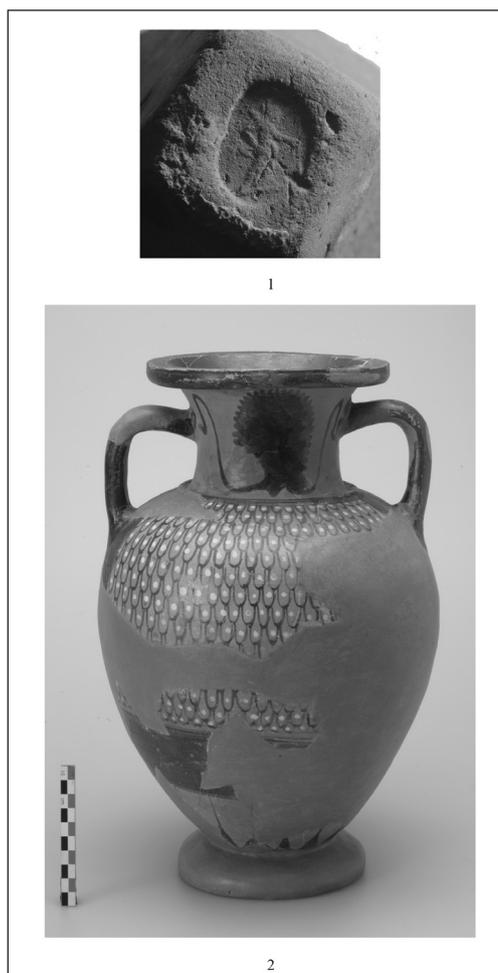

Рис. 5. Поселение Голубицкая 2. Раскоп 5. Находки. 1 — грузило с отпечатком геммы; 2 — столовая чернофигурная амфора. Фото И. А. Седенькова

лении пока не выявлено, хотя у нас есть целый ряд предметов эпохи бронзы — кремневые орудия и отщепы, фрагментированный каменный шлифованный топор, отдельные фрагменты керамики.

Работы на Голубицкой 2 продолжаются, и мы надеемся исследовать еще немало страниц истории этого важного памятника эпохи греческой колонизации.

² В нашу задачу не входит критический анализ ряда публикаций, появившихся в последние годы, в которых существование пролива Боспор Кубанский отрицается или интерпретируется по-другому. Коллективом экспедиции в ближайшее время будет представлен аргументированный ответ на эти статьи.

-
1. Гарбузов Г. П., А. В. Поротов, Н. И. Сударев. 2017. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // Древности Боспора. — М. — С. 64-81.
 2. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006-2013 гг.) // Д. В. Журавлев, Н. И. Шишлина (Ред.), Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ. Вып. 201. — М. — С. 150-186.
 3. Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. 2016. Захоронения собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7-8 июня 2016 г. / Д. Журавлев, У. Шлотцауер (Ред.). — М. — С. 34-37.
 4. Кельтербаум Д., Журавлев Д., Шлотцауер У. 2016. Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой / Д. Журавлев, У. Шлотцауер (Ред.). — М. — С. 21-27.
 5. Ломтадзе Г. А. 2016. Амфорный комплекс конца V в. до н. э. на поселении Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой / Д. Журавлев, У. Шлотцауер (Ред.). — М. — С. 52-55.
 6. Саблин М. В. 2016. Палеозоологические исследования // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой / Д. Журавлев, У. Шлотцауер (Ред.). — М. — С. 74-76.
 7. Хельстрём К. 2016. Зернотерки с поселения Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7-8 июня 2016 г. / Д. Журавлев, У. Шлотцауер (Ред.). — М. — С. 96-100.

New materials dated back to the VI-V centuries BC from the excavations in the settlement of Golubitskaya 2 (Taman Peninsula) are published in the article. They were discovered during the work of the expedition of the State Historical Museum (Moscow) and the Eurasian Department of the German Archaeological Institute (Berlin).

Keywords: *Golubitskaya 2, Taman Peninsula, Greek colonization, ditch, economic pits, metallurgical industry, ceramics.*

УДК 94 (3)

В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев, С. Л. Смекалов

Археологические исследования 2016 года на городище «Белинское» в Восточном Крыму¹

В статье подведены итоги археологических исследований 2016 года на городище «Белинское» в Восточном Крыму. В научный оборот вводится материал, относящийся к античному периоду в истории городища, материал, связанный с салтовской археологической культурой и кремнёвые изделия из нивелировочного слоя, охватывающие период от позднего палеолита до эпохи бронзы.

Ключевые слова: *Восточный Крым, городище «Белинское», салтовская археологическая культура, поздний палеолит, эпоха бронзового века.*

Введение. Археологическое исследование городища «Белинское», расположенного в Восточном Крыму на Керченском полуострове близ современного села Белинское, проводится с 1996 года экспедицией ТГПУ им. Л. Н. Толстого, под руководством профессора В. Г. Зубарева. Памятник датируется II-V вв. н. э. Однако в последние годы полученный новый археологический материал свидетельствует, что, с одной стороны, люди проживали в этом районе задолго до возникновения городища, с другой, данное место, по-

видимому, было плотно заселено и в средние века.

Изложение основного материала. В 2016 году работы на городище «Белинское» были сосредоточены в восточной части памятника. Исследуемый участок представляет собой мыс, выступающий в сторону Аджиэльской балки и резко обрывающийся по склону с восточной, юго-восточной и южной сторон. Он выше по уровню, чем северная и северо-западная части плато, но ниже, чем южная и юго-западная. Участок серьёзно пострадал в годы Великой Отече-

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 33.6496.2017/8.9 «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена».

ственной войны. Дневная поверхность нарушена воронками от разрывов снарядов и следами оборонительных земляных сооружений. Возможно, часть плато по южной границе раскопа и к западу от него полностью разрушена.

В 2016 году здесь были изучены хозяйственные ямы, связанные с первым строительным периодом (II — середина — третья четверть III в. н. э.), два нивелировочных слоя (слой жёлтого суглинка и слой крошки жёлтого ракушечника) второго строительного периода (последняя четверть III — середина IV вв. н. э.). Кроме того, было доисследовано помещение № 48, относящееся к салтовскому периоду. Несомненный интерес представляют и результаты продолженного в 2016 г. изучения слоя золы, интерпретируемого как зольник античного периода истории городища.

Хозяйственные ямы, связанные со слоем серо-коричневого суглинка первого строительного периода (слой в этой части раскопа представлен только в заполнении ям) конструктивно однотипны. Они колоколовидной формы, вырублены в материковой скальной породе жёлтого ракушечника, имели устье, облицованное камнями (сохранилось только у ямы № 150), и в период функционирования закрывались крышкой (у двух ям № 148 и 150 крышки сохранились). Подобные ямы были распространены и в других частях городища, особенно в его северной части, правда, там они были выполнены в материковой глине. Отсутствие вблизи хозяйственных ям каких-либо построек, синхронных периоду их функционирования, позволяет предположить, что исследованный участок городища на начальном этапе его существования использовался в хозяйственных целях, возможно, для хранения каких-либо запасов не отдельной семьей, а большого коллектива.

Материал из грунта заполнения ям немногочисленный. Можно отметить фрагмент венчика краснолаковой чашки I–II вв. н. э. (форма V по Дж. Хейсу), фрагмент ручки амфоры типа С по Д. Б. Шелову, фрагменты венчиков амфоры типа

72 по И. Б. Зеест и сильно коррозированный железный наконечник стрелы.

Все эти находки были найдены при зачистке дна ям. С другой стороны, горловины ям была перекрыта нивелировочным слоем конца III в. н. э. На основании этого наиболее вероятным временем функционирования данных ям может считаться первый строительный период (II в. н. э. — середина — третья четверть III в. н. э.). В то же время окончательная засыпка ям была осуществлена, по-видимому, в период строительных работ на городище в конце III — начале IV в. н. э. На это, в частности, указывает обнаруженный в верхней части заполнения одной из ям фрагмент венчика амфоры типа 100 по И. Б. Зеест («Делакеу»).

Чрезвычайно интересный материал был получен из нивелировочного слоя жёлтого суглинка. Изучение нивелировочных слоёв в этой части городища подтверждает предложенную нами ранее версию о крупных строительных работах в последней четверти III в. н. э. на городище, связанных в первую очередь с реконструкцией фортификационных сооружений по периметру плато, на котором расположено городище. Восточный участок в этом плане не стал исключением. Однако результаты работ 2016 г. по исследованию нивелировочного слоя жёлтого суглинка интересны, прежде всего, тем, что находки из слоя позволили существенно расширить хронологические рамки периода активного освоения плато человеком. Основанием для этого послужило большее количество изделий из кремня.

Общее количество таких изделий составило 47 наименований. Из них особо можно отметить угловой резец на пластине (к. о. 1), скребок на отщепе (к. о. 6), треугольный наконечник с двусторонней обработкой (к. о. 21), резец на сколе пластины (к. о. 23), скребок на пластине (к. о. 24), остриё на пластине с ретушью (к. о. 25), микроскребок на пластине (к. о. 29), плоский резец на отщепе (к. о. 31), проколку (к. о. 37), остриё со скошенным основанием (бо-

ковой вкладыш наконечника) (к. о. 38), бифас эпохи мустье (к. о. 42), нуклеус (к. о. 43). Прочие изделия представляют собой различных размеров отщепы (с ретушью или без неё), пластины и обломки кремня со следами термической обработки (к. о. 2–5, 8–20, 22, 26, 33–35, 39–41, 44–46, 47–54) (рис. 1-5).

Датируется материал как минимум от эпохи мустье и до бронзового века². Грунт для нивелировочных работ был, по-видимому, взят с какой-то многослойной стоянки каменного века, скорее всего, располагавшейся на этом же, восточном, мысе плато, на котором находится городище «Белинское».

Продолженные в 2016 г. исследования зольника позволили уточнить время его функционирования и границы распространения слоя золы. Общая площадь распространения слоя золы — более 275 кв. м. Верхняя граница слоя золы отстоит от дневной поверхности на 0,15–0,3 м. На отдельных участках он начинается сразу под дёрновым покрытием. Мощность слоя — 0,2–0,45 м. Большой радиус распространения золы и явная неравномерность его мощности позволяют предположить, что зольник был частично разрушен, вероятно, в салтовский период, когда данный участок активно использовался населением. Структура зольника типична: это преимущественно рыхлый грунт с большим содержанием золы, раковин мидий, виноградной улитки и мелких обломков камней. Поздний материал (в том числе салтовского времени) доминирует в верхних горизонтах зольника. В нижних горизонтах доминирует материал более раннего времени. На периферии зольника материал чаще всего смешан, хотя в целом преобладают находки более раннего времени.

Исследования зольника в 2016 г. дали достаточно богатый и разноплановый археологический материал. Прежде всего, отметим многочисленные обломки амфор. Из профилированных частей

отметим фрагменты венчиков амфоры типа 100 по И. Б. Зеест (Делакеу) и амфор типа С по Д. Б. Шелову, фрагменты ручек амфор типа Е по Д. Б. Шелову, амфоры типа С по Д. Б. Шелову, амфоры типа 85 по И. Б. Зеест и амфоры типа 72 по И. Б. Зеест.

Как обычно в зольниках этого времени присутствуют обломки лепной посуды. Среди этой категории находок отметим фрагмент венчика сосуда с верхним прилепом ручки, фрагмент венчика глубокой миски, фрагмент венчика глубокой миски с горизонтальной ручкой — налепом, фрагмент венчика горшка, два фрагмента ручек кувшинов, край крышки и стенку сосуда в светлой обмазке с орнаментом в виде параллельных линий косых насечек³.

Краснолаковая посуда представлена лишь двумя небольшими фрагментами донца мисок. Красноглиняная посуда, сделанная на гончарном круге, — двумя фрагментами ручек кувшинов.

Особо выделим коллекционные находки. Их можно разделить на две категории. К первой категории относятся вещи непосредственно связанные со временем функционирования зольника (а это как минимум весь период существования античного городища). Ко второй категории — вещи, попавшие в зольник в период строительных работ в восточной части городища и связанные с нивелировочным слоем жёлтого суглинка на квадратах № 19 и 20. Вещи первой категории представлены лепной курильницей первых веков н. э. (к. о. 3), бусиной цилиндрической формы из светлого стекла первых веков н. э. (к. о. 27) и фрагментом фибулы (пружина с частью булавки) также первых веков н. э. (к. о. 36). Вещи второй категории представлены кремнёвым отщепом с ретушью (к. о. 32), осколком кремня со следами термической обработки (к. о. 30) и костяным стержневидным наконечником дротика, датированного верхним палеолитом (к. о. 28) (рис. 6).

² Определение изделий из кремня и их датировка проведена Гавриловым К. Н. и Жилиным М. Г. (ИА РАН).

³ Определение лепной керамики проведено А. А. Крайневой.

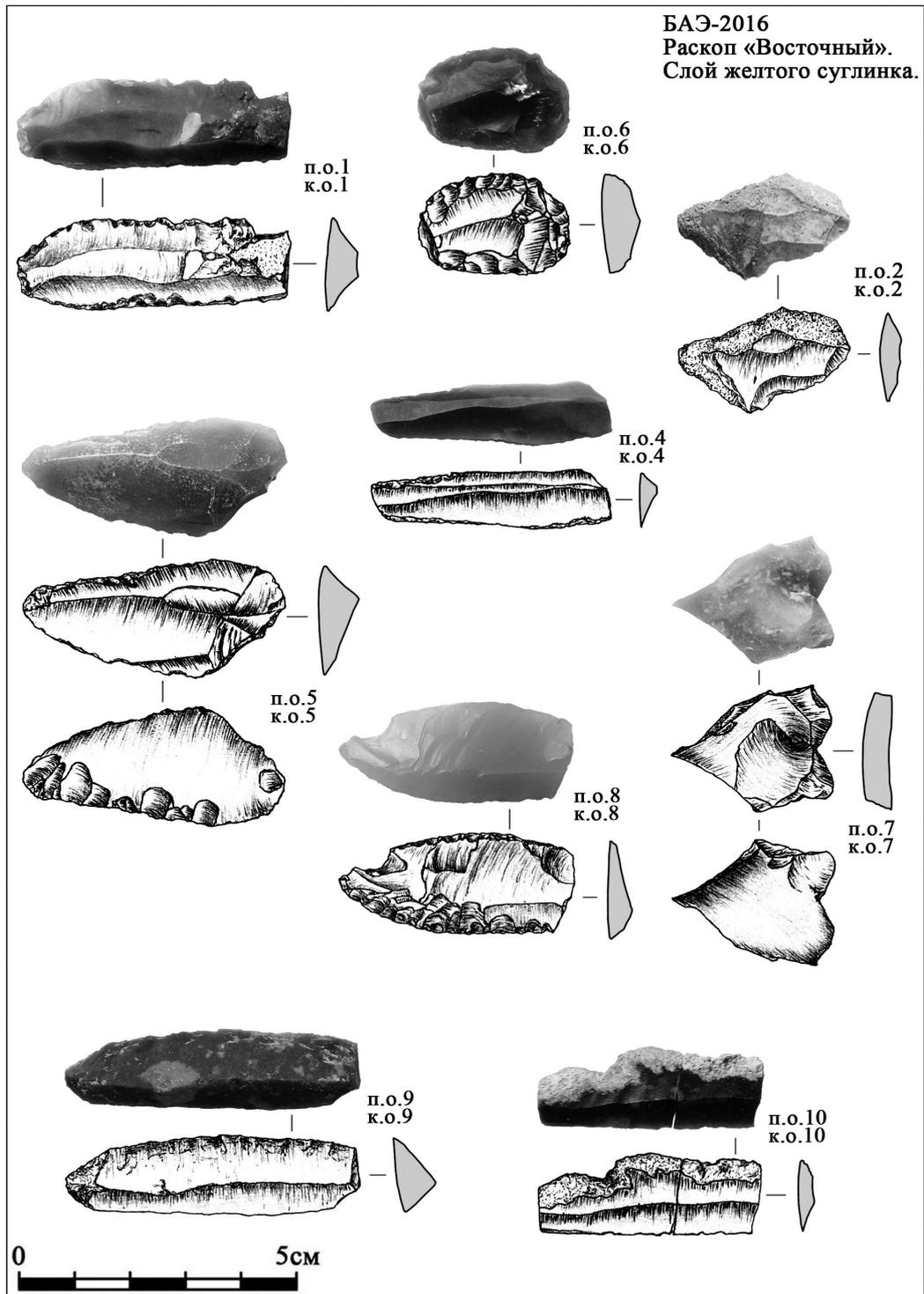

Рис. 1. Кремнёвые изделия из нивелировочного слоя жёлтого суглинка.

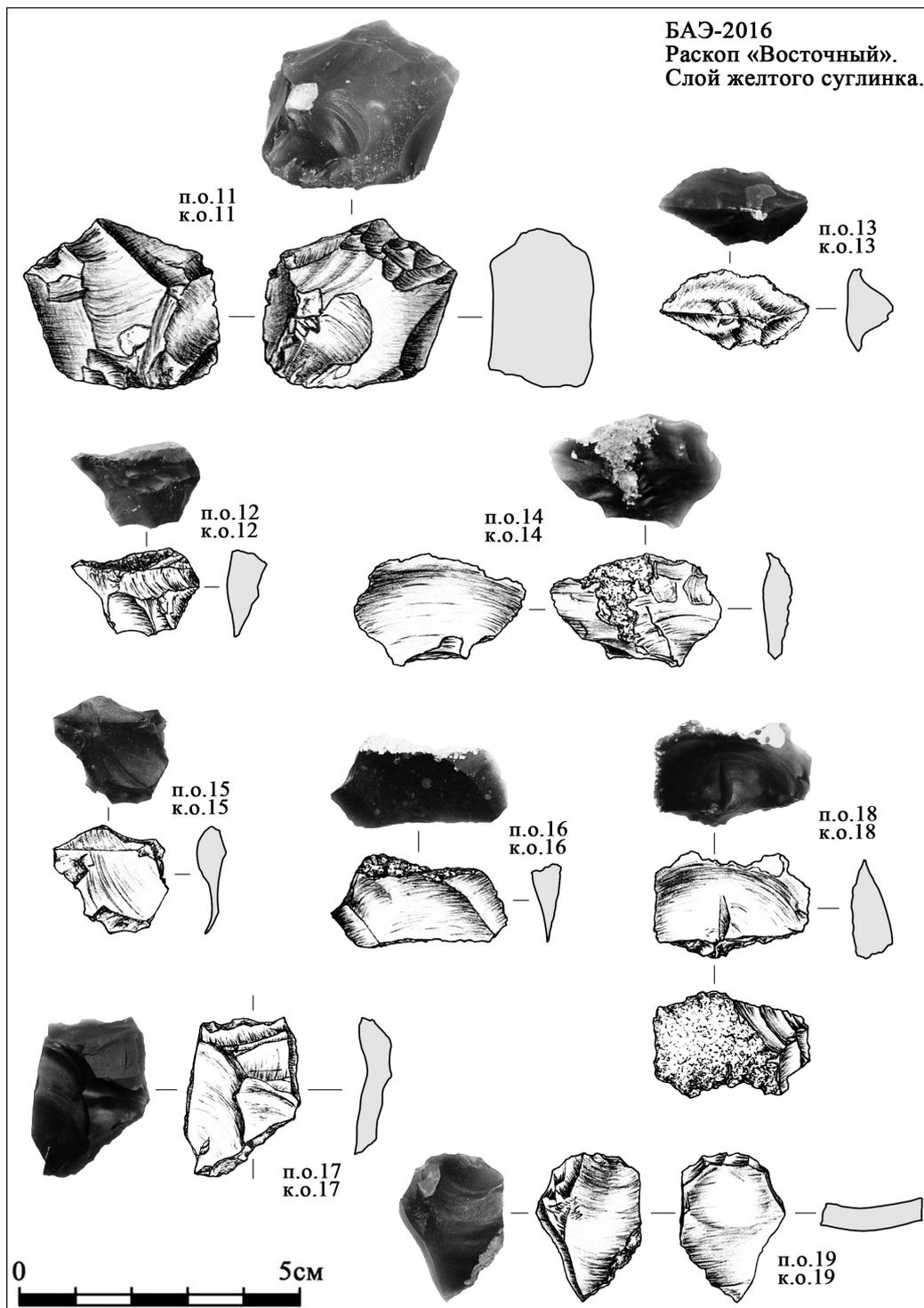

Рис. 2. Кремнёвые изделия из нивелировочного слоя жёлтого суглинка.

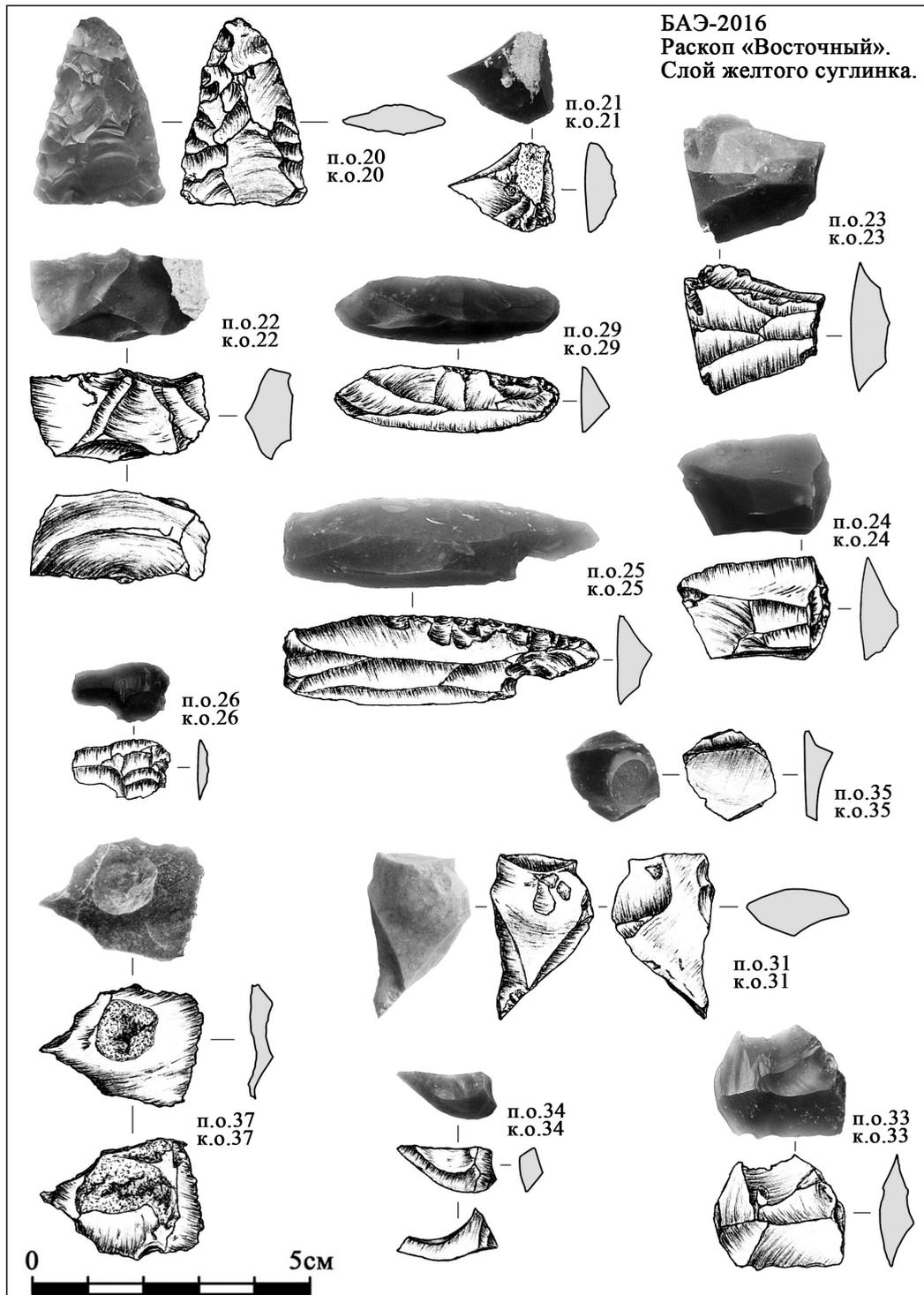

Рис. 3. Кремнёвые изделия из нивелировочного слоя жёлтого суглинка.

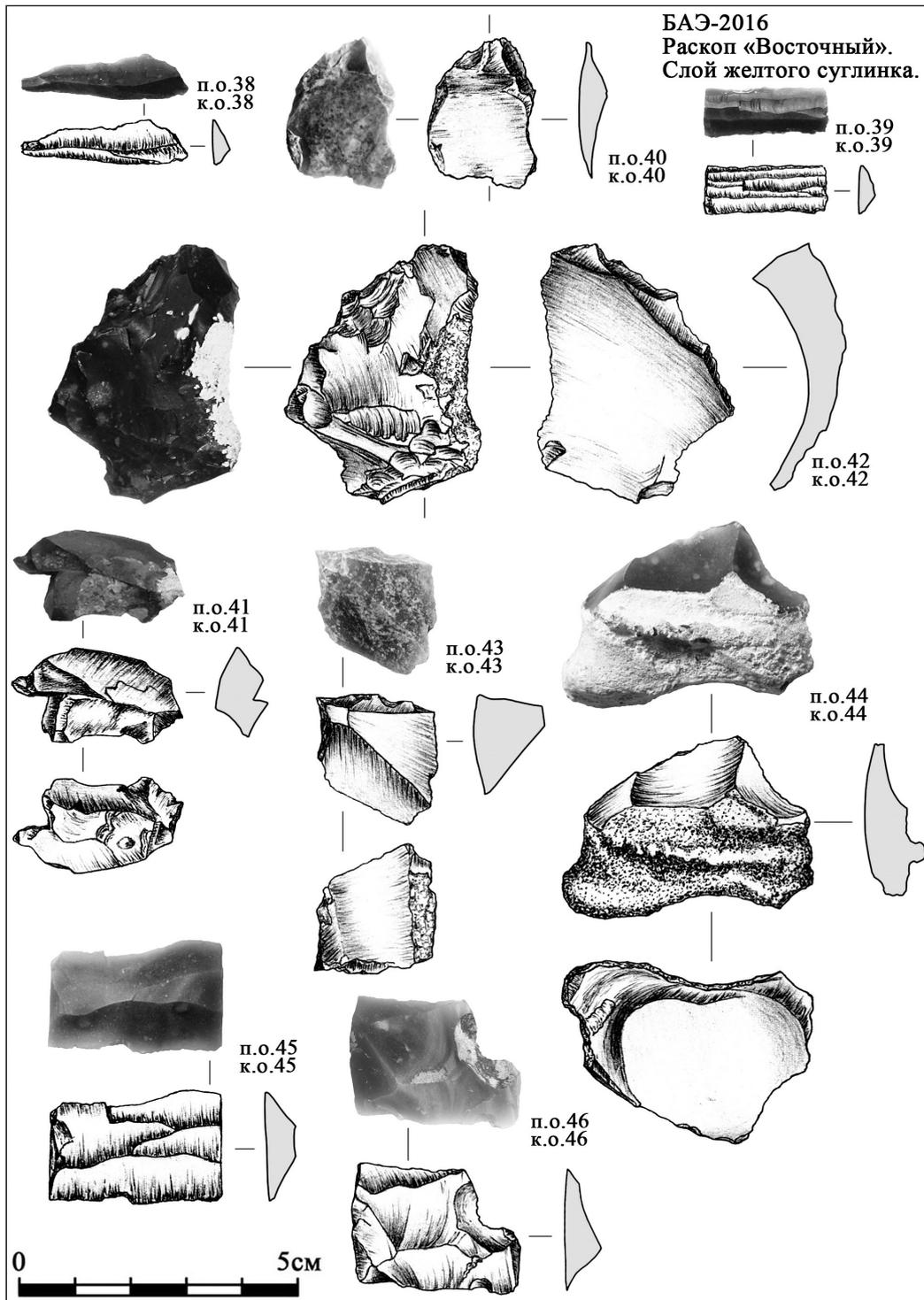

Рис. 4. Кремнёвые изделия из нивелировочного слоя жёлтого суглинка.

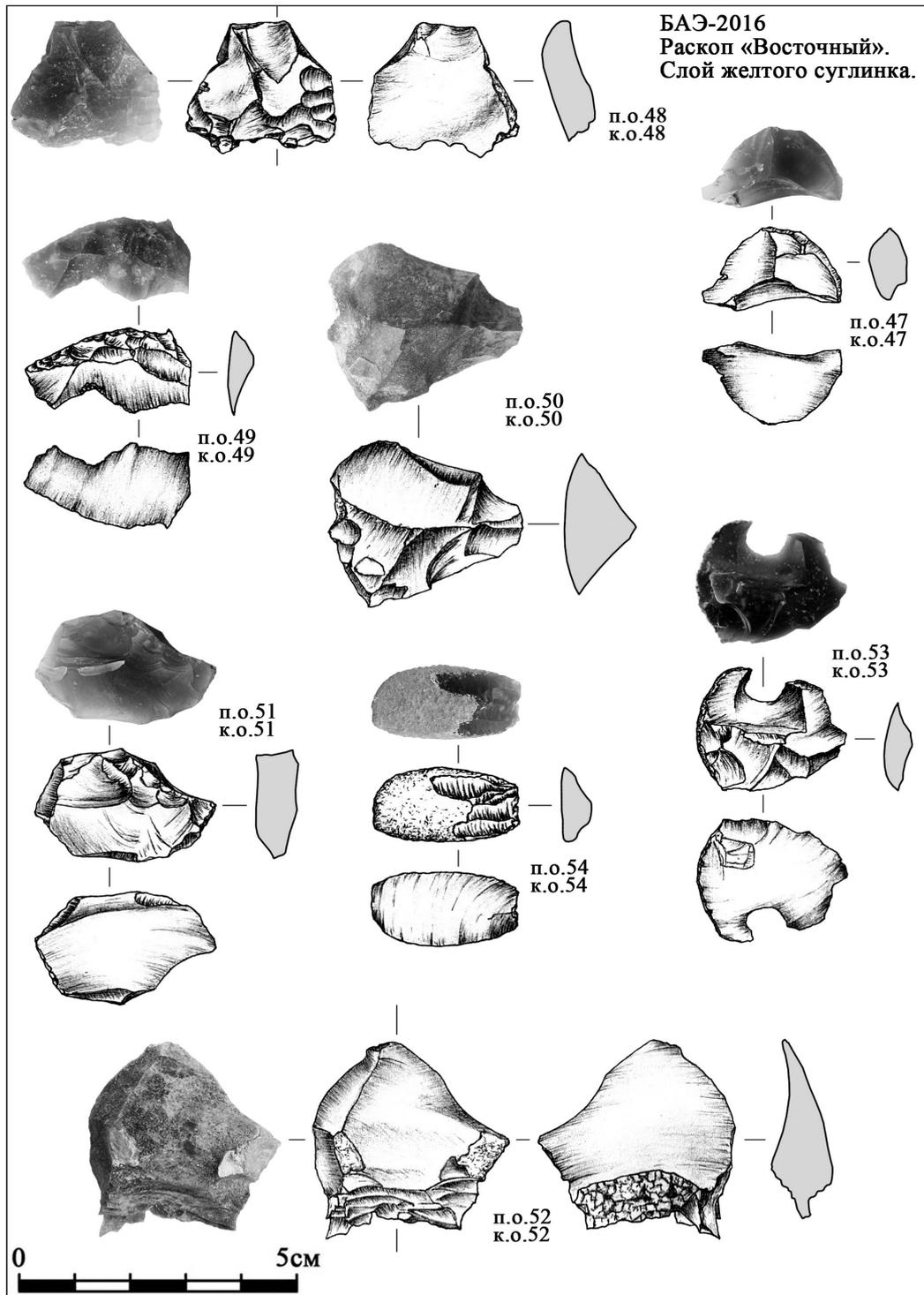

Рис. 5. Кремнёвые изделия из нивелировочного слоя жёлтого суглинка.

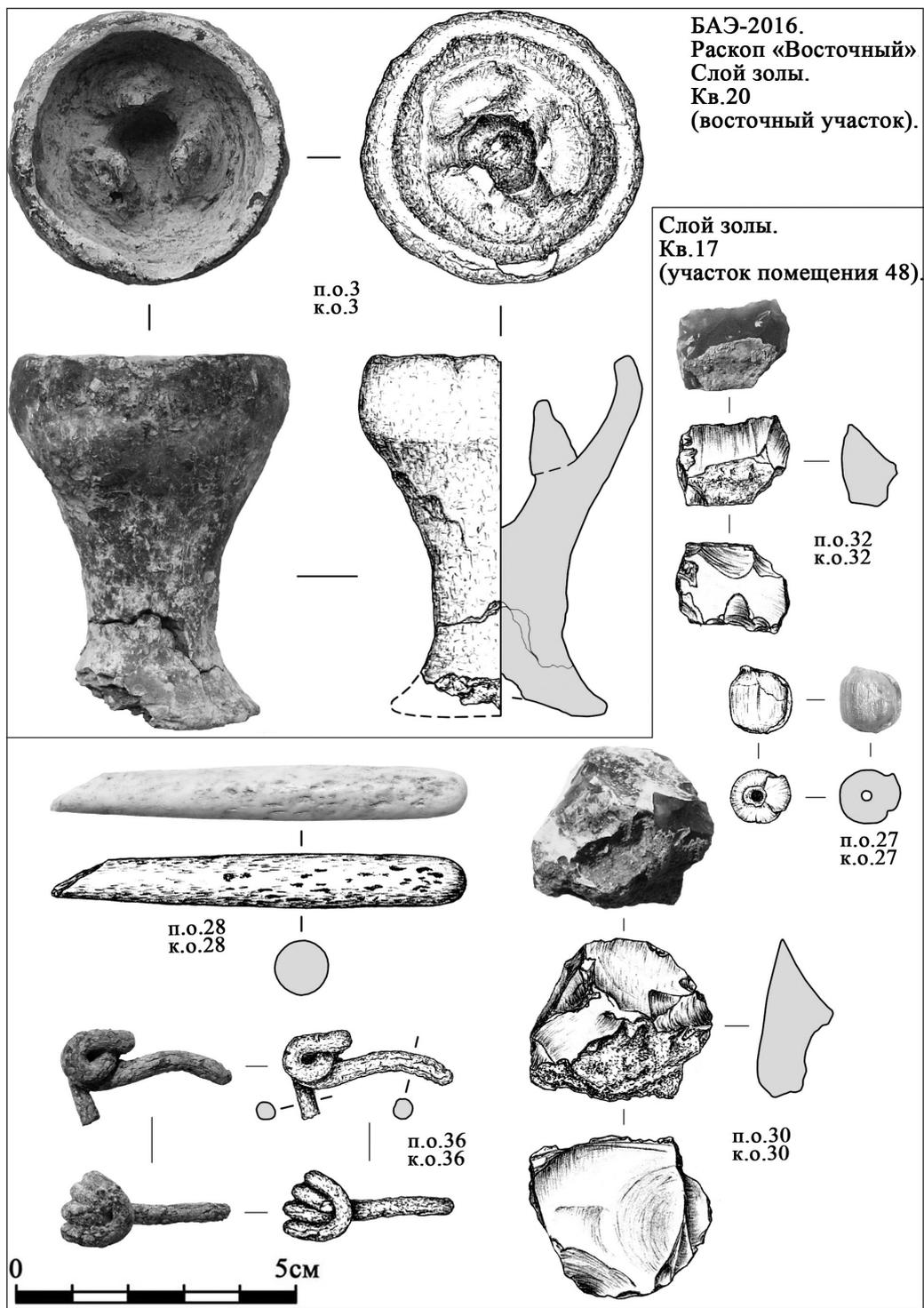

Рис. 6. Находки из зольника

Рис. 7. Помещение № 48 салтовского времени. Вид с юго-запада

В результате доисследования помещения № 48 удалось уточнить его планировку, выделить участки кладок античного и салтовского времени в конструкции остатков фундаментов образующих помещение стен.

Помещение № 48 (рис. 7). Помещение ориентировано длинной осью по линии юго-запад–северо-восток. Площадь помещения внутри периметра ограничивающих его кладок составляет 40,0 кв. м. Оно образовано связанными между собой фундаментами стен № 153 (ограничивает помещение с северо-запада), № 154 (ограничивает помещение с юго-запада), № 130 (ограничивает помещение с юго-востока), № 152 (ограничивает помещение с северо-востока) и № 129 (ограничивает помещение с северо-востока). На отдельных участках при строительстве помещения были использованы участки кладок античного времени. Таковы, например, северо-восточный участок стены № 153 и фундаменты стен № 129 и 152. Кроме того, между стенами 152 и 129 впущен участок стены № 128 со стороны торца.

Пол помещения выявлен на небольшом участке северо-западного угла помещения на площади 5,6 кв. м. Он представляет собой плотный тёмный золистый слой мощностью до 0,01–0,02 м с мелкими вкраплениями фрагментов раковин мидий. Находок при зачистке и прокопе пола не было

Стена № 153. Остатки фундамента этой стены ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. Она разделена проходом в помещение № 48 на два участка, характер кладки на которых отличен.

Длина *северо-восточного участка* составляет 3,2 м. Высота кладки достигает 2 ряда (0,4 м). Ширина кладки — 0,9 м. Кладка иррегулярная, трехслойная, двулицевая. Сложена из необработанных большей частью плоских камней жёлтого ракушечника и белого известняка местного происхождения. Пригонка камней не плотная, зазоры забиты мелким бутом, землёй и суглинком. Кладка лежит на слое золы. Вместе со стеной № 152 образует северный угол помещения. Соединение впереплёт.

Северо-восточный и северо-западный участки стены № 153 разделены проходом в помещение (0,7–1,1 м). Со стороны внешнего северо-западного фаса вплотную к стене подходит углубление под пифос.

Длина юго-западного участка составляет 2,4 м. Высота кладки достигает 2 ряда (0,4 м). Ширина кладки — 1,0 м. Сохранность плохая. Кладка иррегулярная, трехслойная, двулицевая. Фасы и особенно проход в помещение сложены из крупных необработанных и частично обработанных камней вторичного использования. Камни жёлтого ракушечника и белого известняка (0,5×0,4×0,2; 0,4×0,2×0,1; 0,2×0,2×0,1) местного происхождения. Некоторые из камней уложены в средневековой технике «тычком», как плоский камень жёлтого ракушечника (0,5×0,2×0,1 м) со стороны юго-восточного фаса стены. Между фасадами располагался слой забутовки из бутового камня, глины и земли. Заполнение щелей в кладке — на основе глины с большим содержанием золы. Западный угол помещения сильно разрушен, поэтому характер соединения со стеной № 154, ограничивающей помещение с юго-запада, неясен. Кладка лежит на слое тёмно-серой супеси мощностью 0,05–0,1 м, перекрывающем на этом участке слой золы.

Стена № 154. Остатки фундамента этой стены ориентированы по линии юго-восток–северо-запад. В юго-восточной части фундамент стены обрывается и не доходит до стены № 130 (южный угол помещения), на северо-западе заканчивается завалом сползшегося бута и также не соединяется со стеной № 153 (западный угол помещения). Длина сохранившегося участка составляет 2,2 м. Сохранился преимущественно один ряд кладки (0,15 м). Ширина кладки — 0,8–1,0 м. Кладка сохранилась плохо. Кладка иррегулярная, трехслойная, двулицевая. Фасы сложены из бутового камня жёлтого ракушечника и белого известняка (0,4×0,2×0,1; 0,2×0,2×0,1; 0,3×0,2×0,2). Между фасадами — слой забутовки из бу-

тового камня, глины и земли, который из-за деформирования стены во многих местах сполз в сторону северо-востока и юго-запада. Кладочный раствор глинистый, с большим содержанием золы. Основание кладки лежит на слое тёмно-серой супеси мощностью 0,05–0,1 м, перекрывающем на этом участке слой золы.

Стена № 130. Остатки фундамента этой стены ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. В северо-восточной части кладка фундамента под острым углом подходит к стене № 129, однако, так как восточный угол помещения разрушен, характер соединения остаётся неясен. Скорее всего, с учётом разновремениности кладок, оно было впритык. В юго-западной части соединение со стеной № 154 (южный угол помещения) также разрушено, но в этом случае кладки одновременны и соединение могло быть и впереплёт. Кладка фундамента сохранилась на участке длиной 10 м. Сохранилось до двух рядов кладки (0,4 м). Ширина кладки — 0,8–0,9 м. Сохранность плохая. Кладка иррегулярная, трехслойная, двулицевая. Фасы сложены из необработанных камней жёлтого ракушечника и белого известняка (0,5×0,4×0,2; 0,4×0,2×0,1; 0,2×0,2×0,1). Между фасадами — слой забутовки из бутового камня, глины и земли. Заполнение щелей между камнями кладки — глина со значительной примесью золы. Основание кладки лежит на слое тёмно-серой супеси мощностью 0,05–0,1 м. Под ним последовательно расположены слой золы, нивелировочный слой крошки жёлтого ракушечника и нивелировочный слой жёлтого суглинка.

Стена № 152. Остатки фундамента этой стены ориентированы по линии юго-восток — северо-запад. В юго-восточной части кладка фундамента образует прямой угол со стеной № 128 (поворот во внешнюю от помещения № 48 сторону), с которой сложена впереплёт. В северо-западной части кладка вначале образует прямой угол со стеной № 153, затем через 0,7 м обры-

вается. Длина сохранившегося участка кладки 3,5 м. Сохранился нижний ряд кладки (0,15 м). Ширина кладки — 0,7–0,8 м. Характер кладки аналогичен кладке стены № 153, синхронной по времени. Основание кладки лежит на слое золы, под ним — нивелировочные слои крошки жёлтого ракушечника и жёлтого суглинка.

Стена № 129. Остатки фундамента этой стены ориентированы по линии юго-восток — северо-запад. В северо-западной части стена образует прямой угол со стеной № 128 (поворот во внешнюю от помещения № 48 сторону), соединение с которой впереплёт. В юго-восточной части стена обрывается. Длина сохранившегося участка составляет 2,2 м. Сохранность — до двух рядов кладки (0,3 м). Ширина кладки — 0,8 м. Характер кладки аналогичен кладке стены № 153 в северо-восточной части, однако сохранность значительно хуже. Сильно разрушен юго-западный фас кладки. Здесь сохранились лишь отдельные фрагменты. Северо-восточный фас стены сложен из довольно крупных частично обработанных камней жёлтого ракушечника и белого известняка. Основание кладки лежит на слое золы. Под ним — нивелировочные слои крошки жёлтого ракушечника и жёлтого суглинка. В салтовский период стена частично

была реконструирована. Небольшой участок этой реконструкции сохранился со стороны северо-восточного фаса.

Выводы. Изучение нивелировочных слоёв в восточной части городища подтверждает предложенную нами ранее версию о крупных строительных работах в последней четверти III в. н. э. на городище, связанных в первую очередь с реконструкцией фортификационных сооружений по периметру плато, на котором расположено городище. Грунт для нивелировочных работ был, по-видимому, взят с какой-то многослойной стоянки каменного века, скорее всего, располагавшейся на этом же, восточном, мысе плато, на котором находится городище «Белинское». Что же касается помещения № 48, то в целом можно заключить, что оно было сооружено в типичном для салтовской АК в Восточном Крыму варианте использования фундаментов остатков сооружений позднеантичного времени с частичной их реконструкцией и пристройкой новых ограждений. Функциональное назначение неясно, однако отсутствие следов очага и крайне слабая выраженность пола позволяет предположить, что оно выполняло какие-то хозяйственные функции, а возможно, служило и в качестве загона для скота.

The article summarizes the archaeological studies of 2016 at the "Belinskoye" ancient settlement in the eastern Crimea. The authors introduce into scientific discourse material dating back to the ancient period in the history of the settlement; material related to the Saltovian archaeological culture and flint-flake items from the leveling layer covering the period from the late Paleolithic to the Bronze Age.

Keywords: East Crimea, the ancient settlement "Belinskoye", Saltovian archaeological culture, Late Paleolithic, the Bronze Age

УДК 72.032

В. П. Колосов

Анализ пропорций ионических капителей Боспора

В работе представлены результаты сравнительного анализа пропорций ранних ионических капителей Боспора. Применение методов многомерной статистики позволило получить данные о сходствах и различиях боспорских капителей с капителями из других регионов античного мира.

Ключевые слова: *ионические капители, статистические методы, архитектура Боспора.*

Об античных архитектурных памятниках написано огромное количество работ, в том числе и об этапах становления и развития ионического ордера. Тем не менее, часто возникают трудности с атрибуцией архитектурных фрагментов, обнаруженных в ходе археологических изысканий. Особенно актуально это для памятников Северного Причерноморья, которые часто были найдены во фрагментарном состоянии, практически всегда вне архитектурного контекста и во многих случаях были подвергнуты вторичному использованию. В такой ситуации исследователь вынужден датировать и реконструировать сооружения, опираясь только на

особенности формы сохранившихся фрагментов, находя аналогии в других надежно датированных постройках античного мира. При этом может иметь значение целый ряд различных характеристик: от особенностей композиционного решения, пропорций и соотношений ордерного строя, специфики формы некоторых элементов, профилировки архитектурных обломов, и вплоть до технического качества обработки архитектурных деталей.

Важно отметить, что помимо хорошо изученных и достаточно полно сохранившихся архитектурных сооружений, в распоряжении исследователей имеется огромное количество фрагментирован-

ных архитектурных элементов. Обычно это случайные находки или материал из археологических раскопок. Подобные объекты часто не имеют определенного культурного контекста. Кроме того, нельзя с уверенностью утверждать, что обнаруженные архитектурные элементы являлись составной частью архитектурных сооружений высокой художественной значимости. Зачастую это могут быть фрагменты построек небольшого масштаба или утилитарной функции. Тем не менее, такие детали, несущие на себе отпечаток существующей на тот момент архитектурной тенденции, не могут не представлять интереса для понимания процесса формообразования архитектурных элементов. Более того, рассматривая весь комплекс архитектурных элементов как массовый материал, можно проследить закономерности, возникающие в ходе развития архитектурной традиции. Уловить, как новые средства художественного выражения постепенно становились общепринятой практикой. Или наоборот, как особенности строительной традиции проявлялись в оформлении архитектурных памятников высокого художественного уровня.

Представления о ранней архитектуре Боспора, в основном, строятся немногочисленных сохранившихся архитектурных деталях. Сооружения, в которых можно было бы восстановить объёмно-пространственное решение и их место в городском ландшафте, исчисляются единицами. Основные усилия исследователей направлены на атрибуцию архитектурных фрагментов и реконструкцию сооружений на основе этих фрагментов. Атрибуция и реконструкция, как уже было сказано, основываются на поиске аналогий в ордерных постройках из других регионов античного мира. Для исследователя важно проследить процесс развития формы и пропорций различных ордерных элементов и учесть возможные локальные и хронологические различия. При таком подходе значение имеют как хорошо сохранившиеся архитектурные сооружения, так и архитектурные детали,

обнаруженные в ходе археологических изысканий или случайно. Привлечение к анализу широкого круга материалов помогает построить более целостную картину.

Изучению этапов развития ионических капителей посвящено большое количество работ. В ряде исследований уже были сделаны попытки получить общую картину развития формы ионических капителей [8; 9; 15], тем не менее, потенциал данной группы материала еще далеко не исчерпан. Столь разнообразный многочисленный материал даёт широкие возможности для исследования. В том числе, изучение формы архитектурных элементов с привлечением большого количества признаков на выборке большого объема. Успешно апробированные на достаточно изученном материале методы позволят более эффективно применять их при анализе массового археологического материала.

Боспорские архитектурные фрагменты неоднократно привлекали внимание исследователей [2; 5; 7]. В данном исследовании делается попытка получить представление об основных изменениях пропорций ионических капителей на основе статистического анализа, и определить место, которое занимают капители Боспора на общем фоне.

К сожалению, не все объекты, обнаруженные на территории Боспорского царства, имеют надлежащую сохранность или в достаточной мере опубликованы. Для анализа использовано пять ионических капителей из данного региона: 1) капитель из Пантикапея, случайная находка (место хранения — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Инв. № 825) [4], 2) капитель, обнаруженная в 1979 г. в ходе археологических работ в Пантикапее (место хранения — ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № М-1490) [7, с. 283], 3) капитель из Пантикапея, случайная находка 2002 г. в районе горы Митридат (хранится в частном собрании) [2], 4) капитель из Гермонассы, обнаруженная в ходе археологических работ на городище в 1986 г. (место хранения — Археологический

музей Таманского музейного комплекса) [1], 5) капитель из Нимфея, обнаруженная в ходе археологических работ на городище (место хранения — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник) [3; 6].

Для исследования были привлечены 83 капители из разных частей античного мира, имеющих наиболее полную сохранность и относительно надежную датировку. Помимо капителей из Боспора в анализ включены капители, происходящие из четырех крупных регионов античного мира: Малой Азии, Аттики и Пелопоннеса, Великой Греции, а также островов Эгеиды. Хронологический охват составляет около 5 веков (VI — II вв. до н. э.).

Вся совокупность характеристик данных объектов была проанализирована методом главных компонент в программе Statistica 8.0. В качестве признаков были использованы 16 соотношений различных линейных характеристик капителей (Табл. 1; Рис. 1).

Результаты анализа главных компонент представлены в виде графика в декартовых координатах (Рис. 2). Оси абсциссы и ординаты графика несут

значения двух первых главных компонент, в которых отразились наиболее вариативные направления различий в пропорциях капителей (Табл. 1). Таковыми признаками являются соотношения, имеющие высокий коэффициент корреляции (выделены курсивом).

Горизонтальная ось (ГК 1), таким образом, отражает увеличение слева направо следующих соотношений: ширины капители к ширине балюстры (a/b), ширины капители к верхнему диаметру ствола колонны (a/h), ширины абака к верхнему диаметру колонны (c/h), расстояния между центрами валов к диаметру ствола колонны (f/h).

По вертикальной оси (ГК 2) снизу вверх увеличивается соотношение расстояния между центрами волнот к расстоянию между волютами (f/e), в том же направлении уменьшаются следующие соотношения: расстояние между волютами к ширине капители (e/a), расстояние между центрами волнот к высоте волноты (f/g).

При таких значениях признаков для двух первых главных компонент объекты распределяются в пространстве декартовых координат следующим образом:

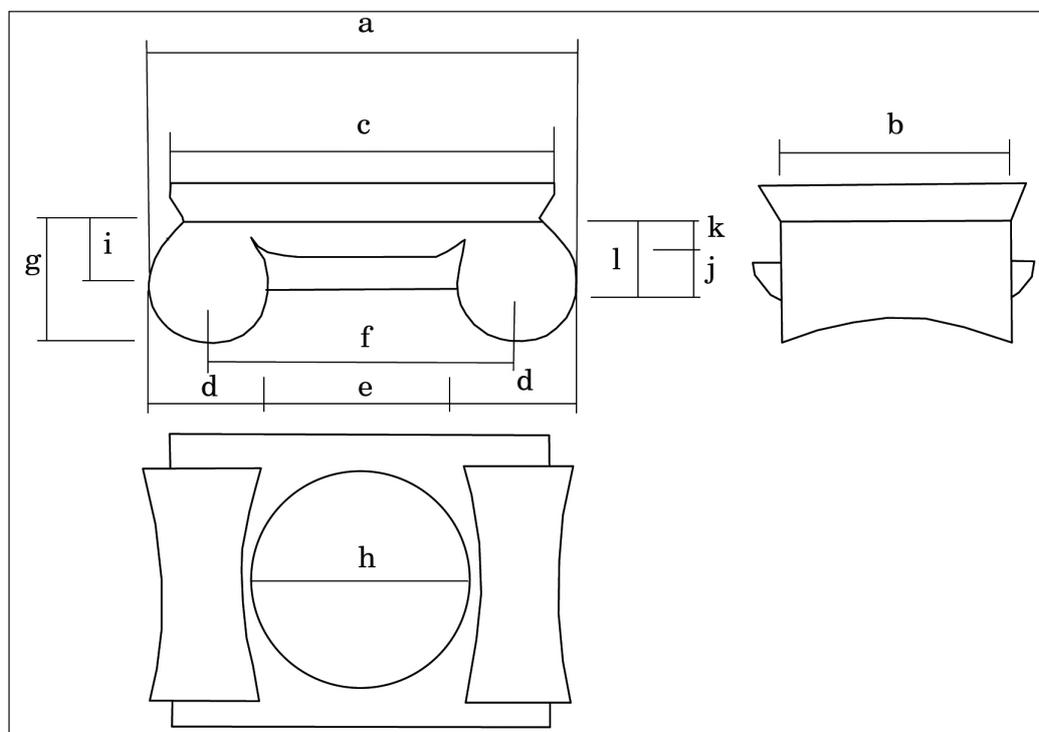

Рис. 1. Линейные характеристики ионической капители (по: D. Theodorescu [15, Tabl.1])

Таблица 1

**Коэффициенты корреляции между первыми главными компонентами
и признаками**

Признаки		ГК 1	ГК 2
a/b	общая ширина / ширина балюстры	0,859103	-0,150640
f/b	расстояние между центрами волют / ширина балюстры	0,641827	-0,414359
c/a	ширина абака / ширина капители	0,276733	-0,304365
a/h	ширина капители / верхний диаметр колонны	0,942727	-0,069347
c/h	ширина абака / верхний диаметр колонны	0,884233	-0,203829
f/h	расстояние между центрами волют / верхний диаметр колонны	0,903987	-0,308714
d/a	ширина волюты (горизонтальный диаметр) / ширина капители	-0,125470	-0,040935
e/a	расстояние между волютами / ширина капители	-0,288877	-0,924313
f/a	расстояние между центрами волют / ширина капители	0,122707	0,152858
f/e	расстояние между центрами волют / расстояние между волютами	0,248399	0,864772
f/g	расстояние между центрами волют / высота волюты	-0,314366	-0,835628
a/l	ширина капители / высота капители (без абака)	-0,542574	-0,505420
k/l	высота центрального канала волюты / высота капители (без абака)	-0,249159	-0,013346
j/l	высота эхина / высота капители (без абака)	0,233796	-0,157394
i/l	расстояние между центром волюты и абаком / высота капители (без абака)	0,151185	-0,032355
g/d	высота волюты (верт. диаметр) / ширина волюты (горизонт. диаметр)	0,042262	0,001967

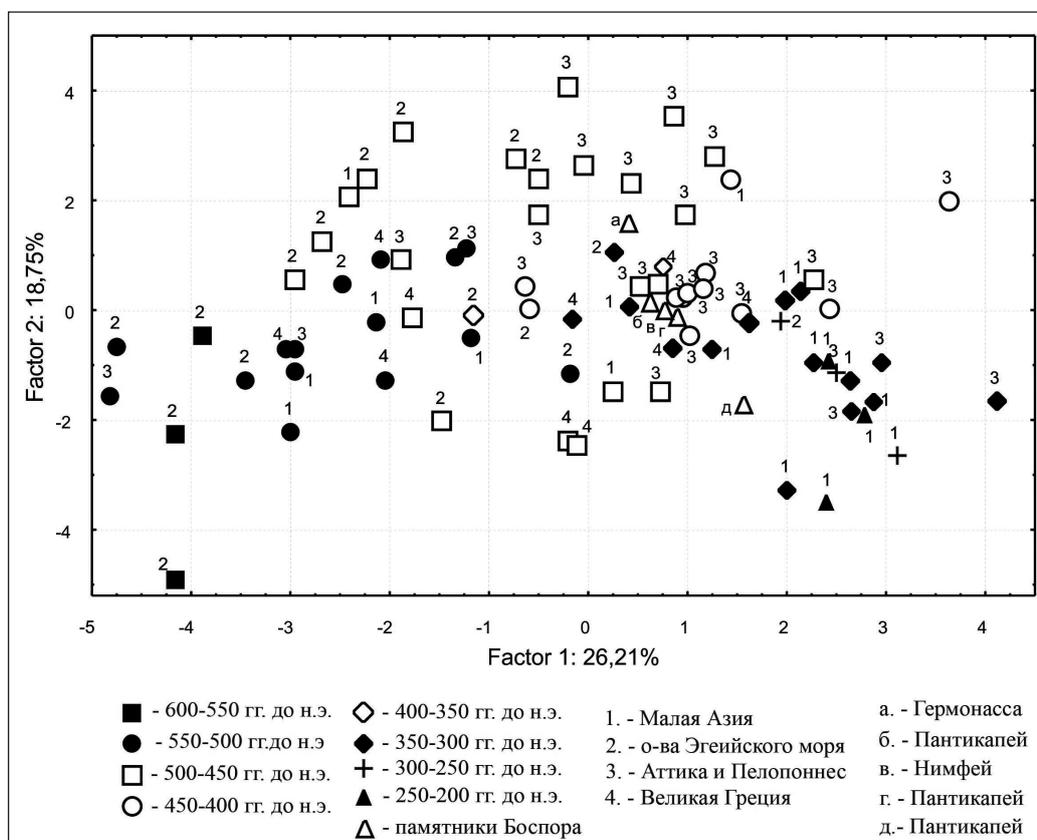

Рис. 2. Результаты анализа пропорций ионических капителей методом главных компонент

В *правой нижней* четверти поля графика расположены объекты, широкие по фасаду, но с небольшим диаметром колонн. Это невысокие капители с небольшими широко разнесенными волютами.

В *правой верхней* четверти поля графика расположены капители, также широкие и невысокие, с небольшим диаметром колонн, с большим расстоянием между центрами волют и с широкими абаками, с большим диаметр волют и более плотным их расположением.

В *левой верхней* четверти поля графика располагаются капители, не очень широкие по отношению к диаметру колонны, абаки в плане близки по форме к квадрату, волюты расположены довольно близко, и при этом диаметр волют довольно большой.

В *левой нижней* четверти поля графика, располагаются капители не очень широкие, по отношению к диаметру колонны. Абаки в плане близки по форме к квадрату, но волюты расположены далеко друг от друга и имеют не очень большой диаметр.

Объекты располагаются в пространстве главных компонент широкой дугой: в правой нижней части сосредоточены памятники архаического периода, в центральной — классического, а в левой нижней — эпохи эллинизма. Таким образом, расположение объектов в зависимости от их пропорций хорошо отражает зависимость между этими пропорциями и хронологией. Нужно отметить, капители VI в. до н. э. имели довольно близкие пропорции — с широкими фасадами, небольшим диаметром колонн и малыми волютами (высокие значения в горизонтальной оси, и низкие в вертикальной). Объекты, которые относятся к V в. до н. э. расположены в центральной части графика, при этом, у них имеется довольно сильный разброс значений, особенно по вертикальной оси. Другими словами — в этот период ионические капители характеризуются значительным разнообразием в своих пропорциях. Особенно варьируют соотношения диаметров волют и расстояний между ними. При этом наблюдается несколько устойчивых

сгущений — наиболее плотное образуют аттические капители в центральной части графика. Затем, к IV в. до н. э. и позднее в пропорциях опять наблюдается большее единообразие — объекты в основном повторяют более ранние образцы из Аттики. Далее к III-II вв. до н. э. эта тенденция усиливается: капители ещё уже, волюты небольшого диаметра разнесены дальше, при этом вариативность пропорций очень небольшая.

Не менее важным является отражение региональных различий. Памятники, происходящие из Малой Азии и Южной Италии, характеризуются волютами небольшого диаметра, широко отставленными друг от друга. Капители, происходящие с островов Эгейского моря, имеют большее разнообразие в пропорциях, и их раннеклассическим вариантам свойственны более крупные и близко расположенные волюты. То же самое можно сказать про капители из Аттики, при этом аттические образцы первой половины V в. до н. э. отличаются большей относительной шириной балюстры, то есть капители менее вытянуты во фронтальной плоскости. Можно отметить, что в целом по выборке в поздних объектах региональные различия прослеживаются менее отчетливо.

Капители, происходящие из городов Боспора, обозначены буквами кириллицы: а. — капитель из Гермонассы [1], б. — капитель из Пантикапея [2], в. — капитель из Нимфея [3; 6], г. — капитель из Пантикапея [4] и д. — капитель из Пантикапея [7, с. 283]. Все пять капителей в пространстве двух первых главных компонент расположены в непосредственной близости друг от друга. Две капители из Пантикапея и капитель из Нимфея имеют очень высокую степень сходства пропорций, капитель из Гермонассы отличается от них более высоким значением второй компоненты, то есть её пропорции характеризуются большим диаметром волют и более тесным их расположением. Третья капитель из Пантикапея, наоборот, имеет меньший диаметр волют и более широкое их расположение, а соотношение

ширины по фасаду к ширине балюстры у нее небольшое.

Расположение памятников Боспора по отношению к остальным объектам анализа также довольно информативно. Три из пяти капителей образуют тесное сгущение с целой группой объектов. Основная часть капителей в этой группе происходят из Аттики, они же являются в этой группе наиболее ранними (Табл. 2). По всей видимости, более поздние капители других регионов повторяют пропорции капителей классических аттических памятников. Провинциальная архитектура могла характеризоваться некоторой архаичностью, и демонстрировать в поздних памятниках черты более раннего этапа развития архитектурной традиции.

Капитель из Гермонассы и одну из капителей из Пантикапея исследователи советского времени относили к первой половине V вв. до н. э. [1, с. 53; 4, с. 109]. В последнее время датировки этих памятников пересмотрены и датированы IV в. до н. э. [2, с. 166; 7, с. 283]. К первой пол. IV в. до н. э. относится находка из Нимфея, которая надежно датируется строительной надписью времени правления Левкона I (пер. пол. IV в. до н. э.) [2, с. 163]. К несколько более позднему времени (втор. пол. IV в. до н. э.) принадлежит другая пантикапейская капитель (случайная находка

2002 г.) [2, с. 163]. Третья капитель из Пантикапея, обнаруженная при археологических работах в 1979 г., предположительно, является самой ранней, и может быть отнесена ко второй четверти V в. до н. э. [7, с. 285].

Безусловно, пропорции не являются абсолютно надежным датирующим признаком, тем не менее, это достаточно важная характеристика, которую нельзя не учитывать. Сравнение результатов анализа главных компонент данных с датировками памятников дает возможность сделать ряд интересных наблюдений. Большая степень сходства боспорских капителей с памятниками Афин говорит о возможной ориентации боспорских мастеров на классические аттические образцы V в. до н. э. Поскольку крайне низка вероятность того, что пропорции капителей в провинциальных сооружениях были синхронны или даже опережали аттические, изменение датировки для капители из Гермонассы и Пантикапея с V на IV в. до н. э. представляется вполне обоснованным. Что касается самой ранней капители из Пантикапея (2-я четверть V в. до н. э. по Толстикову), то нужно отметить, что её пропорции несколько специфичны: относительно широкая балюстра при небольшой высоте широко разнесенных волют. На графике эта капитель располагается изолированно как от памятников V, так и IV вв. до н. э. Со-

Таблица 2

Капители, с которыми сходны по пропорциям капители Боспора

Дата ¹ . гг. до н.э.	Регион	Памятник
не позднее 450	Афины	отдельная капитель [17, abb. 1–2]
не позднее 475	Марафон	вотивная колонна [16, pl. 31–35]
440–420	Афины	отдельная капитель [10, beilage 19]
450–400	Афины	Пропилеи [11, pl. 33]
450–400	Афины	храм на Афины на Илисе [13, pl.10]
450–400	Афины	храм Ники Аптерос [12, pl.7–8]
ок. 419–418	Афины	Эрехтейон, северный портик [14, pl. 22–24]
ок. 419–418	Афины	Эрехтейон, восточный портик [14, pl. 25]
500–300	Селинунт	отдельная капитель [15, tabl. 1, №79]
400–370	Эфес	отдельная капитель [8, abb. 71–72]
400–370	Селинунт	отдельная капитель [15, tabl.1 №81]

¹ По D. Theodorescu [15, Tableau 1].

четание признаков не имеет абсолютных аналогий во всей выборке. Данная капитель, хотя и обладает не совсем стандартными пропорциями, большей частью своих характеристик близка к пропорциям группы капителей V в. до н. э. Их значения по вертикальной оси равны, но у боспорской капители очень широкая балюстрада (абак в плане близок к квадрату), что и определяет её отличие от других ранних объектов.

В конечном итоге, анализ различий в соотношениях основных метрических характеристик является важным источником для получения информации о направлениях развития античной ордерной архитектуры. В результате ана-

лиза были получены данные о хронологических и региональных различиях ионических капителей VI–II вв. до н. э. Это позволило верифицировать современные взгляды на атрибуцию ранних капителей Боспора и подтвердить предполагаемую датировку объектов. Важно отметить, что боспорские капители, в целом, имеют близкие пропорции, несмотря на то, что принадлежат к разным вариантам ионического ордера: две капители из Пантикапея являются аттическим, а три других — капителями малоазийского варианта [2; 7]. Это может косвенно свидетельствовать о стилевом единстве ранней ионической архитектуры на Боспоре.

-
1. Арзаманов Г. Ф. Архаическая капитель из Тамани // Вестник древней истории. — 1989. — №4. — С. 49-54.
 2. Буйских А. В. Новая капитель из Пантикапея (к проблеме развития архитектуры ионического ордера на Боспоре) // Боспорские исследования. — 2007. — №16. — С. 159-169.
 3. Древний город Нимфей. Каталог выставки / Науч. ред. С. П. Борисовская — СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. — 138 с.
 4. Пичикян И. Р. Ионийская капитель из Керчи // Вестник древней истории. — 1974. — № 2. — С. 105-110.
 5. Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. — М.: Наука, 1984. — 296 с.
 6. Соколова О. Ю. Нимфей // Античные памятники Крыма. Киев.: Мистецтво, 2004. — С. 89-112.
 7. Толстикова В. П. Храм Аполлона в Пантикапее. Проблемы датировки, типологии и периодизации // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2010. — №01. — С. 277-315.
 8. Alzinger W. Vom Archaik zur Klassik // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. — 1961–62. — Bd. 46. — S. 105-136.
 9. Bakker K. A. A corpus of early Ionic capitals. Ph. D. diss., University of Pretoria. — 1999. — 335 p.
 10. Möbius H. Attische Architectur stunden // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. — 1927. — 52. — S. 162-196.
 11. Penrou F. C. An investigation of the principles of Athenian architecture; or, the results of a recent survey conducted chiefly with reference to the optical refinements exhibited in the construction of the ancient buildings at Athens. — London: Macmillan and co, 1888. — 108 p.
 12. Ross L; Schaubert E; Hansen C. Akropolis von Athen. Abt. 1. Der Tempel der Nike Apteros. — Berlin: Schenk & Gerstäcker, 1839. — 31p.
 13. Stuart J; Revett N. The antiquities of Athensted. Vol. 1. — London: Priestly and Weal, 1825. — 118 p.
 14. Stuart J; Revett N. The antiquities of Athens. Vol. 2. — London: Priestly and Weal, 1825. — 161 p.
 15. Theodorescu D. Le Chapiteau ionique grec. — Genève: Droz, 1980. — 184 p.
 16. Vanderpool E. A monument to the battle of Marathon // Hesperia. — 1966. — vol. 35. — P. 93-106.
 17. Wrede W. Ein Ionisches Kapitel in Athen // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. — 1930. — 55. — S. 191-200.

The paper is focused on the analysis of the early Ionic capitals of Bosphorus proportions. Due to the principal component analysis the data showing differences and similarities between Bosphoran capitals and capitals from other Greek centers were received.

Keywords: *Ionic capitals, statistical analysis, architecture of Bosphorus.*

УДК 9:904

Н. Л. Кучеревская

Комплекс архитектурных деталей склепа с росписью из некрополя Нимфея: исследование и реставрация

В статье представлены результаты исследований и реставрации комплекса архитектурных деталей античного склепа IV–III вв. до н.э., открытого в результате раскопок на территории Нимфейского некрополя в 2008 г. Анализ росписи на деталях, использованных вторично в строительстве склепа, дополняет представление об уровне погребальной архитектуры Боспора.

Ключевые слова: *склеп, архитектура, камень, роспись, реставрация, консервация*

Введение. Археологические находки предметов изобразительного искусства представляют собой уникальное явление для Боспора. Поэтому каждая находка, содержащая роспись или элементы раскраски, неизменно привлекает внимание исследователей и вводится в научный оборот.

Публикация каждого памятника требует проведения подготовительной реставрационной обработки. Так была опубликована считавшаяся утраченной сюжетная роспись стелы с изображением воина, совершающего ритуальное возлияние [4, с. 254–256; 5, с. 196–201].

Значительно чаще поступают на хранение в лапидарий Восточно-

Крымского историко-культурного музея-заповедника архитектурные детали с элементами росписи и стелы, сохранившие остатки пигмента, которым были окрашены буквы надписи или выделялись некоторые детали декора [6, с. 231–246]. Сравнительно недавно (2008 г.) обнаружение склепа, в конструкцию которого оказались включены детали с росписью, стало темой публикаций археологов [2, с. 206–219; 3, с. 63–68]. Однако, результаты проведённых в процессе реставрации лабораторных исследований в значительной мере дополняют наши представления о погребальной архитектуре античного Боспора.

Изложение основного материала.

В В 2009 г. в лапидарную коллекцию Керченского историко-культурного заповедника поступил комплекс архитектурных деталей склепа, состоящий из 70 единиц хранения. Склеп открыт в декабре 2008 г. в результате разведывательных раскопок А. Л. Ермолина недалеко от с. Челядиново Ленинского района, на участке могильника, входившего в некрополь Нимфея. Некрополь был сильно повреждён грабительскими раскопами, нарушившими несколько погребений участка, в том числе курган, содержащий склеп, сложенный из архитектурных деталей с полихромной росписью.

Склеп относится к распространённому на Боспоре типу уступчатых склепов (илл. 1). Склеп, ориентированный по линии северо-запад — юго-восток и впущенный в котлован глубиной 3,30 м от вершины кургана, состоял из дромоса и погребальной камеры. Длина всего погребального сооружения составляла 4,44 м, ширина — 1,840 м, высота — 2,365 м. Стенки входной ямы, дромоса и стен камеры были сложены без раствора из каменных блоков разного размера, небольших обломков плит и целых архитектурных деталей. Пространство между стенами и земляным котлованом заполнено грунтом и мелкими камнями в виде обломков и небольших сколов от карнизов сооружения, с включениями керамики.

Стены дромоса, перекрытого уступчатым сводом, были составлены из цельных плит, поставленных на ребро. Их лицевая поверхность и боковые грани гладко отшлифованы, обратная сторона обработана суммарно. Земляное дно дромоса отделено со стороны входной ямы цельной плитой, со стороны погребальной камеры — двумя горизонтально уложенными карнизами с полихромным орнаментом.

Вход из дромоса в склеп был обрамлён двумя слегка наклонёнными к центру пилястрами из мраморовидного известняка, с рельефными базами и монолитными дорическими капителями с росписью (илл. 2).

Рис. 1. Склеп, открытый в 2008 г. на участке Нимфейского некрополя. Ленинский р-н, декабрь, 2008 г.

Съёмка Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолина, Р. Г. Синенко. НА ВКИКМЗ. Оп. 2, ед. хр. 1953.

Капители имеют три фасада (илл. 3). Профилировка состоит из абакки (h 2 см) с венчающей плитой, выкружки, выпуклого эхина (h 2 см), гранёного ремешка (h 0,8 см), отделённого выкружками

Рис. 2. Оформление входа из дромоса в склеп двумя пилястрами с рельефными базами и монолитными дорическими капителями с росписью. Ленинский р-н, декабрь, 2008 г.

Съёмка Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолина, Р. Г. Синенко. НА ВКИКМЗ. Оп. 2, ед. хр. 1953.

Рис. 3. Капители пилястр. Ленинский р-н, декабрь, 2008 г. Съёмка Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолина, Р. Г. Синенко. НА ВКИКМЗ. Оп. 2, ед. хр. 1953

от эхина и высокой плоской шейки капители. На поверхности капителей сохранилась (с значительными утратами) полихромная роспись. На венчающей плите красной и белой красками нанесён меандр; на абакке — фриз ионийского киматия, на ремешке — «плетёнка» в виде диагонально наклонённых красных полос.

Шейка капители декорирована тремя 10-лепесковыми розетками с красными сердцевинами и тёмно-коричневыми (местами чёрными) круглыми лепестками. На стволе, под шейкой над врезанной линией разметки нанесена красная горизонтальная полоса (h 1 см). На левом боковом фасаде капители на две трети продолжается профили-

ровка и аналогичная капители роспись, только на шейке поместились 2 розетки. Роспись выполнена на лицевых фасадах обеих капителей. На одной капители левый боковой фасад содержит роспись (с внутренней стороны входного проёма), а правый боковой фасад — не раскрашен. На боковой грани правой пилястры боковой фасад профилирован на две трети, далее срезан под углом 90° , образуя прямоугольную выемку (8 x 10,2 см, глубиной 2,5–4,5 см) для вставки распорной плиты. На верхней плоскости этой пилястры вырезан также Г-образный технологический паз (9 x 6 см, глубиной 1,5–3 см), вокруг него — следы инструмента (тройки). По периметру венчающей плиты сохранились остатки тонкого, серовато-белого слоя известковой обмазки.

Тыльные фасады пилястр не проработаны. Нижние основания стволы оформлены профилированными базами, профилировка состоит из плавно переходящей из ствола в базу узкой полочки (h 0,5 см), полуваля (h 2,5 см) и гладкой отвесной полки (h 4 см). Нижнее основание базы пилястры гладко отёсано, сохранились остатки шлифовки.

На капителях лежали свинцовые пластины неправильной формы, для крепления конструкций (илл. 4). В основании пилястров покоились плиты карниза со следами раскраски на лицевой

Рис. 4. Свинцовые пластины для крепления конструкций. Ленинский р-н, декабрь, 2008 г. Съёмка Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолина, Р. Г. Синенко. НА ВКИКМЗ. Оп. 2, ед. хр. 1953

поверхности. Они деформировались от нагрузки строительных конструкций склепа, в результате чего образовались поперечные трещины. В результате демонтажа плиты оказались расколотыми на четыре части.

Погребальная камера (2,89 x 1,84 м, высота 2,70 м) была перекрыта с двух сторон уступчатым сводом, состоящим из трёх уступов, четвёртая плита замыкала свод. Уступчатое перекрытие составлено из профилированных карнизных плит.

Выносные карнизы (во вторичном использовании — плиты перекрытия и обкладка стен склепа) имеют четко прорисованные обломы. Выполнены они из прочного, плотного, мелкопористого известняка белого цвета местных пород. Глубина выноса профилировки 18 см. Выносная поверхность декорирована рельефным анфемием с живописным изображением лесбийского киматия, выполненным красной, голубой и белой красками. Переход от нижней плоскости к слезнику решен при помощи вертикального профиля, переход оформлен выкружкой. Лицевые поверхности карнизов декорированы антефиксами (центральным и двумя боковыми, вытесанными наполовину), выступающие части которых при укладке были оббиты или стёсаны. На поверхности антефиксов кое-где сохранились изображения пальметт, нанесённые красной краской. На лицевой поверхности помещён фриз мандра. Верхняя плоскость с тыльной стороны окантована полочкой шириной 1,2–2,0 см с отвесными краями. Полочка, заканчивающаяся по бокам скошенными прямоугольными выемками, имеет продолжение в виде трёх выступов — центрального и двух боковых — со скошенными гранями (размеры цен-

трального выступа: высота 2 см, длина 25,5–25 см, ширина 11–7 см). Боковые выступы, ровно срезанные в тыльной части, имеют скошенную верхнюю плоскость и отвесные боковые грани; их размеры: высота 2 см, длина 19,5 см, ширина 7 см. Переход от выносной (нижней) плоскости к тыльной грани скошенный (илл. 5).

Роспись на деталях располагалась с внешней стороны склепа, находившейся в земле. Плиты уложены не плотно, пространство между ними заполнено утрамбованной смесью из толчёного камня и известнякового бута. В нижней части стены склепа были сложены из вертикально стоящих каменных плит, установленных на горизонтально лежащие плоские известняковые блоки.

Склеп оказался разграбленным ещё в древности. Судя по имеющимся в плитах и не использованным в кладке склепа пазам для крепления, сделан вывод о вторичном использовании в строительстве склепа первых веков н. э. деталей, принадлежавших общественному (храмовому?) сооружению, датированному IV в. до н. э. Эту дату подтверждают стилистические особенности архитектурных обломов архитектурных деталей.

Аварийное состояние погребального сооружения послужило основанием для его демонтажа. Наблюдалась заметная деформация свода и плит, уложенных в основании обрамлявших вход в погребальную камеру пилястр. Наличие элементов росписи на архитектурных де-

Рис. 5. Выносные профилированные карнизы с элементами росписи. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеревской. Архив отдела «Лapidарий»

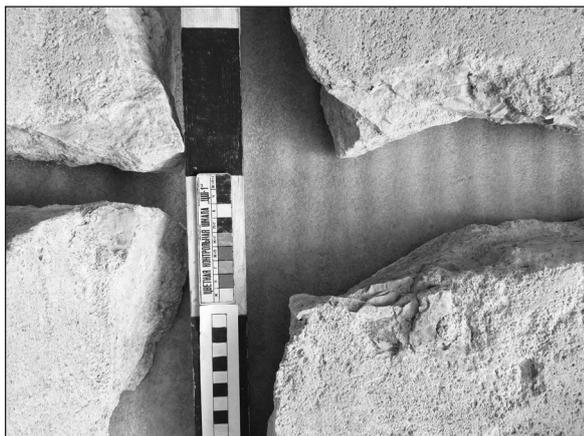

Рис. 6. Следы древнего ремонта карнизной плиты. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеровской. Архив отдела «Лапидарий».

талях побудило археологов полностью разобрать склеп, вплоть до плит основания, и переместить его в Лапидарий для постоянного хранения, реставрации и последующего экспонирования. Работы по демонтажу и перемещению комплекса строительных деталей выполнены под руководством начальника Восточно-Крымской российско-украинской экспедиции ИА НАН Украины Н. А. Гаврилюк и руководителя Джургу-Обинского отряда Крымского филиала Института археологии А. Л. Ермолина [7]. Топографическая съёмка местности выполнена сотрудником КФ ИА НАНУ В. Семёновым. Ведение полевой документации осуществлялось Н. А. Гаврилюк и А. Л. Ермолиным. Графическая фиксация слоёв и объектов исследования выполнена Р. Г. Синенко, А. Л. Ермолиным, С. А. Ермолиным, фотофиксация — Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолиным, Р. Г. Синенко. Камеральная обработка археологического материала сделана Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолиным и С. А. Ермолиным. Компьютерная обработка материала и вёрстка отчета выполнена Н. А. Гаврилюк, А. Л. Ермолиным, С. А. Ермолиным, Р. Г. Синенко. Автор чертежей археологического материала Р. Г. Синенко [2, с. 206–219; 3, с. 63–68].

По окончании мероприятий по консервации строительного котлована склепа архитектурные детали, использованные при строительстве склепа,

сданы в фонды КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» (ныне — ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»).

Комплекс архитектурных деталей состоит из 70 предметов, из них 32 детали составляют блоки перекрытия, 11 блоков стен, 2 пилястры входного портала, 16 карнизных плит, 4 плиты с профилировкой, а также развалы фрагментов стен, плит и карнизов.

Перед разборкой все детали склепа были пронумерованы, каждый этап демонтажа зафиксиро-

ван. Пилястры снимались вручную, минерализованные свинцовые скрепы в виде лежавших на капителях пластин в процессе демонтажа почти полностью утрачены. На боковой грани одной из пилястр обнаружено прямоугольное глубокое отверстие, сделанное, видимо, при вторичном использовании как паз для крепления с сопредельными деталями. На незашлифованных поверхностях столбов прослеживаются следы технологической обработки инструментами (шпунтом, троянкой).

Одна из карнизных плит, служившая опорой пилястры, была разломана на 4 части при строительстве склепа, фрагменты были скреплены между собой глиной (илл. 6). Химический состав глины определил рентгенофлуоресцентный анализ, показавший процентное соотношение алюминия (63,46%) и кремния (36,54%), образовавших природный алюмосиликат — не растворимый в воде, прочный глинистый минерал.

Проведение лабораторных исследований обусловлено требованиями к определению допустимых методов расчистки, составлению программы реставрации. Исследования под микроскопом выявили окрашенные участки поверхностей капителей пилястр. Остатки красочного слоя имелись также на известняковых карнизных плитах, использованных в основании пилястр, обкладке стен и перекрытии склепа.

Обследование в ультрафиолетовом излучении для выявления утраченных элементов росписи показало наличие следов позолоты в сердцевинах ов ионийского киматия и на фоне вокруг розетт в виде растушёванного ореола на капители одной из пилястр (илл. 7).

Рис. 7. Результат обследования в ультрафиолетовом излучении росписи капители одной из пилястр. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеровской. Архив отдела «Лапидарий»

Использование древнегреческими скульпторами классического периода и в римское время позолоты в раскраске статуй — явление широко известное, однако в декоре архитектурных сооружений Древней Греции такой приём применялся довольно редко. Упоминаются случаи введения позолоты в раскраску фона фронтовых композиций для выделения отдельных деталей в V в. до н. э. [1, с. 115]. Например, фронтон храма Зевса в Олимпии обрамляли по бокам золочёные треножники, а центральным акротерием служила позолоченная статуя летящей Ники [1, с. 128]. Присутствовала позолота и в росписях капителей в виде узких полосок, оттеняющих основные тона раскраски [1, с. 156]. Золочёными были элементы орнаментированного декора наружных частей Эрехтейона [1, с. 172–173].

Экспресс-анализ на содержание водорастворимых солей показал наличие ионов хлора и сульфатов в известняке, из которого изготовлены все архитектурные детали (за исключением пилястр), порой концентрация солей в камне была критической. Как ни странно, но в толще камня монументальных стеновых блоков, вырубленных из грубо обработанного, крупнокаверзного, рыхлого известняка, количественное содержание солей не превышает допустимой нормы (до 3%).

Перспективы хранения и экспонирования комплекса архитектурных деталей потребовали разработки комплекса реставрационных и консервационных мероприятий. В течение ряда лет проводились превентивные меры, направленные на сохранение остатков красочных слоёв росписи. При поступлении в Лапидарий, после сухой расчистки от почвенных и пылегрязевых наслоений, участки поверхности деталей с росписью закреплялись пропиткой раствором поливинилбутирала (илл. 8). Растворами этого полимера разной концентрации выполнено укрепление известковой обмазки на верхних поверхностях пилястр, осыпающихся участков поверхности и остатков корродированного металла в пазах карнизных плит (илл. 9), остатки известкового строительного раствора, сохранившиеся частично на боковых гранях стеновых блоков.

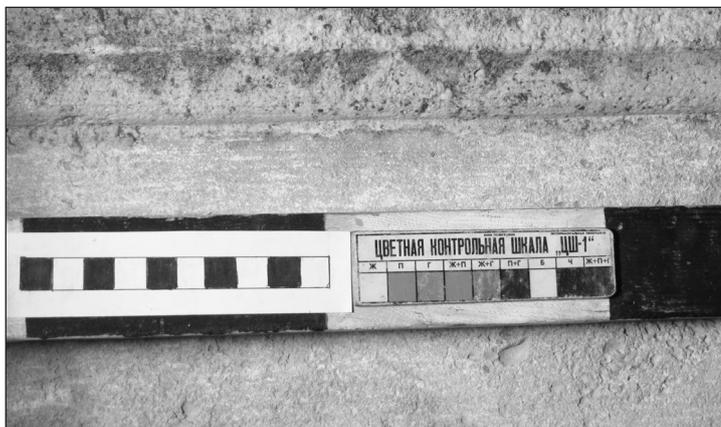

Рис. 8. Укрепление красочного слоя. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеровской. Архив отдела «Лапидарий»

Рис. 9. Закрепление остатков корродированного металла в пазах карнизных плит. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеревской. Архив отдела «Лапидарий».

Для удаления устойчивых поверхностных загрязнений и корковых наслоений биообразователей при расчистке использовались методы водной промывки с ПАВ, обработка паром. Расчистка паром чередовалась с удалением водорастворимых солей из камня компрессами фильтровальной бумаги, насыщенной дистиллированной водой (илл. 10), периодически заменяемых, до полного выведения хлоридов и сульфатов.

Осуществлена склейка фрагментов полиэфирным клеем-мастикой, вы-

полнено восполнение утрат пластичным составом на основе известь-теста, песка и белого цемента с добавлением пигментов (илл. 11). Швы склейки замастикованы камнезаменителем.

Выводы. Результаты исследований позволяют сделать вывод о высоком уровне строительного искусства и архитектуры в городах Боспора. Наиболее вероятным представляется, что в сооружении склепа на Нимфейском некрополе были использованы детали

здания, специально привезённые из Пантикапея — столичного города с наиболее презентабельной архитектурой — к месту погребения неизвестного нам, но, очевидно, весьма состоятельного и знатного боспорца.

Перемещение всей каменной конструкции в Лапидарий стало вынужденной мерой, направленной на сохранение памятника в стационарных условиях и его реконструкции. Группа деталей с росписью станет составной частью постоянной экспозиции «Архитектура Бо-

Рис. 10. Удаление водорастворимых солей. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеревской. Архив отдела «Лапидарий».

спора» в помещении Лапидария, после разработки и реализации инженерно-конструкторского проекта. На основании разработанной автором программы «Музейный комплекс "Лапидарий"», группа конструктивных деталей склепа ляжет в основу макета-реконструкции, характеризующей один из типов памятников погребальной архитектуры античного Боспора.

Процесс реставрации всего комплекса архитектурных деталей склепа окончательно не завершён, работы продолжают. Однако, уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что этот уникальный памятник представляет собой полный набор аутентичных деталей погребального сооружения, неопределимого в качестве документального источника, подтверждающего высокий уровень художественной культуры античного Боспора, и, наконец, интересен как экспозиционный объект.

Рис. 11. Карнизная плита после реставрации. Керчь, декабрь, 2015 г. Съёмка Н. Л. Кучеровской. Архив отдела «Лапидарий».

1. Архитектура античного мира (Греция и Рим) // Всеобщая история архитектуры в 12 т. / Под ред. В. Ф. Маркузона, Б. П. Михайлова. Т. 2. Кн. 1. М., 1973. 712 с., ил.
2. Ермолин А. Л. Десять лет работы Керченской охранно-археологической экспедиции // Фортеця. Львів, 2009. Кн. 1. С. 206–219.
3. Ермолин А. Л. К 10-летию работы Керченской охранно-археологической экспедиции // SYMBOLA. М.–К., 2010. С. 63–68.
4. Кучеровская Н. Л. Актуальные проблемы консервации расписных надгробий из лапидарной коллекции КРУ «КИКЗ» // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 254–256.
5. Федосеев Н. Ф., Кучеровская Н. Л. Расписная стела с воином из собрания Керченского лапидария (КЛ-1297) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 196–201.
6. Кучеровская Н. Л. Реставрационная деятельность в Керченском лапидарии // Искусствознание. Археология. Реставрация. Вып. I. М., 2017. С. 231–246.
7. Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 2, ед. хр. 1953.

The article presents the results of research and restoration of the complex architectural details of ancient tomb IV-III centuries BC, opened as a result of excavations in the necropolis of Nymphaeum in 2008. The analysis of the painting on the parts used in the construction of a second crypt, complements an idea of the funerary architecture of the Bosphorus.

Keywords: *the crypt, architecture, stone, painting, restoration, conservation*

УДК 902.2

В. В. Майко, С. Б. Ланцов

Археология Керченского полуострова в работах сотрудников Института археологии Крыма в начале XXI века

В статье рассматривается история изучения археологических памятников Керченского полуострова, проводившихся сотрудниками Института археологии Крыма в начале XXI века. Хронологические рамки работы обусловлены тем, что с начала 2000-х гг. на территории Боспора активно работало сразу несколько экспедиций Института. Некоторые из них продолжают свою работу и сейчас. Открыты десятки новых археологических памятников, на некоторых из них проведены стационарные исследования.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Институт археологии Крыма, разведки, раскопки, публикации.

Археологическая уникальность и значимость Керченского полуострова способствовали тому, что еще с начала XX в. и до сегодняшнего дня его раскопками занимались в основном крупнейшие научные учреждения Москвы и С.-Петербурга. До рубежа XX и XXI вв. Институт археологии Крыма проводил здесь только эпизодические работы¹. Исключение, правда, составляют работы В. К. Голенко на городище Опук и памятниках его окрестностей. Перейдя в 1996 г. на работу в Институт и

создав южно-боспорскую экспедицию, ученый вплоть до своей безвременной кончины в 2008 г. успел проделать огромную работу. Было доказано, что Киммерик возник на рубеже VI — V вв. до н. э. Результаты исследований автор успел обобщить в монографии [17, 408 с.]. Помимо этого в ходе археологических разведок было выявлено более 40 новых археологических объектов от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья, а также множество разрушаемых или уже разрушенных

¹ Среди них можно назвать охранные раскопки 1957 и 1958 гг. М. А. Фронджуло и Е. В. Веймарна на церкви Иоанна Предтечи, разрезы 1984 г. Узунларского вала Северо-Крымской экспедицией под руководством В. А. Колотухина и работы А. Е. Кислого на поселениях выделенной им Каменской культуры эпохи бронзы.

объектов Нового времени [15, с. 144-155; 16, с. 39-44; 18, с. 41-50]. Активное участие в этих разведках принимал и А. В. Гаврилов [13, с. 88-104]. Совместно с географами В. К. Голенко изучалась и природа Керченского полуострова [19, с. 122-142].

С 2011 г. работы по изучению городища на горе Опук возглавила В. И. Мордвинцева. После проведения археологических разведок, участие в которых принимали В. В. Бейлин и А. В. Куликов, в 2012-2014 гг. исследования были сосредоточены на участке, примыкающем к западному углу северной башни цитадели [57, с. 93-94; 58, с. 79-80]. Проводились исследования западной стены цитадели, района южной башни восточного склона горы Опук [59, с. 257-271]. В центральной части плато к западу от цитадели раскапывалось помещение, датированное III — началом IV вв. н. э.

В 1999 г. Южно-Боспорская экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством С. Б. Ланцова провела небольшие охранные раскопки на участке т. н. Узунларского вала и рва. Здесь впервые удалось обнаружить керамические находки позднеантичного времени и датировать этим временем капитальную реконструкцию вала и рва [48, с. 177-181; 49, с. 108-111]. Помимо этого вблизи исследованного участка вала недалеко от сёл Горностаевка и Ново-Николаевка Ленинского р-на обнаружено коллективное погребение в катакомбе IV в. до н. э. и обследованы три сельских поселения, возникших в первой половине — середине IV в. до н. э.

В 2002 и 2005 гг. охранные раскопки Узунларского вала и рва в нескольких километрах к югу от раскопок 1999 г. были проведены С. Г. Колтуховым. В ходе этих работ были исследованы сам вал, берма и трапециевидный в профиле ров с плоским дном, сравнительно покатым эскарпом и крутым контрэскарпом. Стратиграфически было выделено два (возможно и три) строительных периода. Самый ранний из них на основании археологического материала

был датирован IV — первыми десятилетиями III вв. до н. э. [45, с. 176-183; 46, с. 340-347].

Важнейшим событием в изучении памятников Керченского полуострова стало создание в 2001 г. Керченской экспедиции нашего Института под руководством А. Л. Ермолина. За период ее работы с 2001 по 2009 гг. была проделана большая работа по изучению восточно-крымских памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [26, с. 206-220; 28, с. 768-774; 12, с. 39-51]. Были нанесены на современную топооснову и заординированы археологические объекты, выявленные керченским краеведом В. В. Веселовым в 50-60-х гг. XX века. Исследовался позднеантичный (катакомбный) некрополь Пантикапея, выявлен участок некрополя римского времени городища Октябрьское, на некрополе исследован склеп с уступчатым перекрытием первых веков н. э. [20, с. 171-183; 22, с. 106-126; 23, с. 167-171]. В результате охранных археологических раскопок на территории Пантикапея-Боспора были найдены остатки керамической мастерской короппласта [21, с. 101-105] и остатки мастерской по производству амфор на южном склоне горы Митридат. В районе Керченского музея исследовался раннесредневековый некрополь (до сер. VII в. н. э.).

С 2000 г. проводились раскопки позднеантичного участка некрополя Китея «Джург-Оба», которые дали целый ряд уникальных образцов позднеантичного ювелирного искусства [24, с. 70-77; 25, с. 166-178]. В 2004 г. в ходе охранных работ была исследована часть некрополя Тиритаки. Удалось картографировать 12 каменных склепов IV в. до н. э. Автором было высказано предположение о наличии здесь и грунтового могильника.

Огромное внимание уделялось исследованию участков земляных оборонительных укреплений античного и позднеантичного времени [27, с. 130-161]. Исследователем был раскопан ряд курганов [29, с. 51-72]. Безусловно, не-

которые высказанные ученым гипотезы носят спорный характер и нуждаются в дальнейшей аргументации, но все они опираются на археологический материал, полученный самим автором.

В 2000 г. для изучения некрополя Пантикапея-Боспора под общим руководством В. Л. Мыца был создан Керченский отряд Горно-Крымской экспедиции. Руководил отрядом А. В. Лысенко, в его состав входил и В. Ю. Юрочкин. Работы проводились совместно с Керченским заповедником и Российским обществом спелеологии. Работы проводились на протяжении 2000-2002 гг. В ходе работ было картографировано 166 грунтовых склепов. Все они были разделены на три морфологических типа сопоставленных с выделенными четырьмя хронологическими этапами существования некрополя. Первый период был датирован в рамках последней четверти III-IV вв.; второй — IV в. в целом; третий — последней четвертью IV — первой половиной V вв.; четвертый — второй половиной V — первой половиной VI вв. [50, с. 94-167; 60, с. 174-180].

С 2005 г. совместное изучение некрополя античного городища Белинское начала экспедиция Тульского Университета под руководством В. Г. Зубарева и нашего Института под руководством С. Б. Ланцова. Эти работы, активно продолжавшиеся до настоящего времени, нашли отражение в ряде публикаций [30, с. 316-339; 31, с. 140-144; 32, с. 144-150; 33, с. 189-196].

Стоит отметить, что сотрудники нашего Института совместно с тульскими коллегами принимали участие в обработке и публикации материалов раскопок этого уникального городища и позднееримского [34, с. 86-106; 71, с. 454-473] и средневекового [52, с. 320-329; 53, с. 98-104] времени.

Изучением памятников эпохи бронзы на территории Керченского полуострова активно занимается А. Е. Кислый. Его экспедиция одна из старейших в нашем учреждении. Именно на материалах этих объектов исследователем была выделена

Каменская археологическая культура, названная по эпонимному поселению у с. Каменка. В последние годы активное изучение памятников этой культуры, и, прежде всего, поселения Глейки II, продолжается. Ученым анализируется планиграфия, способы и особенности ведения хозяйства населения, возможные направления его этнокультурных связей с ближними и дальними территориями [35, с. 222-234; 36, с. 259-275; 37, с. 189-208; 38, с. 200-219; 39, с. 30-44; 40, с. 269-288; 41, с. 54-55; 42, с. 42-43].

Необходимо вспомнить, что эпизодически сотрудниками Института В. А. Колотухиным и С. Г. Колтуховым в рамках работы Крымской Комплексной экспедиции изучались и скифские курганные древности этой части полуострова в районах сел Астанино и Ильичево [43, с. 213-224; 44, с. 328-353]. Эта же экспедиция в 2009 г. провела охранные работы на строительной площадке завода «Альтцем» [47, с. 203-205].

С 2009 г. основной объем работ Института на территории Керченского полуострова проводит Д. В. Бейлин. В 2009-2011 гг. он возглавлял Керченский отряд Крымской комплексной археологической экспедиции, проводившей археологические разведки на территории Глазовского, Войковского и Багеровского сельских советов Ленинского района АР Крым [1, с. 365-371; 2, с. 270-276; 5, с. 334-348; 62, с. 325-341]. В 2010 г. были изучены курганные группы Осовины-западная 1 и на юг от Темир-горы. В районе Темир-горы, помимо этого, были открыты поселения IV-III вв. до н. э., проанализирована система поселений I в. до н. э. — I в. н. э. и эпохи бронзы в районе с. Бондаренково [3, с. 32]. В 2011 г. ученый произвел раскопки указанного поселения [6, с. 34-42]. Он принимал участие в археологических исследованиях крепости Ени-Кале под руководством А. В. Куликова и был соавтором отчета по итогам исследований. Работы производились у т. н. Черноморских ворот. В 2014-2016 гг. руководил полевыми разведочными работами по трассе

энергомоста, участвовал в полевых исследованиях и разработке археологического раздела для проекта мостового транспортного перехода через Керченский пролив, руководил разведочными работами по трассам авто- и железнодорожных подходов к строящемуся Керченскому мосту, археологическими исследованиями в зоне строительства мостового перехода, археологическими исследованиями для реконструкции трассы водоводов в Ленинском районе Республики Крым, раскопками скифских погребальных сооружений на территории города Щёлкино. За все время археологических исследований Д. В. Бейлиным было выявлено, картографировано и координировано более 400 объектов археологии, среди которых поселения, могильники, курганы и другие археологические объекты от эпохи бронзы до позднего средневековья [4, с. 126-130; 61, с. 300-343].

В 2016 г. А. В. Гаврилову в ходе охранных работ по трассе магистрального газопровода удалось сделать разрез Акмонайского рва и вала и получить новые интересные данные для его датировки [14, с. 122-142].

С 2015 г. в состав Института вернулся известный ученый Н. Ф. Федосеев, основное творчество которого посвящено изучению древнегреческой керамической эпиграфики, а также истории и археологии Боспора. За последние два года он продолжил изучение и осмысление погребений некрополей Пантикапея и Нимфея [7, с. 135-140; 64, с. 509-517; 67, с. 483-490], уделял внимание картографированию и локализации расписных склепов Пантикапея [65, с. 114-122], продолжал анализировать боспорское клеймение [68, с. 248-259], обработал громадную коллекцию гераклейских клейм с Боспора, хранящихся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике [69, 319 с.], обращался и к истории изучения Храма Иоанна Предтечи в Керчи [66, с. 260-273].

Важнейшим направлением изучения археологии и истории Керченского полуострова является анализ материа-

лов исследований наших коллег и совместные их публикации. В этой связи необходимо упомянуть целый ряд работ С. Г. Бочарова, посвященных реконструкции исторической топографии, фортификации и основных этапов истории гегуэзской фактории Воспоро [8, с. 342-348; 10, с. 126-145] и входивших в состав одноименного консульства сельских поселений [9, с. 37-40; 11, с. 88-103].

В. В. Майко, проанализировав все известные материалы раскопок Боспора средневизантийского времени, сделал вывод о том, что материальная культура города, во второй половине X — первой четверти XIII вв. представляла один из вариантов провинциально-византийской культуры с определенным влиянием северокавказских культурных элементов [51, 467 с.].

Совместно с керченскими коллегами В. В. Кропотовым проанализирован комплекс позднеэллинистического времени из городища Парфений [63, с. 160-166], В. В. Масыкиным — римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора [56, с. 166-174], В. В. Майко — особенности погребального обряда Боспора второй половины X-XII вв. [54, с. 236-239] и уникальная для позднесредневекового Боспора баня XIV-XV вв. [55, с. 304-308].

В ряде работ, посвященных проблематике Боспора эпохи Великого переселения народов, В. Ю. Юрочкин доказывает, что Боспор в III-IV вв. оставался для варварского мира важным центром, мостом, соединяющим их с цивилизованным миром, источником Православия и культурных влияний [70, с. 538-542].

Таким образом «Керченская» проблематика Института археологии Крыма, начиная с рубежа XX — XXI столетий и по сегодняшний день, заняла важное место в деятельности нашего коллектива. Небывалая активизация хозяйственного освоения этого региона полуострова делает эти исследования, как никогда, актуальными не только для крымских исследователей, но и для других ведущих археологических организаций России.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования
ВДИ — Вестник древней истории
ДБ — Древности Боспора
ИАК — История и археология Крыма
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
BR — Bosphorus research
ВАН — Bulletin of Ancient History
AB — Antiquities of Bosphorus
НАС — History and Archaeology of the Crimea
PHRC — Problems of History, Philology, Culture

1. Бейлин Д. В. Некрополь на горе Хрони // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола 22 — 25 ноября 2016 г. — СПб, 2016. — С. 365 — 371.
2. Бейлин Д. В., Бейлина С. А. Образ всадника в коропластике Боспора во II–III вв. н. э. // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. — СПб, 2009. — С. 270–276.
3. Бейлин Д. В., Бейлина С. А., Куликов А. В. Розвідки в північно-східній частині Керченського півострова // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. — Київ-Полтава, 2011. — С. 32.
4. Бейлин Д. В., Пигин А. П., Рак И. Е. Топографо-геодезические работы на объектах археологических исследований (на примере сезона 2013 г. на территории крепости Илурат) // Таврійські студії. Історичні науки. — № 6 (2014). — Симферополь, 2014. — С. 126–130.
5. Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) // ИАК. — Т. II. — Симферополь, 2016. — С. 334–348.
6. Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю., Бейлина С. А. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I века до н. э. на поселении Бондаренково III // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. — Вып. XV. — С. 34–42.
7. Белоусов А. В., Федосеев Н. Ф. Новое defixio из античного некрополя Пантикапея // ВДИ. — № 1. — 2016. — С. 135–140.
8. Бочаров С. Г. Крепостные сооружения города Боспора — Воспоро в XIV — XV вв. Реконструкция. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 342–348.
9. Бочаров С. Г. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова — связи с регионом Кубани // Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции. — Краснодар, 2013. — С. 37–40.
10. Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения генуэзской крепости Воспоро // Причерноморье в Средние века. — СПб, 2015. — Вып. 9. — С. 126–145.
11. Бочаров С. Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская Археология. — Казань, 2016. — № 4. — С. 88–103.
12. Вдовиченко И. И., Ермолин А. Л. Краснофигурная аттическая керамика из охранных раскопок Пантикапея // ДБ. — Т. 8. — М., 2005. — С. 39–51.
13. Гаврилов А. В. Результаты обследования следов размежевки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове // ДБ. — Т. 14. — М., 2010. — С. 88–104.
14. Гаврилов А. В. Акмонайский ров // ДБ. — Т. 20. — М., 2016. — С. 122–142.
15. Гаврилов А. В., Голенко В. К., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г. Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. — Т. 10. — М., 2006. — С. 144–155.
16. Голенко В. К. Еще раз о локализации вала Асандра // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. — Киев-Судак, 2004. — Ч. I. — С. 39–44.
17. Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. — Симферополь, 2007. — 408 с.
18. Голенко В. К. Киммерийские Диоскуры: к проблеме существования двух Киммериков на Боспоре // «Херсонесский колокол». — Симферополь, 2008. — С. 41–50.
19. Голенко В. К., Клюкин А. А. Актуальные проблемы исторической географии черноморского побережья Керченского полуострова // ДБ. — Т. 8. — М., 2005. — С. 122–142.
20. Ермолин А. Л. Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (Второй Змеиный курган) // ДБ. — Т. 8. — М., 2005. — С. 171–183.
21. Ермолин А. Л. Мастерская коропластики II в. н. э. в Пантикапее // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. — СПб., 2007. — С. 101–105.
22. Ермолин А. Л. Склепы с уступчатым перекрытием первых веков н. э. на Боспоре // ДБ. — Т. 11. — М., 2007. — С. 106–126.

-
23. Ермолин А. Л., Ермолин С. А. Уступчатый склеп I в. н. э., построенный из архитектурных деталей эллинистического храма // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. — СПб., 2009. — С. 167-171.
24. Ермолин А. Л. Кроваво-золотой стиль «клуазоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. — СПб., 2009. — С. 70-77.
25. Ермолин А. Л. Исследования некрополя Джурга-Оба на Керченском полуострове // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. — Симферополь, 2009. — С. 166-178.
26. Ермолин А. Л. Десять лет работы Керченской охранно-археологической экспедиции // Фортеця. Збірник заповідника «Густань». — Львів, 2009. — С. 206-220.
27. Ермолин А. Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. — Т. 14. — М., 2010. — С. 130-161.
28. Ермолин А. Л. Итоги работы Керченской охранно-археологической экспедиции за 2000-2008 гг. (по материалам разведок) // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 768-774.
29. Ермолин А. Л., Юрочкин В. Ю. «Склеп Савага» на Европейском Боспоре // «Херсонесский колокол». — Симферополь, 2008. — С. 51-72.
30. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б. Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. — Т. 10. — М., 2006. — С. 316-339.
31. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б. Первые исследования позднеантичного могильника около Боспорского городища Белинское // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. — Киев-Судак, 2006. — С. 140-144.
32. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б., Минаев О. В. Склепы некрополя городища «Белинское» // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. — СПб., 2007. — С. 144-150.
33. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б., Смекалов С. Л. Новый участок некрополя городища «Белинское» // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова. — СПб., 2014. — С. 189-196.
34. Зубарев В. Г., Шапцев М. С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища Белинское // БИ. — Вып. XXXII. — Керчь, 2016. — С. 86-106.
35. Кислый А. Е. Поселение Глейки II — новые данные о «Боспорском феномене» // ДБ. — Т. 8. — М., 2005. — С. 222-234.
36. Кислый А. Е. Методика палеодемографических расчётов и Акташский курганный могильник скифского времени в Восточном Крыму // ДБ. — Т. 14. — М., 2010. — С. 259-275.
37. Кислый А. Е. Условность и реализм искусства Каменской культуры Восточного Крыма // ДБ. — Т. 15. — М., 2011. — С. 189-208.
38. Кислый А. Е. Планиграфия памятников каменской культуры Восточного Крыма // ДБ. — Т. 16. — М., 2012. — С. 200-219.
39. Кислий О. Є. Поселення каменської культури Східного Криму в районі долини кохання під Керчю: планіграфія, господарство, військова справа // История и археология Крыма. — Вып. I. — Симферополь, 2014. — С. 30-44.
40. Кислый А. Е. О стенах (специальные постройки Каменской культуры Восточного Крыма) // ДБ. — Т. 20. — М., 2016. — С. 269-288.
41. Кислий О. Є., Іслямов Е. М., Кислий М. -О. О. Дослідження Керченської експедиції Кримського філіалу Інституту археології НАН України // Археологічні дослідження в Україні 2012. — Луцьк, 2013. — С. 54-55.
42. Кислий О. Є., Іслямов Е. М., Кислий М. О. Дослідження Керченської експедиції ІА НАН України // Археологічні дослідження в Україні 2013. — К., 2014. — С. 42-43.
43. Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Скифские погребения в Крымском Приазовье (курганы 11-13 у с. Астанино) // ДБ. — Т. 11. — М., 2007. — С. 213-224.
44. Колтухов С. Г., Колотухин В. А. Скифский могильник в глубинной части Керченского полуострова (курганы у с. Ильичево) // БИ. — Вып. XVI. — Симферополь, 2007. — С. 328-353.
45. Колтухов С. Г., Труфанов А. А., Уженцев В. Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского вала // ДБ. — Т. 6. — М., 2003. — С. 176-183.
46. Колтухов С. Г., Ермолин А. Л., Труфанов А. А., Уженцев В. Б. Разрез Узунларского рва и вала близ шоссе Феодосия-Керчь // ДБ. — Т. 10. — М., 2006. — С. 340-347.
47. Колтухов С. Г., Ермолин А. Л., Бейлин Д. В. Археологические исследования на строительной площадке завода «Альтцем» // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. — К., 2010. — С. 203-205.
48. Ланцов С. Б., Голенко В. К. О западной границе Боспора в IV в. н. э. // Боспорский феномен. — СПб., 1999. — С. 177-181.

49. Ланцов С. Б., Голенко В. К., Труфанов А. А., Юрочкин В. Ю. Новые материалы к хронологии оборонительной системы Боспора // Археологічні відкриття в Україні 1998-1999. — Київ, 1999. — С. 108-111.
50. Лысенко А. В., Юрочкин В. Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // «О древностях Южного берега и гор Таврических». — К., 2004. — С. 94-167.
51. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. — К., 2014. — 467 с.
52. Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. — Т. 20. — М., 2016. — С. 320-329.
53. Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. — № 10 (2016). — Симферополь, 2016. — С. 98-104.
54. Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Об одной особенности погребальных сооружений Боспора второй половины X-XI вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. — Керчь, 2011. — С. 236-239.
55. Майко В. В. Средневековые бани Керчи и Солхата. К вопросу о месте в городской инфраструктуре // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. — Керчь, 2012. — Вып. XIII. — С. 304-308.
56. Масыкин В. В. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // Боспорский феномен: население, языки, контакты. — СПб., 2011 г. — С. 166-174.
57. Мордвинцева В. И., Бейлин Д. В., Бейлина С. А., Ермолин С. А., Куликов А. В. Работы на г. Опук в 2011 г. // Археологічні дослідження України 2011. — К., 2012. — С. 93-94.
58. Мордвинцева В. И., Буйских А. В., Ермолин С. А., Ортизи С., Решетникова Н. А., Спивак И. А. Исследования на г. Опук // Археологічні дослідження в Україні 2012. — Київ-Луцьк, 2013. — С. 79-80.
59. Мордвинцева В. И. Оборонительная стена на восточном склоне горы Опук. Новые данные // ДБ. — Т. 18. — М., 2014. — С. 257-271.
60. Мыц В. Л., Лысенко А. В., Юрочкин В. Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора: проблемы и перспективы исследования // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. — СПб., 2001. — С. 174-180.
61. Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII-XX вв.) // ИАК. — Т. 3. — Симферополь, 2016. — С. 300-343.
62. Столяренко П. Г., Бейлин Д. В. Новые данные о поселениях Капканы I и Капканы II в г. Керчи // ДБ. — Т. 18. — М., 2014. — С. 325-341.
63. Столяренко П. Г., Кропотов В. В. Комплекс позднеэллинистического времени из городища Парфений // Таврические студии. — №10. — Симферополь, 2016. — С. 160-166.
64. Федосеев Н. Ф. Катакомба 7 некрополя Нимфея // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. — Керчь, 2016. — С. 509-517.
65. Федосеев Н. Ф., Пигин А. П. Локализация расписных склепов некрополя Пантикапея картографическими методами. // ИАК. — Т. 3. — Симферополь, 2016. — С. 114-122.
66. Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В. В. Вернадского. — Симферополь, 2016. — С. 260-273.
67. Федосеев Н. Ф. Еще раз о пантикапейских агораномах // ДБ. — Т. 20. — М., 2016. — С. 483-490.
68. Федосеев Н. Ф. Еще раз о боспорских клеймах // ПИФК. — 2 (2016). — С. 248-259.
69. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. — Т. II. — Керчь, 2016. — 319 с.
70. Юрочкин В. Ю. Готы на Боспоре: историографические традиции и современные тенденции // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 538-542.
71. Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. — Т. 4. — М., 2001. — С. 454-473.

The article discusses the history of studying of archaeological monuments of the Kerch Peninsula, conducted by the Institute of archaeology of the Crimea in the beginning of twenty-first century. The chronological scope of work due to the fact that since the beginning of 2000-ies on the territory of the Bosphorus is actively working several expeditions of the Institute. Some of them continue their work now. Opened dozens of new archaeological sites, some of them conducted stationary surveys.

Keywords: Kerch Peninsula, Institute of archaeology of Crimea, surveys and excavations, publications.

УДК 528.2/.5, 908

А. М. Михайлов

Актуальные проблемы охраны памятников в Республике Крым в российском законодательном поле

В докладе рассмотрены насущные проблемы землеотведения, охраны, сохранения, использования, исследований объектов культурного наследия федерального и регионального значения на территории республики Крым в свете современных законодательных актов, Российской Федерации. Факты нарушений законов, обнаруженные сотрудниками Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника, рассматриваются на примерах памятников Восточного Крыма в рамках археологических исследований, строительных работ, военно-поисковых экспедиций.

Ключевые слова: охрана памятников, нарушения законов и методики, Керченский полуостров.

На сегодняшний день, услышав фразу «охрана памятников», многие представляют себе камуфлированного «богатыря», преследующего по бескрайним полям «черных археологов», но современный исследователь-историк поймёт, что речь идет о целом комплексе мероприятий, касающихся всех видов объектов культурного наследия, их юридических и технических аспектов.

Основой для работы сферы охраны памятников является федеральный закон №73 [6], а также другие нормативно-правовые акты РФ, которые регулирует все виды работ, проводимых кем-либо на объектах культурного наследия, как учтенных, так и вновь выявленных. К сожалению, нарушения это-

го закона встречаются повсеместно, и Республика Крым тому не исключение, и что самое важное, зачастую его нарушают люди, профессионально занятые в сфере охраны наследия, культуры, истории и археологии. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации большую часть нарушителей приходилось знакомить с ФЗ-73 по месту нарушения, ссылаясь на переходный период. Но сегодня, спустя три года, проблема незаконного использования территорий объектов культурного наследия осталась не решенной. Принятые решения по выделению земельных участков до марта 2014 года до сих пор не пересмотрены, несмотря на неоднократные сообщения археологов о наличии куль-

турного слоя на таких участках. Ярким примером тому являются территории, прилегающие к памятнику федерального значения «Городище Нимфей», застройка исторического центра города в Керчи, Симферополе и Севастополе.

Одной из основных проблем общего характера, является отсутствие принятых Республикой Крым, а конкретнее Государственным комитетом по охране культурного наследия, границ установленных ранее охранных зон для различных категорий памятников, либо охранных зон для вновь выявленных объектов, особенно касательно памятников археологии. В России приняты общие, федеральные, минимальные охранные зоны [3], но каждый субъект федерации обязан разрабатывать и принимать соответствующие документы по определению и размерам охранных зон для различных категорий объектов культурного наследия, относительно специфики памятников региона. При определении охранных зон должны учитываться особенности каждой категории памятников. Общие правила тут не работают, особенно касательно Крыма, где концентрация особых, уникальных памятников археологии зачастую намного выше, чем в других субъектах РФ.

Разновременные столицы Крыма, такие как Пантикапей, Херсонес, Мангуп, Солхат, крупные античные городища Боспора и римские крепости Керченского полуострова, крупные и особенные памятники археологии Тавриды можно перечислять долго. Разработка охранных зон для каждого такого памятника в отдельности потребует, во-первых, огромного количества ресурсов финансовых, людских, а также времени. К сожалению, непринятие надлежащих правовых документов, касающихся единых норм в расчетах охранных зон объектов культурного наследия в Республике Крым, ведет к созданию большого числа коррупционных моментов, связанных с хозяйственным освоением территорий в охранных зонах разнообразных памятников полуострова.

Не учитываются также и сохранение видовых обзорных точек и достопримечательных мест в пределах городской застройки. Инициировать такой про-

цесс сегодня в Крыму возможно, но все прикладываемые усилия остаются тщетными, упираясь в личные экономические интересы чиновников городских и республиканских администраций и органов контроля и учета объектов культурного наследия.

Следующей проблемой является отсутствие единой методики и решения проблемы фактической охраны памятников. В некоторых случаях «черные археологи» настолько изобретательны, что представляются и сотрудниками музеев, и членами поисковых организаций, привозят с собой и используют тяжелую технику, разрушают памятники коллективами по 10-15 человек. Это помимо распространенных случаев с одиночками в полях, использующих металлоискатель и мотоцикл. Обнаружение таких нарушений, чаще всего, происходит случайными местными жителями, сообщающими сотрудникам Керченского музея, либо самими сотрудниками, в ходе проведения плановых объездов памятников. К сожалению, сотрудники отделов охраны памятников, не только Восточно-Крымского заповедника, но и по всей России, не имеют права на принятие решительных и действенных мер по решению данного вида проблем на месте, кроме как «погрозить пальцем» или сообщить в полицию. Реакция правоохранительных органов по таким вопросам настолько нетороплива, что по факту её нет. За исключением недавнего случая в Старом Крыму, где для «показательного выступления» правоохранительных органов либо отдельных их сотрудников, согласно статьи №243 п. 2 УК РФ [4], было отправлено под суд двое молодых людей на 2 и 5 лет тюремного заключения всего за 2 фрагмента средневековой керамики. К сожалению, далеко не все выявленные нами нарушения идут дальше заявлений и актов, отправленных в полицию и прокуратуру.

Ещё одной актуальной проблемой сохранения объектов культурного наследия является несанкционированная застройка различных памятников истории и археологии, в том числе федерального значения. Примеров этому предостаточно, как в Восточном Крыму, так и по всей республике. Корнем проблемы, к

сожалению, является не незнание федерального закона №73, а его осознанное игнорирование. Различные недобросовестные крымские археологи, проводившие работы по согласованиям различных участков земли под частную и государственную застройку, как при украинских законах, так и при российских, скрывали факты обнаружения культурных слоев. Те же археологи отдавали памятники под ковш экскаватора под полное уничтожение, либо под охранные зоны других объектов, оставляя тем самым памятник в недоступности для последующих исследователей. Согласования работ проводились в Государственном комитете по охране культурного наследия по республике Крым на основании материалов, предоставленных археологами. Такие ситуации не раз имели место в Крыму до 2014 года, и, к сожалению, имеют место и сегодня. Сотрудниками Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника и сегодня на памятниках истории и археологии выявляются многочисленные подобные нарушения, в которых контекст и участники не меняются спустя столько лет.

Также проблемой хочется назвать работы военно-поисковых организаций в Крыму. Ни в одном из законов о военно-поисковом деле нет ни слова о земляных работах. Также редкий военно-поисковый отряд отработал и принял к использованию методику проведения работ. На

федеральном уровне подобные методики также отсутствуют, поскольку данный спектр исследований подчинен Министерству обороны, а не Министерству культуры [1]. По факту десятки и сотни поисковиков ежегодно проводят свои работы без единой методики фиксации и учета, сдачи находок, без участия археологов, без согласования мест проведения работ с органами охраны культурного наследия республики Крым. Как известно, места боевых действий не выбирали территорий, лишенных памятников археологии. Объекты археологии были включены в линии обороны противоборствующих сторон. Нет ни одного более или менее высокого кургана, на котором бы не была расположена стрелковая или наблюдательная позиция. По сути в Крыму нет ни пяди земли, которой не коснулись боевые действия Великой Отечественной войны. Вчерашние «черные археологи» сегодня узаконили свои действия, прикрываясь идеей патриотизма и увековечения памяти жертв этой войны.

Сегодня на уровне республики уже ведется работа по внесению изменений в регламентацию военно-поисковой деятельности в отношении территорий и объектов, попадающих в планы поисковиков. Это единственная из вышеперечисленных проблем, на которую удалось обратить внимание чиновников, и начать действия по устранению нарушений в дальнейших исследованиях.

1. Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1.

2. Постановление Правительства Российской Федерации «О государственной программе «Патриотичное воспитание граждан Российской Федерации на 2016 — 2020 годы».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2008 г. N 315 Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

4. Уголовный кодекс РФ. Глава 25. Статья 243. Пункт 1,2.

5. Указ Президента Российской Федерации «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» от 22 января 2006 г. № 37.

6. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. От 09.03.2016).

7. 44 статья Конституции Российской Федерации.

The report examines the urgent problems of land acquisition, protection, conservation, use, research of cultural heritage of Federal and regional importance on the territory of the Republic of Crimea in the light of modern legislative acts of the Russian Federation. Violations of the laws discovered by officers of the East Crimean historical and cultural Museum-reserve, are considered on the examples of monuments of the Eastern Crimea in the framework of archaeological research, construction, and military-search expeditions.

Keywords: monument protection, violations of the laws and techniques, the Kerch Peninsula.

УДК 902.4.034

С. В. Ольховский

Подводные раскопки на объекте археологического наследия «Бухта Ак-Бурун»

В 2017 г. на ОАН «Бухта Ак-Бурун» завершились подводные раскопки участков дна под запроектированными опорами Крымского моста в акватории Керченской бухты. Общая площадь раскопок составила 3500 кв. м, при этом найдено около 53000 археологических находок — в основном фрагменты керамических сосудов V в. до н.э. — XIII в. н.э. В результате исследования площадь ОАН уточнена и ныне оценивается в 75000 кв. м.

Ключевые слова: Керченский пролив, Крымский мост, подводные раскопки, ОАН «Бухта Ак-Бурун».

В 2014 г. Подводный отряд Института археологии РАН приступил к обследованию морского участка проектируемой трассы Крымского моста. В ходе дистанционных исследований и визуальной разведки на дне Керченской бухты было локализовано крупное скопление неокатанных фрагментов античной керамики. При шурфовке дна оказалось, что археологические предметы залегают на глубине до 1 м ниже поверхности дна. Согласно первому предположению, скопление керамики образовалось на дне бухты в результате длительного использования этого участка акватории в качестве якорной стоянки, где при перегрузке товаров поврежденные сосуды

выбрасывали в море. Скопление керамики было паспортизовано в качестве ОАН «Бухта Ак-Бурун», его площадь на основе результатов шурфовки определена как 50000 кв. м.

Так как в границах ОАН «Бухта Ак-Бурун» проектом строительства предусмотрено сооружение опор технологического, автомобильного и железнодорожного мостов, в программу археологических исследований вошли спасательные раскопки на участках дна под будущими опорами. Для обеспечения информативности и достоверности результатов подводных раскопок была разработана методика, позволяющая вести стратиграфические наблюдения

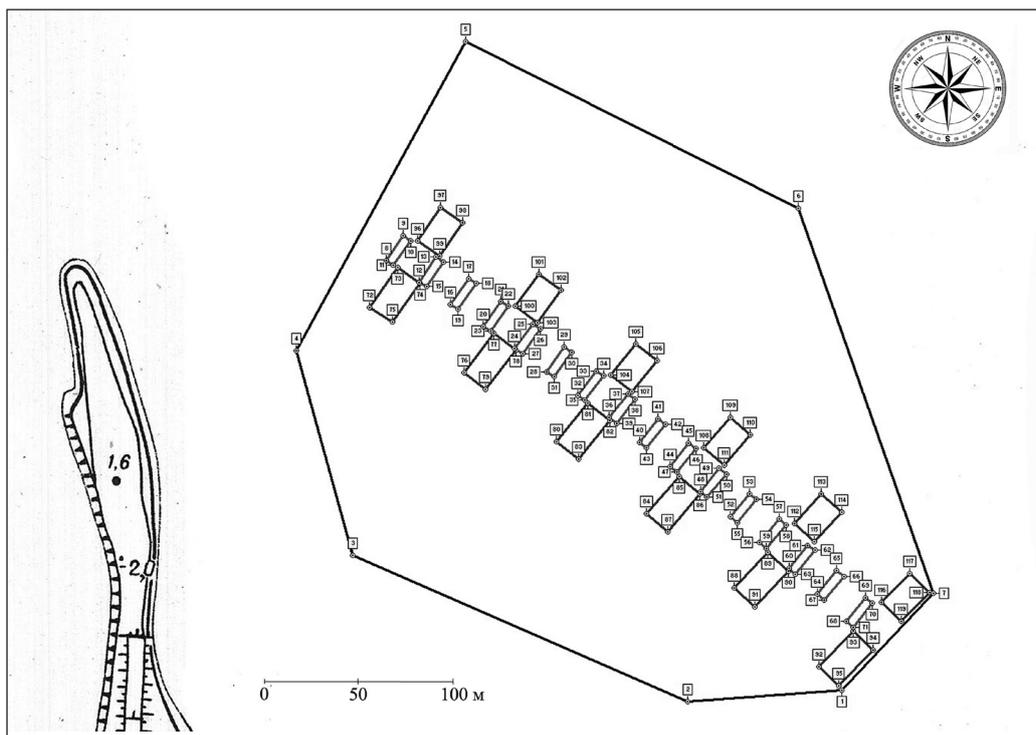

Рис. 1. Акватория Керченской бухты, слева — мористая оконечность Минного пирса Керченской крепости. Уточненный контур границы ОАН «Бухта Ак-Бурун» и раскопов 2015-2017 гг.

и фиксировать трехмерные координаты местоположения находок по сетке квадратов 1x1 м, а также глубину их залегания с точностью до 0,2 м.

В 2015 г. расчищены 16 участков дна под опорами технологического моста, общая площадь раскопов составила 1200 кв. м, максимальная глубина залегания находок — 1,2 м ниже поверхности дна. В ходе раскопок версия об естественном формировании керамического скопления вблизи мыса Ак-Бурун не подтвердилась: выявленная стратиграфия донных отложений показывает, что археологические предметы были перемещены в этот район акватории вместе с значительным объемом донных отложений в результате дноуглубительных работ. Анализ предметов производства XX в., обнаруженных среди археологических находок, позволил определить район их исходного отложения на дне (Генуэзская гавань Керчи), а также период дноуглубительных работ (середина 1970-х гг.).

Изучение более чем 20000 археологических находок сезона 2015 г. по-

зволило определить, что, несмотря на их депаспортизацию в результате перемещения, они продолжают представлять значительный научный интерес. Основная часть находок представлена тарной, кухонной, столовой и строительной керамикой, крышками, светильниками и лутериями, изделиями из кости. Особенностью коллекции является многочисленность археологически целых форм, относящихся к широкому кругу пантикапейского импорта V в. до н. э. — XIII в. н. э. До 70% керамического комплекса составляют амфоры, 80% из них датируются IV-III вв. до н. э. и происходят из региона Эгейского моря, 20% — из южнопонтских центров и Колхиды, амфоры местного производства единичны. Среди столовой керамики преобладает понтийская, аттическая и малоазийская посуда IV-II вв. до н. э. Кухонная керамика выделяется разнообразием кастрюль и крышек. Среди находок почти отсутствуют типичные для местных прибрежных поселений категории — лепная керамика, грузила, терракота, курильницы,

металлические изделия, что объясняется формированием изучаемого комплекса у причала, либо на прибрежной якорной стоянке.

В 2016-2017 гг. в границах ОАН «Бухта Ак-Бурун» выполнены раскопки на участках дна под 12-ю проектируемыми опорами автомобильного и железнодорожного мостов. Учитывая перемешанный характер изучаемого слоя донных отложений, для ускорения расчистки привязку находок стали выполнять по квадратам 5x5 м, а также усовершенствовали применяемый инструментарий.

Общая площадь подводных раскопов 2016-2017 гг. составила 3500 кв. м., при этом извлечено более 53000 находок. Их камеральная обработка продолжается, но уже можно отметить, что соотношение типов и категорий обнаруженной керамики статистически близко массиву находок 2015 г. Максимальная плотность находок составляет до 140 шт. на 1 кв. м дна, глубина их залегания под

поверхностью дна — до 1,3 м. Самой интересной на данный момент находкой с ОАН «Бухта Ак-Бурун» стал крупный фрагмент скульптурной мужской головы в натуральную величину, обнаруженный в 2017 г. при раскопках участка дна под запроектированной опорой железнодорожного моста.

В 2017 г. поверхность дна в районе керамического скопления была планомерно осмотрена с целью уточнения фактических границ объекта. Осмотр показал, что границы скопления следует существенно расширить к северу и югу, в результате чего площадь ОАН «Бухта Ак-Бурун» следует увеличить до 75000 кв. м. Учитывая, что за 2015-2017 гг. раскопаны лишь 4700 кв. м дна, следует полагать, что в слое ила, перекрывающем дно в указанных границах, хранятся сотни тысяч археологических предметов, дающих представление о масштабах морской торговли Пантикапея на протяжении всей его истории.

Список сокращений

ОАН — Объект Археологического наследия
РАН — Российская Академия Наук

1. Ольховский С. В., Степанов А. В. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. // Древности Боспора. Т. 20. С. 355-364. М., 2016.

2. Ольховский С. В., Степанов А. В. Подводные археологические исследования на трассе Керченского моста // Таврические студии. № 10. Симферополь, 2016. С. 133-141.

In 2017 underwater excavations of the bottom sections under the projected abutments of the Crimean Bridge in the water area of the Kerch Bay were completed at the Object of the Archaeological Heritage (OAH) "The Ak-Burun Bay". The total area of the excavation was 3500 square meters, in the mean time about 53,000 archaeological findings — mostly ceramic vessels dated back to the Vth century BC — the XIIIth century AD were discovered. In the result of the examination, the area of the OAH was refined and is now estimated at 75,000 square meters.

Keywords: Kerch Strait, Crimean Bridge, underwater excavations, OAH "The Ak-Burun Bay".

УДК 902.2

*И. В. Рукавишникова,
М. Ю. Меньшиков, Е. В. Переводчикова*

Спасательные работы на сельской усадьбе Боспора (поселение Тасуново, раскопки 2016 г.)

В статье описываются результаты раскопок поселения Тасуново-7 в Восточном Крыму экспедицией ИА РАН. Спасательные работы вдоль трассы проектируемого газопровода проводились летом 2016 г.

Культурный слой памятника общей мощностью около 50 см делится на два слоя: верхний, темный гумусированный в результате пахоты и нижний, коричневый суглинок, в котором были найдены остатки каменных сооружений, в основном, субструкций. О сельскохозяйственном характере поселения свидетельствуют большие ямы, которые могли использоваться для хранения зерна, и находки зерноотерок.

По фрагментам амфор, амфорным клеймам и монетам поселение может быть датировано IV — 1-й половиной III вв. до н.э.

Ключевые слова: античное поселение, IV-III вв. до н.э., каменные постройки, вымостки, амфоры, чернолаковая посуда, Восточный Крым, Боспорское царство.

В мае-июне 2016 г. отрядом Восточно-Крымской археологической экспедиции были предприняты работы на поселении Тасуново-7 в Ленинском районе Республики Крым на территории прохождения планируемой трассы строящегося газопровода. Работы проведены на основании Открытого листа № 300, выданного 24 апреля 2016 г. на имя руководителя раскопок И. В. Рукавишниковой. В исследовании принимали участие М. Ю. Меньшиков, Е. В. Переводчикова и временные сотрудники ИА РАН.

Работы носили спасательный характер, раскопки были проведены на площади, ограниченной охранной зоной траншеи — места прокладки трубы.

Полевые исследования осложнились наличием охранной зоны существующего газопровода 1999 г., проходящего параллельно проектируемому. Территория, включающая в себя остатки распаханного памятника, была повреждена строительной техникой до археологических работ: частично снят пахотный горизонт с остатками наземных сооружений.

Поселение было выявлено разведкой 2015 г., маршрут которой проходил в пределах проектируемой трассы газопровода. Ранее оно было известно по работе А. Л. Ермолина [1, с. 150, с. 148. рис. 15, 2], в которой описан район вблизи сёл Горностаевка и Тасуново; здесь были разведаны и в раз-

ные годы изучались поселения, укрепления и могильники, относящиеся к бронзовому веку, античному времени и средневековью. Памятник представляет собой поселение площадью в несколько гектар, относящееся к эпохе Боспорского царства. Оно расположено на территории, ограниченной валами, описанными в упомянутой работе А. Л. Ермолина. Поселение находится в глубине полуострова на открытой равнине, пригодной для развития сельского хозяйства. Площадь памятника включает несколько распаханых всхолмлений, вероятно, построек. В пахоте видны выходы рваного камня и фрагменты античной керамики.

Толщина культурного слоя на памятнике — 40-50 см; сверху залегает темный гумусированный слой пахоты толщиной около 20 см, ниже идет коричнево-красноватый суглинок с мелкими включениями светлого щебня и красновато-оранжевой обожженной глины — этот слой мощностью 20-30 см, постепенно светлея, переходит в материковую светло-желтую глину с белыми включениями. Остатки сооружений залегали в нижнем слое. В верхнем слое над ними, как правило, находился плотный завал камней, в большинстве случаев в перемещенном состоянии.

В результате проведенных работ изучена площадь около 3000 кв. м., включающая три раскопа. Первый раскоп (рис. 1), самый обширный, шириной до 20 м, был

Рис. 1. Тасуново-7. Раскоп 1. Вид с В.

заложен в месте максимальной концентрации рваного разрушенного камня и мест обнажений плит фундаментов. Второй раскоп, заложенный в единой системе с первым, включил в себя лишь южный край вымостки сооружения и развала каменной конструкции, расположенной к северу от охранной зоны прокладываемой трубы.

Третий раскоп находился в 240 м к северо-востоку от раскопа 1 в месте концентрации развала строительных остатков и керамики. Здесь нами была вскрыта часть другого комплекса сооружений поселения.

Таким образом, исследования в 2016 г. проходили на площади трех поселенческих комплексов — "домов".

На площади раскопа 1 были расчищены и зафиксированы каменные постройки, ориентированные по сторонам света и связанные между собой (рис. 2). Комплекс сооружений был един и представлял собой планировку (основания стен), с запада фланкированную субструкцией, возможно, под башню — сооружение 15. В восточной части зафиксировано углубленное сооружение 3 с каменным очагом и каменной стеночкой. Внутри этой полуземлянки размером 5х4,5 м исследовано 13 ям хозяйственного и строительного назначения, были найдены остатки разрушенной зернотерки. Вход в полуземлянку был расположен с юга. В северной части раскопа западу от полуземлянки расчищена

каменная подовальная в плане вымостка (сооружение 1) размерами 8х6 м, вытянутая по линии запад-восток, состоящая из рваных, уплотненных в верхней части плит, подобранных между собой, поверхность была выровнена глиной. На плитах были зафиксированы следы сырцовых частей конструкции в виде остатков рыжеватого суглини-

сто-супесчаного слоя довольно однородной структуры, толщиной до 12-15 см, похожего на разрушенный сырец. Вымостка посередине была прорезана канавой шириной до 0,5 м по линии север-юг, внутри которой были найдены две ямы от подпорных столбов. Под углубленными нижними частями плит были также зафиксированы столбовые ямы (свидетельство предыдущего строительного периода) и следы от выравнивания уровня сооружения. У северного края вкопана переиспользованная синопская амфора. С запада была расположена забутованная камнем хозяйственная колоколовидная яма с фрагментами печины и лепной керамики — сооружение 2.

Следы последовательных строительных периодов зафиксированы и в северо-восточной части раскопа 1 в сооружении 10, где остатки вымостки из тесаных плит и остатки сырцовых конструкций провалились в засыпанные хозяйственные ямы.

Внутри конструкций, у очагов были встречены оставленные группы терочников, абразивов, нижних частей амфор и чашечек из донец сосудов.

С севера и северо-запада были исследованы керамические сбросы. На севере в борт раскопа уходила площадь засыпанная гравием — двор.

Западнее от описанного комплекса были расчищены отдельные плиты, между которыми на том же уровне выявлены фрагменты керамики. К сожалению, часть площади была вскрыта строительной техникой до самого нижнего уровня вымосток, которые также не избежали выборки камня в предшествующее время. Тем не менее, в этом секторе также удалось исследовать заглубленное сооружение 8 с остатками глиняного очага в восточной части,

Рис. 2. Тасуново-7. Раскоп 1. Центральная часть. Вид с С.

ориентированное по линии север-юг. В северной части были найдены вкопанная в землю массивная нижняя часть кидской амфоры, а также нижняя часть синопской амфоры, в которую была вложена галька. Зафиксировано 5 столбовых ям. Заполнение сооружения — строительный слой с остатками светло-коричневого суглинка и серого известкового и глинистого заполнения. Сверху сооружение было засыпано разрушенным пахотой камнем, завалившимся с севера, где в борту раскопа зафиксированы камни кладки. Западнее от сооружения 8 было расчищено сооружение 9, составляющее с сооружением 8 единый комплекс. Это глиняный прокаленный подковообразный очаг, четыре столбовые ямы и одна хозяйственная. С юго-запада сооружение примыкало к каменной стене и пристроенной к ней, возможно, сырцовой, прокаленной впоследствии. Остатки их фундаментов, уходящие в южный борт, удалось зачистить на краю раскопа. Как и стены рядом с сооружением 8, они были ориентированы по линии юго-восток — северо-запад. Фрагмент фундамента стены имел 2 панциря с забутовкой мелким камнем. Продолжение этого сооружения находится на территории охранной зоны газопровода 1999 г.

Еще один очаг — сооружение 7 — был изучен в самой северной части за-

падного сектора раскопа 1. Это про-
каленное пятно размерами 1 кв. м,
толщиной до 15 см. С восточной сто-
роны были зафиксированы столбовые
ямки навеса и остатки каменного раз-
вала, возможно, стены; здесь был най-
ден железный гвоздь. С юга и запада
от очага были изучены хозяйственные
ямы, вблизи которых были найдены

фрагменты чернолакового сосуда, мо-
нета, фрагмент стеклянного литика
(рис. 3, 1). В северо-западной части
раскопа 1 встречены вкопанные ниж-
ние части амфор.

Раскоп 2 находился на западе в 30 м
от раскопа 1. Площадь между раскопами
была исследована до материка. Строи-
тельных остатков в слое не зафиксирова-

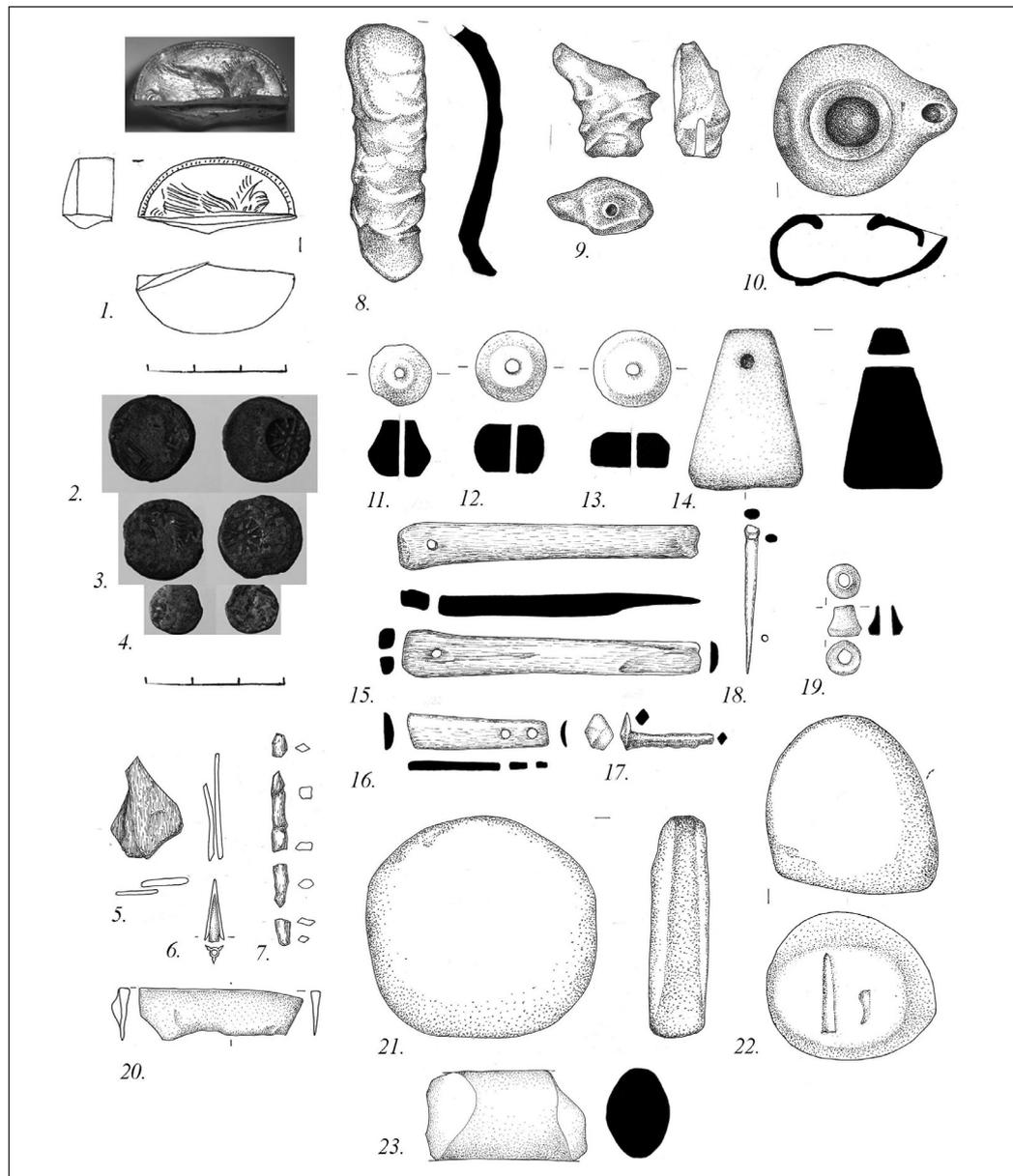

Рис. 3: Предметы из поселения Тасуново-7:1 — Литик стеклянный, фрагментированный с изображением грифона. 2-4 — Монеты бронзовые. 5 — Пластины железные, фрагментированные. 6 — Наконечник стрелы бронзовый, трехлопастной. 7 — Острие железное во фрагментах. 8-9 — Фрагменты терракот. 10 — Светильник глиняный. 11-13 — Пряслица керамические. 14 — Грузик керамический. 15 — Орудие костяное. 16 — Накладка костяная. 17 — Гвоздь бронзовый. 18 — Острие костяное. 19 — Грузик свинцовый. 20 — Пластина бронзовая. 21 — Терочник каменный. 22 — Орудие каменное (мрамор). 23 — Лоцило из ручки амфоры.

но. Пахотный слой раскопа 2 также был срезан строительной техникой.

На площади в 150 кв. м был зачищен развал камней, под которым выявлена каменная вымостка из рваных плит, не имеющая строгих очертаний и остатков слоя. Керамический комплекс невыразительный и сходен с комплексом раскопа 1. Строительные остатки уходят в северный борт раскопа 2.

Раскоп 3 находился в 240 м к северо-востоку от раскопа 1, у всхолмления, которое расположено на территории охранной зоны существующего газопровода. Видимо, сооружение было повреждено ранее, так как каменный развал локализуется в основном вблизи проложенной трубы, а спланированная строительной техникой территория в основном не содержит следов разрушения древнего памятника.

Тем не менее, нам удалось выявить под каменным завалом заглубленное сооружение с хозяйственными и столбовыми ямами, размерами до 4х4 кв. м, в заполнении которого фиксировался строительный слой. В полуземлянке была вкопана пухлогорлая амфора, от которой осталась нижняя часть и горло. В одной из хозяйственных ям в качестве перекрытия находилась гладкая тонкая зернотерка с сильно вытертой поверхностью. На запад от полуземлянки было расположено прокаленное пятно очага и забутованная камнем хозяйственная колоколовидная яма глубиной до 1,60 м. С раскопа 3 происходят близкие найденным на раскопе 1 керамические формы.

Керамический комплекс поселения представлен тарной керамикой из различных центров — это Синопа, Гераклея, Фасос, Книд. Чернолаковая посуда представлена открытыми формами — мисочками на поддонах. Кроме того, были найдены фрагменты кувшинов, мисок, миниатюрных сосудов, лепных сосудов. Также среди керамических изделий имеются глиняные ткацкие грузики, биконические и бочковидные пряслица, фрагменты терракот, светильник закрытого типа и

фрагмент светильника открытого типа, пробки, крышки. На памятнике найдены поделки из фрагментов сосудов: лошила из ручек амфор, стенок, переиспользованные нижние части амфор, песты из ножек амфор, пряслица из поддонов чернолаковых мисочек. Амфоры с клеймами на ручках происходят из Синопы.

Всего в коллекции собраны и проанализированы 700 керамических форм (профильных частей) с трех раскопов, а также 200 индивидуальных находок (коллекция передана в Восточно-Крымский музей-заповедник в городе Керчи).

Металл представлен такими предметами, как античные бронзовые и железные кованые гвозди, фрагменты бронзовых пластин, проволоки, пронизка, свинцовый пирамидальный грузик, железный нож с горбатой спинкой, железное острие, фрагменты спаянных железных пластин, бронзовая сферическая пуговица с шариком. Бронзовые наконечники стрел (рис. 3, б) относятся к скифскому времени — IV в. до н. э. Были найдены три бронзовые пантикапейские монеты, из которых одна затерта, не читается. На двух монетах (рис. 3, 2-3) изображена голова безбородого сатира, обращенная влево. Поверх изображения расположена надчеканка в виде двенадцатиконечной звезды во вдавленном круге. На обороте голова льва, обращенная влево и осетр, надпись Π-Α-Ν и надчеканка горит. Такие монеты датируются первой четвертью III в. до н. э. [2, с. 177, табл. XLI-3].

Каменные предметы представлены на памятнике многочисленными терочниками, фрагментами зернотерок, абразивных камней, использованные в быту гальки, лошила. У стенки сооружения были найдены ударные орудия, округлые предметы из мраморной породы с характерными сколами в месте воздействия направленного удара. В основании одной из стен был заложен овальный фрагментированный каменный алтарик в виде блюда с бортиком из известняка. Земля под предметом была прокалена.

В хозяйственной яме был найден фрагмент каменного топора бронзового века, тщательно залощенного, с выделенными "литейными" швами (возможно выполнен из содалита — василькового самоцвета щелочных пород Приазовья) и похож на топоры северо-кавказской культуры бронзового века. На памятнике встречены и немногочисленные предметы кремневой индустрии: отщепы, пластины и изделия. Были найдены костяные изделия (рис. 3, 16, 17): орудие, состоящее из рукояти с отверстием для подвешивания и небольшой лопаточки, накладка на рукоять с двумя отверстиями, проколка с шаровидным навершием. Изделия хорошей сохранности, выполнены из рога.

В слое встречались фрагменты синих пастовых, шиферных крупных глазчатых бусин.

Красивая и яркая находка — половина стеклянного литика, с поперечным креплением на перстне с изображением грифона (Рис. 3, 1).

Была получена коллекция археозоологического материала, которая находится в обработке. Пястные кости лошадей фиксировались между камнями фундаментов. В яме 43 находились скопления костей лошади и барана. Среди разрушенных плит и сырца сооружения 10 была найдена нижняя челюсть молодой женщины и несколько ребер лошади. Рядом находился железный нож с горбатой спинкой.

Найденная и исследованная коллекция предметов представляет собой предметы быта рядового населения сельской округи.

Таким образом, на памятнике Тасуново-7 мы исследовали три комплекса построек античного времени, относящихся к сельскому поселению.

На основании дат амфорных клейм из Синопы, многочисленных профильных частей амфор, а также пантикапейских монет можно датировать памятник началом IV — 1-й половиной III вв. до н. э.

1. Ермолин А. Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // Древности Боспора. Т. 14. М., 2010.

2. Зограф А. Н. Античные монеты. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951.

The article deals with the results of the excavations of settlement Tasunovo-7 in the Eastern Crimea by the expedition of IA RAS. Rescue excavations were engaged along the route of planned gas pipeline in summer 2016.

The layer whole depth about 50 cm is divided into two layers: the upper, dark humus as a result of ploughing (about 20 cm) and lower, brown loamy soil (about 20-30 cm), with the remnants of stone constructions, mostly substructions.

The evidence of agricultural character of the settlement are large pits (maybe used for grain storage) and mill stones found.

According to finds of amphorae fragments, amphorae stamps and Bosporan coins the site may be dated as IV — 1st half of III centuries B. C.

Keywords: *antique settlement, IV-III centuries B. C., buildings of stone, amphorae, black lacquer vessels, Eastern Crimea, Bosporan kingdom.*

УДК 902/904

П. Г. Столяренко, Д. В. Бейлин, А. М. Михайлов

Об одном из направлений пространственного развития сельскохозяйственной округи Мирмекия

В статье рассматривается одно из направлений развития сельскохозяйственной округи Мирмекия, которая, по мнению авторов статьи, распространялась вдоль русла небольшой реки, впадающей в Керченский пролив у северо-западной окраины городища. Это предположение подкрепляется результатами разведочных работ в окрестностях городища Мирмекия, проводившихся в последние годы под руководством одного из авторов.

Ключевые слова: сельскохозяйственная округа, пространственное развитие, разведки, река Московская, Мирмекий, Царский курган.

В настоящее время в окрестностях городища Мирмекий известны лишь единичные поселения, которые можно было бы соотнести с его сельской округой, это в значительной степени обусловлено плотностью жилой застройки и хозяйственным освоением района еще в XIX — первой половине XX века. Без преувеличения можно сказать, что широкому кругу исследователей известна, пожалуй, только «Загородняя усадьба», исследованная в 1950-е годы В. Ф. Гайдукевичем [7, с. 55-75; 8, с. 133-142]. Впрочем, и её едва ли можно связывать с сельской округой этого городища [16, с. 168].

Безусловно, на первоначальном этапе становления, сельскохозяйственная

округа Мирмекия должна была развиваться в ближайших его окрестностях, в первую очередь в прибрежной зоне. Единственное небольшое поселение, отмеченное В. В. Веселовым на побережье вблизи Мирмекия, расположено в 800 м северо-западнее Карантинного мыса [3, № 306]. Еще одно скопление керамики эллинистического времени прослеживается на территории больничного городка приблизительно в 850 м северо-восточнее Карантинного мыса.

Одно из направлений пространственного развития ближайшей сельскохозяйственной округи Мирмекия, могло быть ориентировано к северу, вдоль русла небольшой реки, впадаю-

щей в Керченский пролив у северо-западной окраины городища. Организация сельскохозяйственной территории в долинах, вдоль пресных источников воды вполне естественна и имеет множество аналогий в различных регионах древнего мира. Примером может служить, достаточно хорошо изученная территория Нижнего Побужья, где первые сельские поселения появляются не только на побережье лиманов, но и вдоль простирающихся от него в степь обводненных балок и оврагов, обрывистые берега которых, служили им естественной защитой [3, с. 19; 11, с. 25]. Едва ли речка вблизи Мирмекия могла играть роль серьезной стратегической преграды, скорее греков интересовала орошаемая ею плодородная долина, прекрасно подходившая для сельскохозяйственного освоения, и необходимость контроля источника воды, питающего город.

Современное название речки — Московская, заимствовано во второй половине XX века, от одноименной улицы, пересекающей ее русло вблизи устья, [13, с. 471].

Речка берёт свое начало в 3.2 км к северу — северо-востоку от Мирмекия, у западного подножья высоты 103.7, известной так же как Пороховая горка. Далее ее русло проходит вблизи Царского кургана, между ним и поселком Красная Керчь, расположенным восточнее. Ряд перпендикулярных руслу железнодорожных насыпей, расположенных вблизи Царского кургана, оборудованы различными водопропускными сооружениями. Далее к югу, на территории ныне разрушенного завода ЖБИ, ее русло переведено в систему подземных коллекторов, по которым она протекает под жилыми кварталами, до территории санатория Москва-Крым, где изливается в Керченский пролив. Современное устье реки располагается в 250 м севернее оконечности Карантинного мыса.

Несмотря на значительные изменения естественного режима речки, даже

в самые засушливые сезоны в жёлобе коллектора на ул. Московской и ряде параллельных ей улиц, сохраняется водоток. О полноводности этого источника в прошлом свидетельствует мощная балка, отчетливо просматривающаяся в профиле дневной поверхности всех перпендикулярных ей улиц, их проезжая часть, повторяя общий рельеф, понижается с двух сторон к месту подземного русла речки. Направление русла хорошо прослеживается и по современным крупномасштабным топографическим картам (рис. 1).

При проведении земляных работ в пределах современных жилых кварталов, расположенных вдоль русла речки к северу от Мирмекия, в разные годы были выявлены признаки поселений античного времени. Керамика эллинистического времени найдена в районе пересечения улиц Лазо и Железняк с улицей 1-й Пятилетки в отвале траншеи газопровода, вероятно, остатки поселения этого времени могли сохраниться на земельных участках соседних домов. К руслу речки тяготеют и некоторые находки позднеантичного времени. Разведками одного из авторов в 2011 году, перед домом № 31 по ул. Железняк, были выявлены культурные напластования позднеантичного времени, нарушенные при прокладке линии газопровода. Открытые в заложенном над траншеей шурфе строительные остатки, представляли собой две параллельные однолицевые кладки, вероятно, заглубленного в грунт сооружения. В каменном завале между ними найдены четыре фрагмента известняковых тарапанов, что может свидетельствовать в пользу определенной сельскохозяйственной специализации располагавшегося тут поселения. Культурные напластования в пределах шурфа были перекрыты слоем шлака и строительного мусора, мощностью 0,35 — 0,6 м. Возможно, балка Московской была засыпана грунтом для постройки современных кварталов, не удивительно, что при таких обстоятельствах в этом райо-

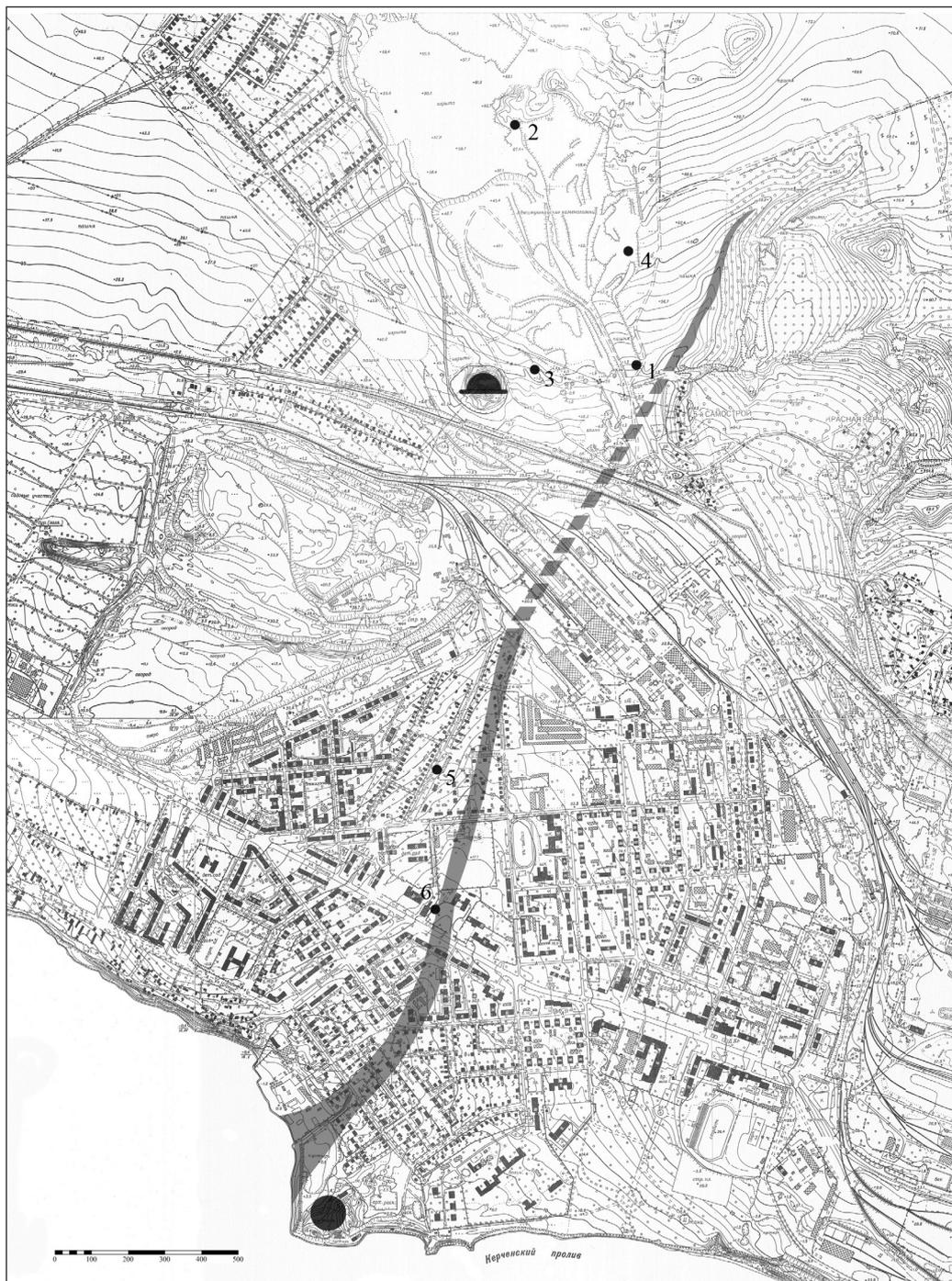

Рис. 1. Топографический план территории к северу от городища Мирмекий

- - Городище Мирмекий
- ◐ - Царский курган
- ▬ - Направление русла речки Московская
- 1 - 4 - Поселения «Царский курган 1 - 4»
- 5 - Поселение позднеантичного времени по ул. Железняк 31
- 6. - Место находки клада 1988 г.

не археологические объекты почти не известны.

Еще одним маркером позднеантичного времени, стала находка в непосредственной близости от русла Московской, одного из самых крупных кладов боспорских статеров, сокрытых около середины III в. н. э. Он был обнаружен в 1988 году, при строительстве жилого микрорайона на территории предприятия «Садбаза», вблизи построенного впоследствии, многоэтажного дома № 27-г по ул. 1-й Пятилетки. Сведения об обстоятельствах его находки и о наличии культурных остатков странным образом разнятся. Так в отчете О. Д. Чевелева указано, что при рытье котлована под фундамент жилого дома, в месте обнаружения клада, на глубине 0.7 м найдены «остатки фундамента древнего здания», приводятся его размеры и описание кладок. Упоминается и керамический материал IV — III вв. до н. э. и первых вв. н. э., собранный в отвале [1, л. 28]. В одной из публикаций клада, при соавторстве О. Д. Чевелева, отмечено, что слоев позднеантичного поселения обнаружено не было, при этом и находки других периодов так же не упоминаются [12, с. 220-226].

Современный рельеф у истоков реки, в районе Царского кургана, со второй половины XIX века, подвергался значительному антропогенному воздействию и в настоящее время имеет пересеченный характер. Многочисленные карьеры и их отвалы, провалы каменоломен и воронки военного времени с трудом позволяют представить простиравшуюся к проливу рассеченную речкой плодородную равнину, которой некогда являлась эта территория.

Данных об археологических исследованиях в этом районе почти нет, мы располагаем лишь некоторыми сведениями о немногочисленных случайных находках. К их числу относится круглый тарапан, диаметром 1.40 м,

толщиной 0.34 м, происходящий из окрестностей Царского кургана, опубликованный В. Ф. Гайдукевичем [5, с. 167-169; 6, с. 356-358]. Согласно описанию, он был найден в 1938 году, в поле между поселком Аджимушкой и Царским курганом при случайных обстоятельствах. Тарапан датирован III — II вв. до н. э., по аналогичному каменному ложу пресса, обнаруженному в том же году, при раскопках винодельни в Мирмекии. На основании этой и других находок, В. Ф. Гайдукевич предполагает возможность существования в эллинистическую эпоху, к северу от Мирмекии отдельных усадеб, специализировавшихся на виноградарстве и виноделии [5, с. 167-169; 6, с. 358].

В послевоенные годы разведками В. В. Веселова в этом районе было выявлено два археологических объекта, которые он указал в своей «Сводной ведомости» под одним номером как незначительное скопление керамики эллинистического и раннесредневекового времени в 0.1-0.15 км к северу и 0.3 км к северо-востоку от Царского кургана [4, № 510].

Материал эллинистического времени нередко встречается в этом районе и в ходе работ военно-поисковых экспедиций, в первую очередь в оплывах грунта в штольни каменоломен, образовавшихся вблизи провалов и входов. Так в начале 1980-х годов, в 100 м восточнее «пилонов» — входа в каменоломни, экспедицией под руководством С. М. Щербака, при участии С. А. Шестакова, были выявлены фрагменты керамики¹, среди коллекционных находок отмечены гераклеяское и фасосское клейма. Последнее удалось идентифицировать в фондах ГБУ РК «ВКИКМЗ»: Θ[ασίων] петух [Κρίν]ις, оно датируется 337 — 325 гг. до н. э.

При обследовании территории, расположенной у истоков Московской — между входом в Центральные Аджи-

¹ Авторы выражают признательность С.А. Шестакову, за предоставленную информацию о данных находках.

мушкайские каменоломни, Царским курганом и высотой 103.7, проводимом авторами в последние годы, на сохранившихся участках нетронутой степи, между карьерами и их отвалами, была выявлена группа скоплений керамики эллинистического времени. В ходе разведок, они получили условные названия «Царский курган 1 — 4». Их удаленность от Мирмекия составляет 2.5 — 3.1 км, что позволяет предположить их принадлежность к сельскохозяйственной округе этого городища, располагавшейся на плодородных территориях вдоль русла Московской (рис. 1). Происходящий с площади поселений подъемный материал представлен массовыми находками, в первую очередь фрагментов тарной керамики IV — III вв. до н. э., среди которых незначительный процент занимают единичные находки конца VI — V в. до н. э.

Территория поселений в разной степени затронута современной хозяйственной деятельностью, наиболее разрушенным оказалось поселение «Царский курган 2», расположенное в 750 м севернее насыпи кургана. Какая-то часть площади поселения, вероятно, сохранилась на небольшом останце шириной около 50 м, уцелевшем между карьерами первой половины XX века, но и эта поверхность, отчасти перекрыта их отвалами. Среди собранного тут подъемного материала, необходимо отметить находку клейма на ручке синопской амфоры,

орел на Αἰσχινέω
дельфине Ααστυνό(μο)
Ποσειδῶ(νίο)

ретроградное, которое даёт дату в пределах 360-х гг. до н. э. и клейма на фрагменте горла гераклейской амфоры ΒΟΥΣΤΡΥ[ΧΟΣ], кадуцей, 340-е гг. до н. э.²

Поселение «Царский курган 1» расположено вблизи русла Московской, в 450 м к востоку — северо-востоку от центра насыпи кургана. Его южная

часть также нарушена въездом в карьер, а северная занята отвалами. Поселение известно узкому кругу специалистов с 1990-х годов, когда его территория частично была занята огородами, один из которых принадлежал известному краеведу Б. И. Бабичу. Поселение «Царский курган 3» расположено всего в 200 м к востоку — северо-востоку от центра насыпи кургана. Часть его территории также занята мощным отвалом одного из близлежащих карьеров. Кроме стандартного набора профильных фрагментов амфорной тары IV — III вв. до н. э., среди подъемного материала, нужно упомянуть находку фрагмента известняковой кровельной черепицы. По-видимому, на эти два скопления — «Царский курган 1 и 3», и указывал В. В. Веселов, объединив их под названием Партизаны 9 [4, № 510]. В ходе новых разведок, установлено, что их разделяет пространство, приблизительно в 130 м, без признаков культурного слоя не только на дневной поверхности, но и в бортах многочисленных траншей и въезда в карьер, расположенных между ними.

Наиболее информативными оказались результаты разведочных работ, предпринятых авторами на поселении «Царский курган 4» в полевом сезоне 2015 года. Оно расположено в 550 м северо-восточнее центра насыпи кургана, на небольшой полянке, окаймлённой с севера, востока и юга отвалами, а с западной стороны ограниченной карьером (рис. 2). В восточной её части расположены остатки железобетонной конструкции какого-то сооружения довоенного времени. Из-за плотного растительного покрова, признаков культурных остатков, на поверхности выявить не удалось. Поселение было обнаружено по выбросу из небольшой, слегка оплывшей грабительской ямы, размером 1.65×0.75, расположенной в центральной части полянки, на отвалах которой собрано большое количество

² Прочтение и датировка всех приведенных в статье клейм выполнена старшим научным сотрудником ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» к. и. н. Н. Ф. Федосеевым, за что авторы ему признательны.

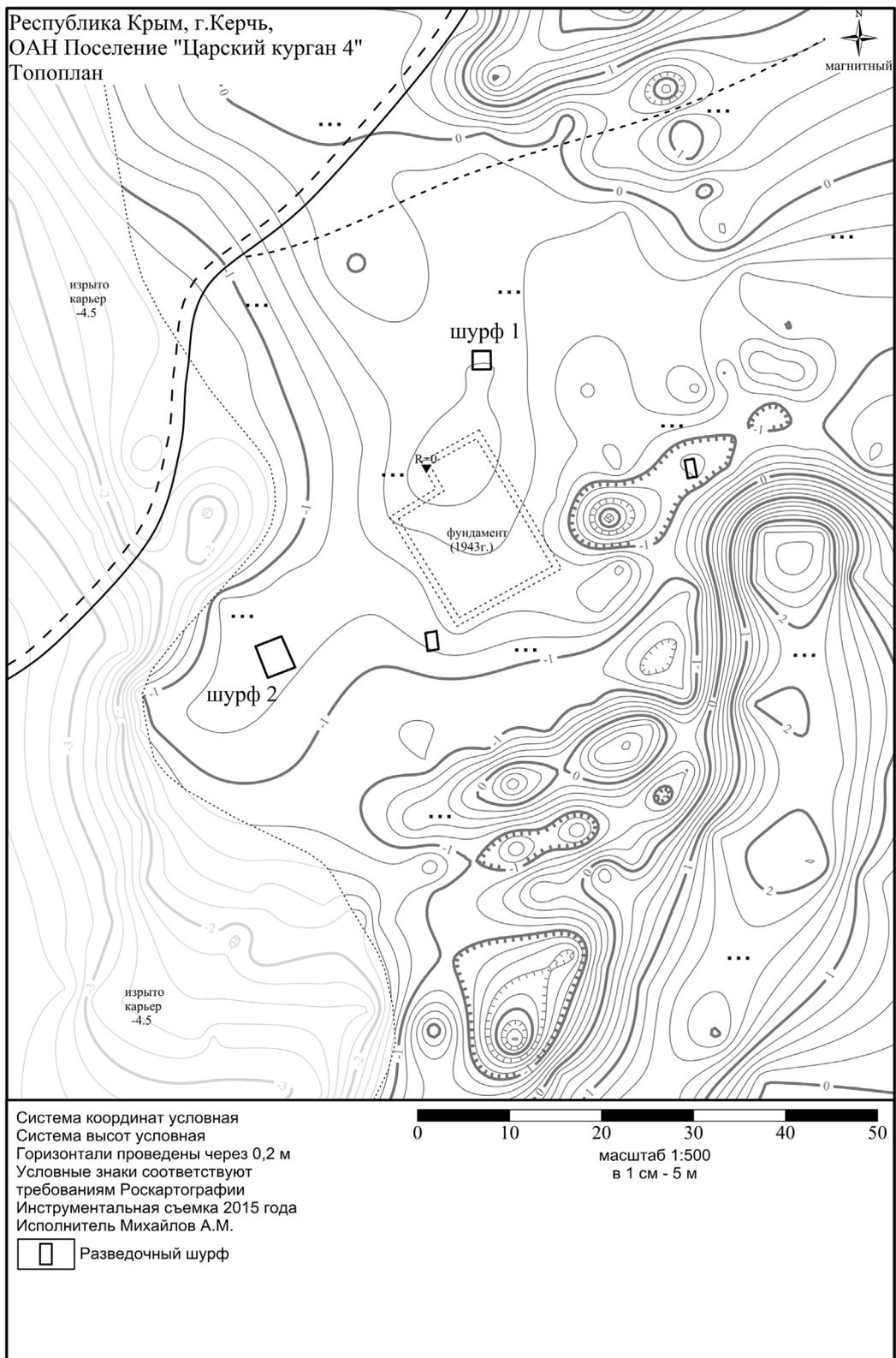

Рис. 2. Топографический план усадьбы «Царский курган 4»

фрагментов кровельной черепицы, преимущественно боспорского производства. В шурфе № 1, заложенном над ямой, на глубине 0,4 м выявлен слой легкого суглинка светло-коричневого цвета, содержащий каменно-черепичный завал, достигавший мощности около 0,4 м. Слой местами прокален до красноватого цвета, отдельные камни также имеют следы термического воздействия, что, скорее всего, является признаками пожара, хотя на фрагментах черепиц они не обнаружены. В целом, около 90 % керамических находок из шурфа, составили фрагменты кровельной черепицы различных типов, среди них и несколько фрагментов косоугольных керамид. На семи боспорских керамидах и одном калиптере сохранились целые и фрагментированные клейма, которые хронологически можно разделить на два периода. Клейма со штемпелями ΣΑ]ΤΥ([15, с. 74, №№ 1932-1983], ΣΑΤ [15, с. 74, №№ 1921-1929], ΑΠ [15, с. 73, №№ 122-133] и ΑΣΤΥΔΑ [15, с. 37, №№ 277-288] относятся к третьей и четвертой хронологическим группам и датируются в пределах 370-350 гг. до н. э. [2, с. 190-197], два фрагмента с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ [15, с. 94, №№ 3287-3316] и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ [15, с. 95 №№ 3322-3469] относятся к концу III в. до н. э. [2, с. 199-200]. Ещё два клейма боспорского производства, ввиду неудовлетворительной сохранности, интерпретировать не удалось. Черепичный завал подстилал слой суглинка, почти не содержащий находок, ниже которого находился скальный материк.

Шурф № 2 был заложен в южной части отделенной отвалами поляны, вблизи борта карьера, в 35 м к юго-западу от первого. Под напластованиями, содержащими материал первой половины XX века и остатки основания кладки 1, вероятно того же периода, расчищены культурные слои эллинистического времени. Выявленные тут строительные остатки представлены двумя массивными кладками, образующими прямой угол (рис. 3). Обе кладки

сложены одновременно в переплет, из хорошо обработанных блоков камня известняка, на лицевых гранях некоторых камней сохранились следы обтёски. Кладка 3 двухлицевая трехслойная, толщина ее составляет 1.2 м. Мощность кладки 2 установить не удалось, т. к. ее южный фас скрыт бортом шурфа, ширина открытой части её поверхности составляет 1.6 м. Среди находок в шурфе такой же заметный процент, хотя и меньший, чем в первом, приходился на фрагменты кровельной черепицы. Среди прочих находок эллинистического времени, в слое, перекрывающем остатки стен №№ 2 и 3, найдена ручка синопской амфоры с клеймом астинома Евхариста, сына Каллисфена и гончара Филемона, дающим дату около 248 г. до н. э.

Ситуация, выявленная шурфовкой на поселении «Царский курган 4», позволяет предварительно интерпретировать этот объект как сельскохозяйственную усадьбу, с расположенным в северной части комплексом жилых и хозяйственных помещений. Об этом косвенно свидетельствует завал кровли со следами пожара, выявленный шурфом 1, который, вероятно, и пришелся на северную часть усадьбы. При исследовании «Загородней усадьбы», расположенной в 2.81 км юго-западнее, так же было отмечено обилие кровельной черепицы, особенно в северной её части, где концентрировались жилые постройки [7, с. 55-75]. Две массивные кладки, перпендикулярно смыкающиеся в шурфе № 2, с большой вероятностью можно предварительно интерпретировать, как остатки юго-западного угла внешней ограды усадьбы, ограничивавшей внутренний двор, традиционно располагающийся в аналогичных комплексах, в южной части [10, с. 55].

Материал, выявленный при исследовании усадьбы, в первую очередь боспорские черепичные клейма из шурфа 1, позволяет предварительно датировать ее постройку в пределах второй четверти IV в. до н. э. а су-

Рис. 3. Усадьба «Царский курган 4», вид с запада

ществование вплоть до рубежа III — II вв. до н. э. Материал, выявленный на всех четырех объектах, вблизи Царского кургана, в целом синхронен, что может свидетельствовать об их одновременном возникновении. Скорее всего, как и предполагал В. Ф. Гайдукевич, на обширной равнинной территории к северу от Мирмекия, вдоль русла реки, существовали небольшие усадьбы, составлявшие сельскохозяйственную округу этого города [5, с. 169; 6, с. 358].

Выявленная группа усадеб несколько предшествует появлению «Заго-

родней усадьбы», время основания которой исследователи относят к рубежу IV-III — середине III вв. до н. э. [8, с. 133; 14, с. 451]. Этот факт указывает на более раннее хозяйственное освоение земель вдоль Московской. Единичные фрагменты тарной керамики конца VI — V вв. до н. э., обнаруженные на объектах «Царский курган 2 и 3», могут свидетельствовать о более ранних попытках освоения мирмекийцами ближайших степных территорий вдоль русла реки.

1. Архив ГБУ РК ВКИКМЗ. — Оп. 2, — ед. хр. 981.
2. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. — К., 1999. — 249 с.
3. Буйских С. Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI-II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа. — К., 1986. — С. 17-28.
4. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. — Supplementum II. — М., 2005. — 264 с.
5. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.-Л., 1949. — 622 с.
6. Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // МИА — Вып. 85, — М.-Л., 1958. — С. 352-457.
7. Гайдукевич В. Ф. Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города. — Л., 1981. — С. 55-75.
8. Зинько В. Н. Античное сельское поселение близ Мирмекия // Археология и история Боспора. — Керчь, 1999. — Вып. III. — С. 133-142.
9. Зинько В. Н. Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н. э.) // БИ. — Вып. XV. — Симферополь — Керчь, 2007. — 336 с.
10. Крыжицкий В. Д. Жилье дома античных государств Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). — К., 1982. — 165 с.

11. Крыжицкий В. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 239 с.

12. Куликов А. В., Чевелев О. Д., Иванина О. А., Куликова Е. В. Клад боспорских серебряных монет III в н. э. из района Мирмекия (Сад-База 1988) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. — Керчь, 2004. — С. 220-226.

13. Санжаровец В. Ф. Вдоль Босфора Киммерийского. Из истории происхождения топонимов крымского берега и акватории Керченского пролива. // Топонимика Крыма. — Симферополь, 2011. — С. 445-500.

14. Федосеев Н. Ф. Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. — Вып. X. — Керчь, 2009. — С. 448-458.

15. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. — Т. 1. — Киев, 2012. — 160 с.

16. Федосеев Н. Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства. // Древнейшие государства Восточной Европы. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства — М., 2014. — С. 141-174.

In the article one of the directions of the development of the Myrmekion agricultural neighborhood is considered. According to the authors, it used to follow the channel of a small river flowing into the Kerch Strait near the northwestern outskirts of the ancient settlement. This assumption is supported by the results of the exploration work in the vicinity of the settlement of Myrmekion, conducted in the recent years under the direction of one of the authors.

Keywords: *agricultural neighborhood, spatial development, exploration, the Moskovskaya River, Myrmekion, Tsars' Burial Mound.*

УДК 902.2

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев

**Ритуальные салтово-маяцкие комплексы
на поселении гора Чиркова 1
(по материалам исследований
Таманско-Керченского отряда ИА РАН в 2015 г.)**

В статье анализируются культовые комплексы VIII–X веков, раскопанные на поселении Гора Чиркова 1 (Таманский полуостров). Они представлены одиночным захоронением и ритуальными жертвоприношениями людей и животных, совершенных в ямах. Жертвоприношения, видимо, были связаны с земледельческим и скотоводческим культом плодородия. Захоронения на поселениях совершались по причинам культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера.

Ключевые слова: Таманский полуостров, поселение Гора Чиркова-1, погребальные комплексы, ритуальные комплексы, салтово-маяцкое поселение.

Поселение Гора Чиркова 1 находится в юго-западной части Таманского полуострова в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный и 3,2 км к югу от п. Приморский, расположенных на северном берегу Цокурского лимана и южном берегу Таманского залива. Ранее памятник был включен в состав другого более крупного поселения, которому в 1984 г. Я. М. Паромов присвоил название Виноградный 7. На основании данных аэрофотосъёмки и границ распространения подъёмного материала он установил его площадь в пределах 31 га (1,1×0,4 км) и датировал VI–I вв. до н. э. и X–XIII вв. [13, с. 77, пункт 59]. В 2011 г. по результатам

разведок С. А. Буравлёва (отряд Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Н. И. Сударева) оно было разделено на два памятника. Соответственно, восточной его части площадью 38 га было оставлено прежнее наименование — поселение Виноградный 7, а северо-западную часть площадью 17,72 га (0,60×0,38 км), в пределах которой в 2001–2005 гг. были открыты жилые и хозяйственные комплексы VIII–X вв., исследователь выделил в самостоятельное поселение Гора Чиркова 1. Более подробно история археологического изучения обоих памятников изложена в публикациях Н. И. Сударе-

ва, С. В. Кашаева и А. А. Супренкова [19, с. 471–473; 20, с. 481–484].

В процессе охранных работ, проведенных в 2015 г. Таманско-Керченским отрядом археологической экспедиции ИА РАН под руководством А. А. Супренкова, в северной части поселения был заложен раскоп, площадь которого составила 25 000 кв. м. Мощность исследованных в его пределах культурных напластований варьировалась в пределах 1–2 м. На уровне материкового суглинка и нижнего слоя плотного суглинка серо-коричневого оттенка в западной и центральной части раскопа были исследованы пять грунтовых погребений и 97 различных по форме и размеру ям и котлованов, в размещении которых не прослеживалось четкой и организованной структуры. За исключением четырех погребений эпохи бронзы все остальные объекты относились к «хазарскому» времени и датировались VIII–X вв.

В отличие от участков, исследованных в 2002 и 2004 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов шести наземных построек, ни одного жилого комплекса в этой части поселения обнаружено не было. Иными словами, можно полагать, что в пределах исследованного участка попала его периферийная часть, где размещались разнообразные хозяйственные объекты, большую часть которых можно интерпретировать как ямы и полуземлянки. Некоторые из них на последнем этапе функционирования, судя по характеру заполнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, превратили в обычные свалки бытового мусора и золы. Отдельные ямы и котлованы, в силу необычных находок, атрибутировать гораздо сложнее. Среди таких объектов выделяется яма 21 диаметром 2,0 м, в которой был расчищен развал печи или очага из саманных кирпичей, занимавший более половины ее площади.

Особого внимания заслуживают заброшенные и частично засыпанные хозяйственные ямы, в которых были

совершены ритуальные жертвоприношения людей или животных или их частей. К их числу относится яма 1 с компактным скоплением отдельных костей лошади и яма 59 с захоронением ребенка. Еще одно жертвоприношение, зафиксированное в виде компактного скопления разрозненных костей мужчины, было совершено в яме 62, но она, судя по всему, была вырыта для этой цели специально.

Помимо них к северу от одной из полуземлянок (котлован 73) было обнаружено одиночное грунтовое погребение (6), которое в силу своего расположения, возможно, также имело ритуальный характер.

Яма 1 (рис. 1, 2) обнаружена в западной части раскопа в кв. 1, 5, 6, 12. Пятно ее заполнения зафиксировано на глубине 0,8 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане яма имеет форму, приближенную к овалу, в разрезе, за счет сужающихся к низу бортов, трапециевидную форму. Соответственно, на верхнем прослеженном уровне ее размеры составляют 1,8×2,0 м, а на уровне дна — 1,5×1,4 м. Сохранилась яма на глубину до 0,3 м и заполнена однородным серо-коричневым суглинком, более темного оттенка, чем слой, в который она была впущена.

В северо-восточной ее части на глубине 0,15 м было совершено ритуальное жертвоприношение головы и части туши лошади, расчищенное в виде компактного скопления отдельных костей и челюсти. Помимо них в заполнении ямы найдены 13 стенок причерноморских амфор второй половины VIII — X вв. и столовых красноглиняных сосудов, 5 стенок салтово-маяцких горшков и два бесформенных куска печины.

В кв. 429 в 120 м к северо-востоку от ямы 1 обнаружена яма 59 (рис. 1, 1). Пятно ее заполнения выявлено на глубине 1,3 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — трапециевидную. Диаметр ямы на верхнем прослеженном уровне — 1,4 м, на уровне дна — 2,2 м. Сохранилась она на

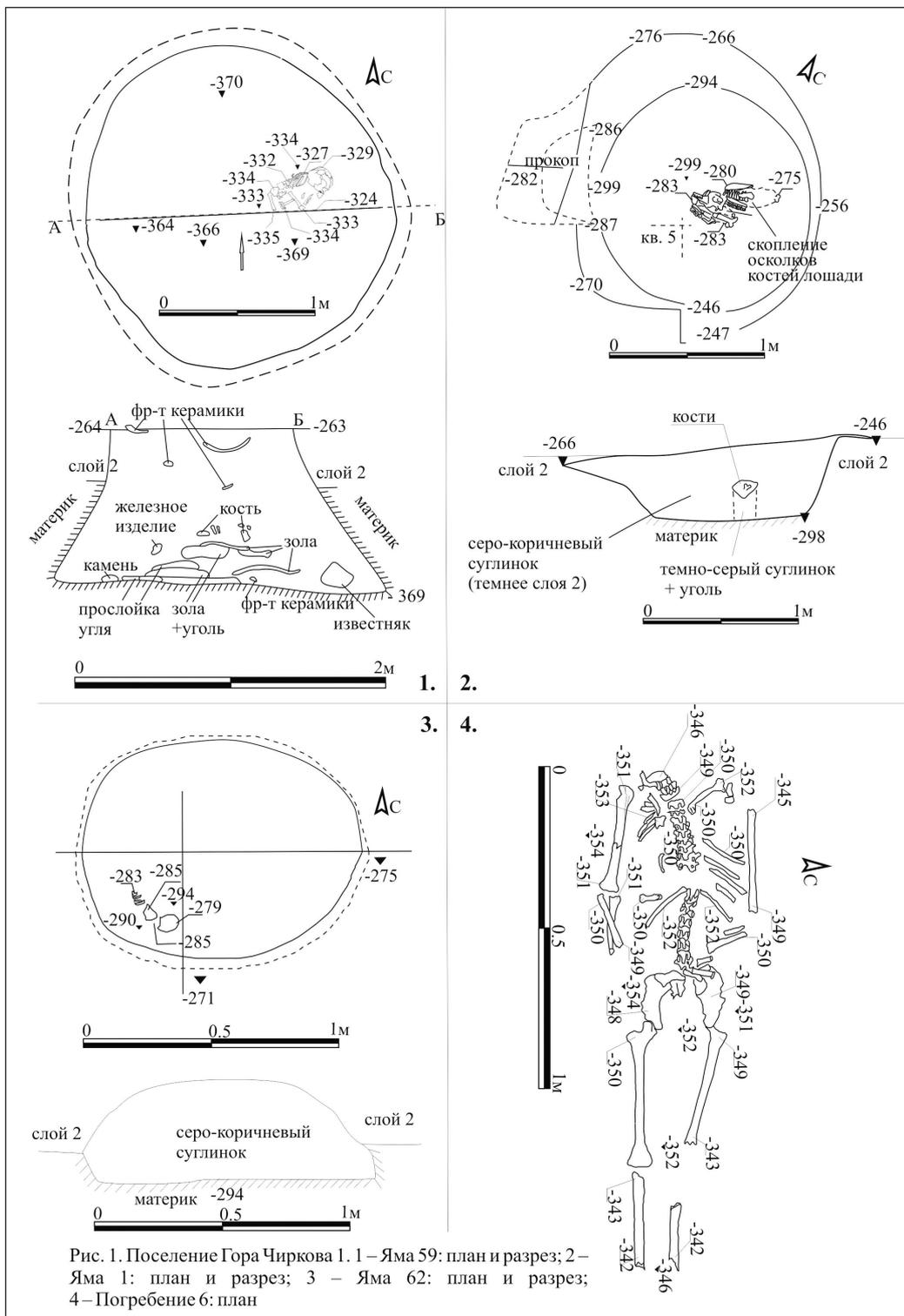

Рис. 1. Поселение Гора Чиркова 1. 1 – Яма 59: план и разрез; 2 – Яма 1: план и разрез; 3 – Яма 62: план и разрез; 4 – Погребение 6: план

Рис. 1. Чертежи археологических объектов и находок из раскопок автора на указанном поселении в 2015 г.

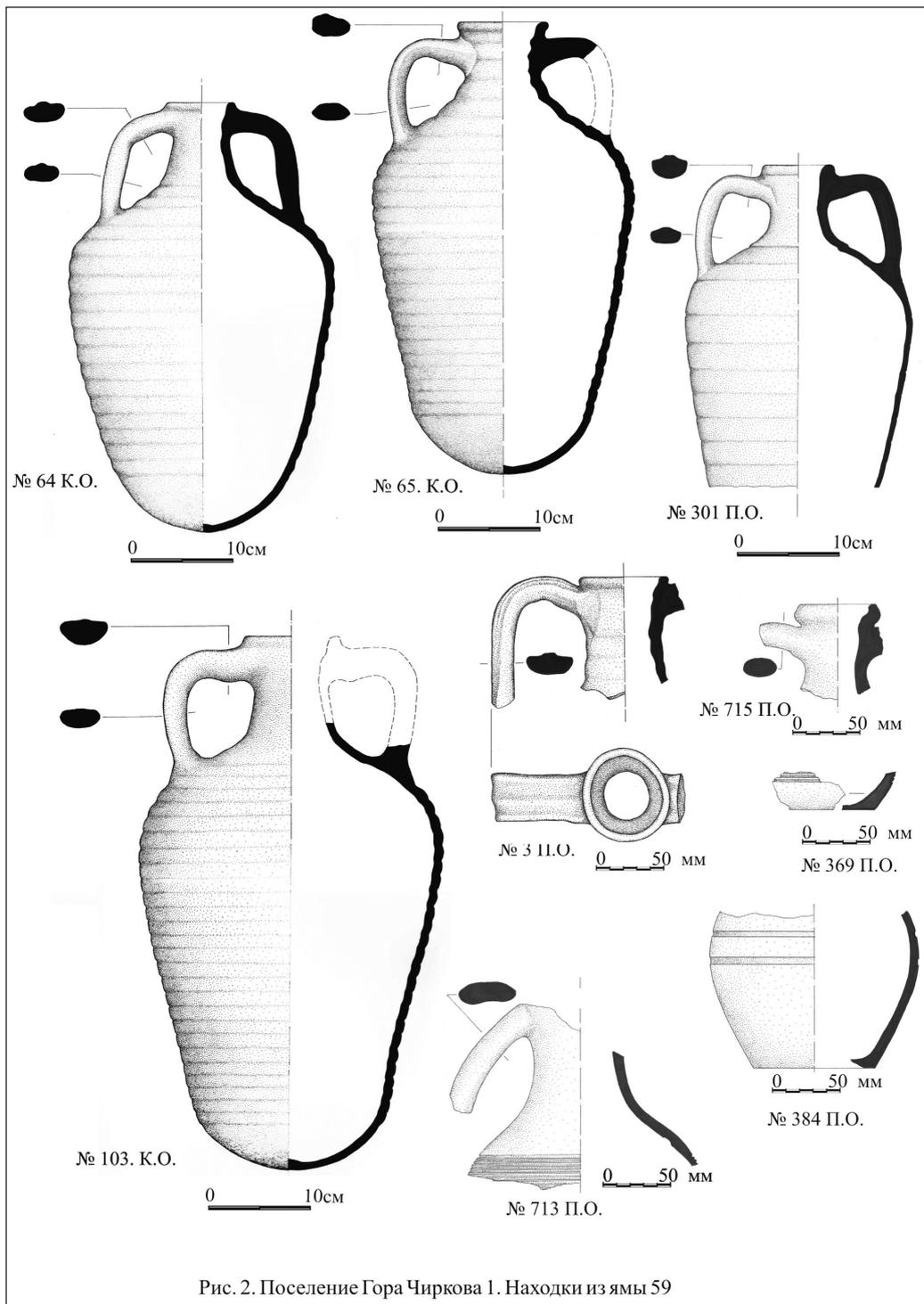

Рис. 2. Чертежи археологических объектов и находок из раскопок автора на указанном поселении в 2015 г.

глубину 1,0 м и заполнена суглинком серо-коричневого оттенка. В нижней части ямы зафиксированы линзы мощностью 0,02–0,08 м, сформированные частицами древесного угля, листовым гумусом и золой.

На глубине 0,61–0,72 м, то есть когда яму уже частично засыпали, в ней было совершено ритуальное погребение ребенка, уложенного на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток. Нижние его конечности согнуты в коленных суставах, правая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кистью под челюстью. Левая верхняя конечность вытянута вдоль туловища. На салтово-маяцких поселениях такие захоронения обнаружены в ямах рядом с жилищами и в производственных комплексах и трактуются, обычно, как ритуальные жертвоприношения [10, с. 277–278, рис. 6; 4, с. 112, 120, 203, рис. 46а; 3, 1991, с. 26–27, 100, рис. 13, 1; 42, 1].

Каких-либо находок при зачистке скелета обнаружено не было. В заполнении ямы найдены четыре фрагментированные причерноморские бороздчатые амфоры (рис. 2, №64 К. О., № 65 К. О. № 103 К. О., № 301 П. О.) [11, с. 43–47, тип II], профильные фрагменты причерноморских амфор (рис. 2, №3 П. О., №715 П. О.), обломок высокогорлого кувшина с плоской ручкой, украшенного в верхней части тулова горизонтальным рифлением (рис. 2, №713 П. О.), профильные фрагменты ойнохой скалистинского типа, оранжевоглиняных столовых сосудов, салтово-маяцких горшков (рис. 2, №369 П. О., №384 П. О.), оранжевоглиняной крышки диаметром 10 см, а также 169 стенок и обломков днищ причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 7 стенок салтово-маяцких сероглиняных лощеных сосудов и 304 стенки салтово-маяцких горшков, значительная часть которых (108 стенок) была орнаментирована горизонтальным рифлением.

Помимо фрагментированной керамики в яме были обнаружены три дис-

ковидных пряслица, изготовленных из камня и хорошо обожженной глины, обломок пирамидального оселка из песчаника, заостренный железный предмет, 31 фрагмент неопределенных коррозированных железных изделий, 14 бесформенных кусков печины и 50 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Благодаря находке фрагмента высокогорлого кувшина с плоской ручкой время совершения ритуального захоронения можно ограничить в пределах второй половины (третьей четверти или конца) IX — первой половины X вв. [11, с. 54–57].

В центральной части раскопа в 17,5 м к северо-западу от ямы 59 была обнаружена **яма 62** (рис. 1, 3). Пятно ее заполнения размерами 0,8×1,1 м выявлено на глубине 1,4 м в материковом плотном желто-коричневом суглинке. В плане она имеет овальную форму, в разрезе — прямоугольную. В отличие от большинства других ям она сохранилась на всю глубину — 0,2 м, а над ее горловиной была прослежена куполообразная насыпь высотой 0,2 м, сформированная серо-коричневым суглинком с включением светло-коричневого суглинка и частиц древесного угля.

На уровне горловины в юго-западной части ямы под тонкой прослойкой золы, древесного угля и крошки печины были зафиксированы остатки ритуального жертвоприношения частей тела мужчины (?), сохранившегося в виде локального скопления диафизов бедренных и берцовых костей, диафизов правой локтевой и лучевой кости, двух ребер и фрагментов черепа. Ниже яму заполнял серо-коричневый суглинок с примесью золы, в котором был найден фрагмент придонной части салтово-маяцкого оранжевоглиняного лощеного сосуда.

Подобного рода комплексы обнаружены на многих памятниках степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры, и, что особенно важно, они встречаются на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова

(Тиритака, Мирмекий, Артезиан, Героевка-2, Эльтиген-Западное, Южно-Чурубашское, Пташкино), географически близких поселению Гора Чиркова 1 [5, с. 103–107; 6, с. 206–216]. Все они, вслед за И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком, могут интерпретироваться как «культовые места... устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному поводу и затем оставленные» [18, 2007, с. 25]. Иными словами, обнаруженные на поселении Гора Чиркова 1 ритуальные ямы, после совершения в них жертвоприношения сразу же засыпались. При этом напомним, что в двух из них были принесены в жертву ребенок и мужчина. В третьей яме ритуальное действие обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству были принесены голова и часть туши лошади. Особо отметим захоронение ребенка (яма 59), ритуалы, с которыми считались наиболее действенными и благоприятными, а поэтому практиковались с глубокой древности многими народами. В некоторых случаях (яма 62) считалось вполне достаточным принести в жертву отдельные части тела человека. При этом большое значение придавалось черепу (голове), культ которого, как полноценного заместителя существа и средоточия жизни, был широко распространен среди салтово-маяцкого населения [1, с. 67]. Далеко не последнее место в «кровавых» ритуалах салтово-маяцкого населения занимали лошади (яма 1), которые, как и у многих других земледельческих народов, связывались с соляным и хтоническим культами. На салтово-маяцких поселениях их хоронили в ямах и домах, причем, как считала С. А. Плетнева, в том числе и в качестве «закладных» жертв и оберегов [3, 1991, с. 104; 4, с. 112–114; 15, с. 67; 8, с. 15].

К сожалению, редко когда удается установить, были ли жертвы умерщвлены насильственно во время обряда (иногда с последующим расчленением) или их смерть наступила до его совершения, в том числе и по естественным

причинам. Вероятнее всего, в зависимости от обстоятельств практиковались оба варианта. Иными словами, ритуальные манипуляции проводились над трупами и живыми людьми и животными, при этом воспринимались они как жертва, способная побудить внимание богов, или умиловительная и благодарственная жертва. Возможно, также они выступали в роли посредника, посланника, сопровождающего или транспортного средства (в случае ритуального захоронения лошади) в потусторонний мир [2, с. 12].

Однако для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры практически не отражены в письменных источниках. Тем не менее, учитывая какую роль в их жизни играло земледелие и животноводство, вполне логично предположить, что большая часть из них была призвана исполнить некие связующие функции между человеческим коллективом и окружающим его миром (природой) и, соответственно, в первую очередь была связана с земледельческими и животноводческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселений не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

Помимо захоронений людей и животных, совершенных в заброшенных хозяйственных ямах, к числу ритуальных комплексов, видимо, относится и **погребение 6** (рис. 1, 4), выявленное в 37 м к ССВ от ямы 62 и в 1,7 м к северу от хозяйственной полуземлянки 73. Пятно его заполнения, прямоугольной в плане формы и размерами 0,6×1,9 м, прослежено на глубине 0,4 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Глубину могильной ямы установить не удалось. Погребенный в ней мужчина был уложен в вытянутом положении на спине головой на запад. Его верхние конечности немного согнуты в локтевых суставах, кисти располагались над тазовыми костями. Кости ниж-

них конечностей немного сведены по направлению к ступням. К сожалению, захоронение оказалось безинвентарным, поэтому датировано оно было на основании стратиграфических данных.

Подобные одиночные захоронения, которые по каким-то причинам были совершены не на территории могильника, а среди жилых или хозяйственных построек, обнаружены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова — Артезиан, Осовины-I и Героевка-6 [7, с. 44–50]. Такие же погребения зафиксированы на многих памятниках основного ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе Недвиговском, Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселениях в окрестностях с. Жовтневое и ст. Богоявленской, Мохнач-II и Нетайловка-2. Их совершали в жилых и хозяйственных сооружениях, в производственных помещениях (в том числе гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с постройками. При этом они отличались не только местом совершения захоронения, но и конструкцией погребальных сооружений, позой и ориентировкой погребенных и степенью сохранности их скелета. Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяснять влиянием различных факторов, в том числе этнической и семейной принадлежностью, половозрастной градацией погребенных, их социальным статусом, и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения. Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах и на территории

поселений были связаны с традициями, сложившимися в рамках сложной системы идеологических представлений того времени. В основной своей массе они, видимо, имели ритуальный характер и совершались в силу различных, иногда тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [14, с. 67; Плетнева, 17, с. 106]. Но каких именно, этот вопрос наверняка будет постоянно оставаться предметом острых дискуссий. При этом нельзя исключать неизвестные нам мотивации и факторы, к тому же, как справедливо заметила С. А. Плетнева, «причины изолированности» этих необычных погребений следует искать применительно к каждому из них отдельно [16, с. 10]. Общим же, у них, как нам кажется, может быть только одно, погребенный на поселении, и, тем более, в жилище, человек наделялся после смерти, или был наделен еще при жизни, каким-то особым статусом или положительными, с точки зрения соплеменников, сакральными силами и общественными качествами. Именно такой человек, будь-то ребенок или мужчина и женщина любой возрастной группы, «удостаивался чести» быть погребенным среди «живых». После смерти, исполняя «последнее обязательство» перед общиной, он должен был обеспечить ее защиту от негативного воздействия потусторонних сил или послужить неким передаточным звеном между божествами и миром «живых». В целом же эта научная тема находится еще «на стадии накопления материала и индивидуального анализа», а поэтому, глубоко и всесторонне не разрабатывалась [9, с. 269; 10, с. 111]. Таким же образом можно охарактеризовать и состояние изучения салтово-маяцких культовых и ритуальных комплексов.

Список сокращений

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры

1. Аксенов В. С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблемы истории та археології України. Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції: до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 р. Харків, 2003. С. 64-67.
2. Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / *ЕРМНЕГ'А 2/. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 11-22.
3. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1991. 192 с.
4. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.
5. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.) // Хазарский альманах. М., 2016а. Т. 14. С. 82-124.
6. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2016б. № 1 (51). С. 186-232.
7. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // Таврические студии. Симферополь, 2016в. № 10. С. 44-50.
8. Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011. Вип. 1. С. 14-20.
9. Колода В. В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 261-272.
10. Колода В. В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11. С. 106-115.
10. Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С. 267-278.
11. Науменко В. Е. Амфоры // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь; Керчь, 2009а. С. 35-50.
12. Науменко В. Е. Высокогорлье кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь; Керчь, 2009б. С. 50-57.
13. Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72-78.
14. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
15. Плетнева С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. М., 2004. № 9 (1069). С. 64-68.
16. Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006. 242 с.
17. Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1990. С. 92-139.
18. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007. 304 с.
19. Сударев Н. И., Кашаев С. В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 471-480.
20. Супренков А. А. Поселение Гора Чиркова 1 — история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 481-485.

The article analyzes the cult complexes of the 8th-10th centuries excavated on the settlement of Mount Chirkov 1 (the Taman Peninsula). They are represented by a single burial and ritual sacrifices of people and animals committed in pits. Sacrifices seem to have been associated with the agricultural and pastoral cult of fruit. Burials in the settlements were made for cultural, religious, political, socio-economic and social reasons.

Keywords: *the Taman Peninsula, the settlement of Mount Chirkov-1, funeral complexes, ritual complexes, a Saltovo-Mayak settlement.*

УДК 902/904

В. П. Толстиков, М. Б. Муратова

**О некоторых особенностях культа Кибелы
в Пантикапее в первые века н. э.
в свете новейших
археологических исследований**

На основе новейших археологических открытий, в статье рассматривается связь культов Кибелы и Гекаты, засвидетельствованных в Пантикапее, по крайней мере с V в. до н.э., но, возможно, привезенных ранними колонистами.

Ключевые слова: *Пантикапей; Боспор; ранняя колонизация; Кибела; Геката.*

В настоящее время, усилия Боспорской археологической экспедиции ГММИ им А. С. Пушкина сосредоточены на северном крае верхнего плато горы Митридат, на Новом Верхнем Митридатском раскопе. С 2014 по 2017 год, в ходе этих работ исследованы культурные напластования, общая мощность которых превышает 7 м. Раскопки были доведены до материка и позволили впервые обнаружить древнейшие архитектурные объекты и мощный археологический слой, насыщенный керамическим материалом. Анализ этого материала, содержащего несколько сот выразительных фрагментов восточно-греческой, хиосской,

протокоринфской, а также негреческой расписной керамики, позволил надежно датировать этот слой — слой пожара и перекрытые им строительные остатки, в пределах последнего десятилетия VII — середины VI вв. до н. э. Среди амфорных фрагментов и обломков восточно-греческой керамики встречено значительное количество образцов, несомненно датируемых последней четвертью VII в. до н. э. Следует особо подчеркнуть, что наряду с ранним восточно-греческим материалом, на Новом Верхнем Митридатском раскопе были найдены фрагменты негреческих сосудов лидийского и фригийского производства. Они могут слу-

жить документальным свидетельством присутствия среди первопоселенцев эллинов-апойков определенного контингента лиц негреческого происхождения: лидийцев и фригийцев. Не исключено, что именно с ними в Пантикапей и на Боспор попал культ Великой Матери Кибелы.

За 72 года работы Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина было открыто три строительных объекта, которые определенно можно отнести к остаткам культовых построек. Первый, это фундамент дворцового храма в антах дорического ордера в резиденции боспорских правителей Спартокидов (раскоп Центральный) [3, с. 83; 4]. Далее, две вырубленные в скальном массиве камеры, с остатками мраморной облицовки, и располагавшемся в нише алтарем-*trapедзой* с посвятительной надписью царевны Сенамотис, дочери скифского царя Скилура, женскому божеству с эпиклезой Дитагойя, прежде никогда не встречавшейся в боспорской и в античной эпиграфике (раскоп Новый Верхний Митридатский) [5; 1]. Третий объект, также обнаруженный на Новом Верхнем Митридатском раскопе в 2016 году и исследуемый в настоящее время, представляет собой северную часть мощного, сложенного из огромных глыб известняка и заглубленного до материка, фундамента храма. Его юго-западная часть уходит в котлован раскопа Раффаэле Скасси, заложенного в 1820-е годы, непосредственно у северного фаса скалы Первого кресла Митридата.

Кроме того, отметим, что помимо этих архитектурных объектов, за многие годы исследования памятника собран довольно значительный фонд эпиграфических документов и археологических источников, позволяющих составить представление о боспорском пантеоне. Насколько можно судить, значительную роль в этом пантеоне играли женские божества Артемида, Геката и Кибела [9, с. 594-595, 601]. Следует упомянуть, что уже с V в. до н. э. в греческом мире

произошло слияние культов Артемиды и Гекаты, что видно из письменных источников [6, с. 171; Aeschylus, *Hiketides*, 676; Euripides, *Phoin.*, 109], а также посвятительными надписями зафиксирован культ Артемиды-Гекаты [6, с. 171, 222]. Кроме того, и в Греции и в Малой Азии прослеживается тесная связь между Артемидой и Кибелой [6, с. 171].

Но вернемся в Пантикапей. Согласно Дюбуа де Монтпере, в 20-е годы XIX века, непосредственно к северу от скального массива, носящего название «Первое Кресла Митридата», по инициативе Раффаэле де Скасси, был заложен раскоп. Из этого раскопа происходят многочисленные детали из мрамора и скульптура сидящей на троне богини Кибелы [7, с. 123]. Это статуарное изображение (Рис. 1) было подарено де Скасси Керченскому музею, а впоследствии в 1851 году поступило в Императорский Эрмитаж, где и находится по сей день [ГЭ: ПАН. 739].

Скульптура выполнена из белого мрамора с голубоватыми прожилками. Богиня представлена сидящей на троне с высокой спинкой; подлокотники были украшены головами баранов над фигурками сидящих сфинксов; под ногами — скамеечка. Справа от трона изображен сидящий лев; слева — прислонен тимпан. На Кибеле надет длиннорукавный подпоясанный хитон ионического типа; на спину накинута гиматий, перекинутый через левое плечо; с правой стороны, конец гиматия проходит под рукой и перекинут через колени. У статуи отсутствует голова, но на плечах сохранились локоны прически; левая рука отсутствует полностью, правая — ниже локтя. Не сохранились и часть правого колена и ноги, а также мыски ступней: эта часть статуи была сделана из отдельно приставленного фрагмента мрамора.

Отметим, что ни чертежей, ни какой-либо научной информации о раскопках де Скасси не сохранилось, ибо велись они, в основном, с целью разыскания «антиков» и так называемых «этрусских ваз», или сокровищ царя Митридата.

Рис. 1. Мраморная статуя Кибелы на троне. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, ПАН. 739. Съемка В. П. Толстикова

В 2016 году была открыта северо-восточная часть основания храма из грубо отесанных глыб известняка, вес некоторых достигает 800 кг. Глыбы уложены в несколько ярусов; в северной части глубина фундамента превышает 4 м (до материка). Прямоугольный фундамент расположен по продольной оси север-восток, юг-запад, и своей юго-западной половиной уходит в котлован раскопа Скасси. С высокой долей вероятности можно предположить, что именно из этого храма происходит статуя Кибелы, и к нему же относятся найденные де Скасси архитектурные детали.

В паре метров к востоку от фундамента храма, в слое его разрушения и выборки, в 2016 году, была обнаружена фрагментированная голова и часть шеи льва и часть архитравного блока. Обращает на себя внимание, что этот архитрав по морфологическим признакам и пропорциям идентичен архитраву, найденному Раффаэле де Скасси.

Особый интерес представляет находка крупного скульптурного фрагмента — части головы льва (Рис. 2). По своим пропорциям и размеру, а также по сколу на тыльной стороне шеи, можно утверждать, что она принадле-

Рис. 2. Фрагментированная голова льва от статуи Кибелы. Керчь, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Съемка В. П. Толстикова

жит статуе Кибелы (Рис. 3). Окончательным, подтверждением тому служат сохранившиеся кончики пальцев кисти правой руки богини на гриве льва.

У пантикапейской статуи, которую следует датировать первыми веками н. э., голова не сохранилась. Согласно предварительной реконструкции, можно предполагать, что голову богини венчала башенная корона (или калаф), а сверху был наброшен гиматий, спускающийся на плечи. Правая рука Кибелы покоилась на голове льва, сидящего у трона, а в левой руке, которая была отведена в сторону, был скипетр. Существует множество аналогий подобного иконографического типа изображения богини, который получает особо широкое распространение в первые века нашей эры [11, с. 138], тем не менее, этот тип известен, по крайней мере, с IV века до н. э. (Рис. 4). Следует отметить, что скипетр, как атрибут Кибелы, изображает возвышение ее статуса до уровня божества, отвечающего также и за государственное устройство (например, скипетр, является традиционным атрибутом Зевса) [11, с. 139].

Несмотря на то, что в пантикапейском изображении Кибелы отсутствует фиала (чаша для возлияний, обычно помещенная в правую руку), тем не менее изображен другой важный предмет её культа, тимпан. Некогда украшенный металлическими накладными элементами, он прислонен сбоку к трону, на котором восседает богиня. В общих чертах, такой тип изображения сидящей Кибелы изначально восходит к статуе конца V в. до н. э., традиционно приписываемой ученику Фидия Агораkritу, которая стояла в Старом Булевтерии на афинской агоре, где хранился государственный архив [6, с. 178; Pliny, *Hist. Nat.* XXXVI. 5. 4].

Изначальные корни культа «Великой Матери» в греческом мире довольно сложно проследить, так как местная Микено-Минойская традиция плотно переплелась с Фригийским культом. С одной стороны, Великая Мать засвидетельствована на Пилосских табличках,

Рис. 3. Мраморная статуя Кибелы на троне, совмещенная с фрагментированной головой льва. Реконструкция В. П. Толстикова

но с другой стороны, анатолийский элемент культа проявился в негреческом имени Кибеба/Кибела [6, с. 177]. Кибела, таким образом, более известна, как Фригийское божество, и малоазийские греки восприняли Фригийский культ Кибелы уже в VII в. до н. э. Вероятно, именно оттуда, из северной Ионии и Кизика, культ богини распространился по всему греческому миру [6, с. 178].

Не совсем понятно, как и когда культ Кибелы попал на Боспор. Тем не менее, она известна здесь уже по крайней мере с V в. до н. э., согласно сохранившемуся посвятившему надписям и граффити [9, с. 601]. Кибела почиталась на Боспоре под именами Кибела, Метер, Ма, «Фригийская Мать», и, возможно, Ангиссе [КБН 27]. Помимо граффити, датирующихся с 5 по 2 вв. до н. э., сохранились также посвятившие надписи на постаментах статуй [КБН 21; КБН 23], датируемые III в. до н. э., они адресованы «Фригийской Матери». Одна из надписей [КБН 21] упоминает жрицу, посвятившую статую, что говорит не просто о почитании Кибелы/Фригийской Матери, а об официальном культе с храмом и жречеством. Вотив-

Рис. 4. Мраморная статуэтка Кибелы на троне. I-II в. н.э.
 Нью-Йорк, Музей Метрополитан, 22.139.24

ные приношения богини — ее небольшие изображения в терракоте и мраморе — зафиксированы с V в. до н. э., а в III в. до н. э. они (особенно терракоты), безусловно, становятся самыми многочисленными.

В первые века нашей эры на Боспоре распространяется иконографический мотив, известный в греческом мире уже с IV в. до н. э., т. е. с эпохи раннего эллинизма: Кибела, сидящая в наиске, с Гермесом и Гекатой (или Артемидой/Гекатой), стоящими по бокам [13, кат. 335]. Сохранилось по крайней мере около пяти подобных рельефов [см., например, 13, кат. 588], что свидетельствует об особой популярности этого иконографического сюжета на Боспоре и о близости между культурами но и, возможно, о взаимосвязи и даже взаимозаменяемости религиозных функций Кибелы, Гермеса и Артемиды-Гекаты [см. 6, с. 200; 10, с. 101]. Во первых, Гермес и Геката оба являются

божествами, отвечающими за пределы/границы/зоны перехода, и потому обладающими редкой способностью легко перемещаться между двумя мирами. Именно в своих ипостасях хтонических божеств они способствовали возвращению Кору Персефоны из Аида на землю к своей матери Деметре.

Культ Гекаты, как и культ Кибелы, изначально не греческий. Он происходит из области Кария в Малой Азии. Интересно, что древние авторы, с классического до поздне-античного периодов часто отождествляли Гекату с другими женскими божествами, включая Мать Богов, т. е. Фригийскую Мать, или Кибелу [8, с. 108, 160; см. также: Euripides, *Hippolytos* 141-44; Polyaeos, *Strategmata* 8. 53. 4; Proclus, *Hymn. Hekat.* 6. 1-2).

Таким образом, вполне возможно, что близость расположения предполагаемого святилища Артемиды-Гекаты-Дитагойи и предполагаемого храма Ки-

белы — не случайна. Возможно также, что они были частью единого культового комплекса.

Интересно отметить, что связь между Кибелой и Гекатой (или Артемидой–Гекатой) прослеживается не только в Пантикапее. Особый интерес для нас представляет статуя Кибелы из Коринфа, датируемая I–II вв. н. э. [12, кат. 457]. Богиня восседает на скале, поставив ноги на лежащего льва. С одной стороны на скале изображена ветка пинии, пастушеский посох и сиринга — атрибуты Аттиса, спутника Кибелы; на другой стороне изображен

гекатейон — троичное изображение Гекаты, изначально ставившееся на перекрестках дорог. Напомним, что фрагмент мраморного гекатейона был найден в святилище Артемиды — Гекаты — Дитагойи, в непосредственной близости от храма. Таким образом, весьма вероятное сосуществование Артемиды–Гекаты и Кибелы на территории Пантикапея на рубеже веков следовало тенденциям, распространенным в эллинском мире, и восходит к традиции, возможно, берущей свое начало от первопоселенцев.

-
1. Виноградов Ю. Г. «Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э.» // Вестник Древней Истории 1, 1987.
 2. Корпус Боспорских Надписей (КБН), под ред. В. В. Струве, В. Ф. Гайдукевича и М. Н. Тихомирова. М., Л.: Наука, 1965.
 3. Толстиков В. П. «Пантикапей — столица Боспора» // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992.
 4. Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. «Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея» // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову. М.: Наука, 1999.
 5. Толстиков В. П. «Святилище на акрополе Пантикапея» // Вестник Древней Истории 1, 1987.
 6. Burkert, W. Greek Religion. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
 7. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour de Caucase. Tome V. Paris: Librairie de Gide, 1843.
 8. Munn M. The Mother of Gods, Athens, and the Tyranny of Asia. Berkeley: University of California Press, 2006.
 9. Muratov M. "The Northern Black Sea: The Case of the Bosporan Kingdom" // Oxford Handbook of Ancient Greek Religion, edited by Esther Eidinow and Julia Kindt. Oxford: Oxford University Press, 2015.
 10. Price S. Religions of the Ancient Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
 11. Tacheva-Hitova M. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia. Leiden: E. J. Brill, 1983.
 12. Vermaseren M. J. Corpus Cultus Cybelae Attidisque (CCCA). Volume II: Graecia atque insulae. Leiden: Brill, 1977.
 13. Vermaseren M. J. Corpus Cultus Cybelae Attidisque (CCCA). Volume VI: Germania, Raetia, Noricum, Pannonia, Dalmatia, Macedonia, Thracia, Moesia, Dacia, Regnum Bospori, Colchis, Scythia et Sarmatia. Leiden: Brill, 1989.

Based on the recent archaeological discoveries, the article explores the connections between the cults of Cybele and Hekate, attested in Pantikapaion at least from the 5th century B.C., but possibly brought into the area by the early colonists.

Keywords: *Pantikapaion; Bosporos; early colonization; Cybele; Hekate.*

УДК 902.2

Н. Ф. Федосеев, Д. В. Бейлин

Охранные исследования некрополя Мирмекия

Статья посвящена охранным исследованиям некрополя Мирмекия. В результате проведенного археологического исследования траншеи водовода на территории земельного участка в г. Керчь, ул. Кирова, 122а было выявлено и исследовано две грунтовые могилы с плитовым перекрытием и одна подбойная могила. Могилы могут датироваться на основании обнаруженного археологического материала III в. до н.э.

Ключевые слова: Мирмекий, некрополь, сосуд, могила, подбой.

Несмотря на многолетние исследования некрополя Мирмекия, обобщающей работы нет до сих пор. Как известно, некрополь городища Мирмекий соединяется с некрополем Пантикапея, один из участков которого располагался вдоль берега моря по направлению к Мирмекию (так называемое Карантинное шоссе, соединявшее город Керчь с новым Карантином). Раскопки некрополя близ Карантинного шоссе проводились в XIX–XX столетиях и носили охранный характер при строительстве жилых и общественных строений.

В 1811 г. в двух верстах от городища инженерные офицеры обнару-

жили гробницу, с уступчатым сводом [9, с. 6-7; 10, с. 54]. В 1834 г. А. Б. Ашиком на городище Мирмекия был открыт склеп с двумя мраморными саркофагами, один из которых украшен был рельефами [1, ч. 2, с. 41]. В 1850 г. возле Мирмекия К. Р. Бегичевым исследован курган с «большим каменным погребом» (склепом) римского времени. В том же году за Новым Карантином лекарем Арпой исследовано 73 могилы [2, письмо IV; 3, с. 297-308; 20; 3, с. 56-63]. В 1863 г. А. Е. Люценко, который раскопал два кургана и большую могильную насыпь [14, с. XII-XIV]. В 1881 г. С. И. Веребрюсов исследовал на некрополе Мирмекия разоренную

гробницу с 9 золотыми бляшками, изображающих медузу Горгону. С 19.05 по 15.06.1886 года был исследован курган за оградой Карантина в 15 гробницах с 34 погребениями гетуэзцев и сплошной могильной насыпи. В 1888 г. исследования некрополя Мирмекия Ф. И. Гроссом и А. А. Бобринским [16, с. ССХV]. В следующем в 1889 году Ф. И. Гросс вправо от шоссеной дороги, ведущей в Карантин, близ городской скотобойни и против сада Чернявского исследовал 64 могилы. Всего найдено 113 предметов, из которых 24 наиболее ценных экземпляра отправлено в Императорскую Археологическую Комиссию [15, с. 10]. В 1896 г. в районе Мирмекия найден христианский известняковый рельеф; могила с золотыми украшениями [23, с. 271. Табл. А, 1, 4; Табл. Б, 5-10]. Позднее К. Е. Думберг (1899) [8, с. 80] и В. В. Шкорпил в 1903 и 1906 гг. провел раскопки на площади между Новым Карантином и металлургическим заводом [21, с. 70 сл.; 22, с. 78 сл.].

В послереволюционные годы некрополь Мирмекия исследовался в 1934 г. [7, с. 140-148], в 1938 году [5, с. 24; 6, с. 142-144, 214-216]. Затем на некрополе Мирмекия проводились спасательные работы под руководством Н. В. Молевой в 1974-1975 гг. [12, с. 328; 11, с. 106-105; 13, с. 73-77]. Архаическому некрополю Мирмекия посвящено также несколько работ А. М. Бутягина [4, с. 35-36]. Несколько больше у нас сведений о некрополе Мирмекия классического периода [см. 17, с. 254-255, 24, р. 819-821]. Раскопки носили эпизодический характер. Общей площадью некрополь не исследовался.

В 1980-е годы при строительстве спортивного стадиона школы №20 (ныне гимназия №1) Мирмекийской экспедицией ИИМКа был исследован поврежденный участок некрополя, следы которого до сих пор читаются с уровня современной дневной поверхности [18; 19].

В 1990-х г. грабителями активно раскапывался участок некрополя,

расположенного в частных домах по улице Кирова в районе школы № 20 и ул. Смержевского, а также по всему частному сектору вплоть до Судоремонтной базы. Грабительские ямы были и на исследуемом участке по адресу ул. Кирова 122А (Рис. 1. 1). Немного западнее этого участка в северной части одного из частных дворов стояло три антропоморфных плиты высотой до 1,7 м.

В конце мая 2016 года был зафиксирован факт повреждения грунтовых могил с плитовым перекрытием котлованом траншеи под укладку коммуникаций для обеспечения частного дома. Земляные работы были остановлены до проведения археологических исследований. К северу от места исследования участка некрополя расположена общеобразовательная школа-гимназия №1 и спортивный стадион школы, где до сих пор видны остатки плитовых могил, исследованных при строительстве комплекса. Территория выявленного участка некрополя расположена в 0,75 км к северо-западу от античного городища Мирмекий.

Траншея расположена в северной части участка (Рис. 1. 2). Северная часть траншеи ориентирована в направлении северо-восток — юго-запад. Южная ее часть ориентирована в направлении восток — запад. Общая длина траншеи составляет порядка 35,9 м. Ширина траншеи — от 0,6 м до 1 м. В ней было выявлено две грунтовые могилы с каменным перекрытием и одна подбойная могила с сырцовым закладом и каменной вымосткой над ним.

Длина северной части траншеи составила 18,30 м, а её максимальная глубина — от 2 м до 2,6 м. Перепад высот между западным и восточным бортом составил от 0,05 м до 0,35 м. Перепад высот в направлении север-юг на описываемом участке траншеи составил порядка 1,5 м. Условная «0» отметка имеет высоту 16.50 от уровня моря.

Стратиграфия траншеи представлена тремя основными слоями: слой гуммированного грунта коричневого цве-

та, содержащего большое количество примеси в виде бытового и строительного мусора последних десятилетий. Слой связан с образованием стихийной свалки мусора после того, как в начале 1990-х годов прошлого века на указанном участке был разрушен дом. Мощность слоя варьируется от 0,1 м до 0,45 м. Это в первую очередь связано с предшествующими освоению участка земляными работами с одной стороны и засыпкой ям мусором с другой.

Ниже слоя гуммированного грунта, прослежен слой суглинистого грунта светло-коричневого оттенка. Слой однородный без видимых ярко выраженных примесей и прослоек. Мощность слоя составляет от 0,8 м до 1,5 м в северной части траншеи. Именно с верхней части этого слоя были впущены могильные ямы.

Подошвой слоя суглинистого грунта светло-коричневого оттенка является слой ожелезненного грунта, насыщенного известняковыми и мергелевыми прослойками. Прослеженная мощность слоя составляет от 0,6 м до 1,2 м в северной части траншеи. Этот слой отчасти являлся дном могильных ям, отчасти, ямы были в него впущены.

Могила 1 (Рис. 1.3; 1.4). Выявлена и исследована в центральной части траншеи в восточном ее борту. Перед началом археологических исследований в восточном борту траншеи отчетливо прослеживалось заполнение грунтовой могилы и фрагменты костей скелета человека. Для исследования могилы в восточном борту траншеи была сделана прирезка размером 1×2 м.

При разборе слоя суглинистого грунта светло-коричневого оттенка, на глубине 0,8 м от уровня современной дневной поверхности и на уровне -216 — -225 от условной «0» отметки было выявлено четыре плоских известняковых слегка подтесанных камня, которые являлись перекрытием грунтовой могилы. Размеры камней

варьировались от 0,1×0,27×0,5 м до 0,12×0,43×0,61 м. Камни были уложены на свою широкую плоскую грань. По длинной оси камни ориентированы в направлении север-юг. Камни перекрывали грунтовую могилу, вырытую в нижней части слоя суглинистого грунта и в верхней границе слоя ожелезненного грунта, насыщенного известняковыми и мергелевыми прослойками, который являлся дном могильной ямы.

Могильная яма сохранилась не полностью. Работой техники при рытье траншеи была разрушена ее западная часть. Несмотря на это, большая часть могилы сохранилась хорошо.

Могила представляет собой вытянутую в направлении запад-восток яму. В плане яма имеет прямоугольные очертания. Углы ямы скруглены как в верхней, так и в нижней ее части. Сохранившаяся длина могилы составляет 1,4 м, при ширине до 0,6 м. Глубина могилы составила 0,23 — 0,25 м. В южной части могильной ямы по всему борту сохранилась ступенька-упор для установки плит перекрытия. Могила была заполнена рыхлым грунтом серого оттенка.

При расчистке заполнения могилы был зафиксирован фрагментированный скелет. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине. Ориентирован скелет в направлении запад-восток, головой на запад. Череп у скелета отсутствовал. Кости верхних конечностей вытянуты вдоль скелета. Кости кисти верхней левой конечности слегка согнуты в суставах и лежат на верхней части левой бедренной кости. Кости правой нижней конечности согнуты в коленном суставе и отведены наружу вправо. По определению антрополога Д. Ю. Пономарева¹ скелет принадлежал ребенку 13-15 лет.

Погребального инвентаря в могиле не выявлено.

Могила 2 (Рис. 2.1; 2.2.) выявлена в северной части траншеи в восточ-

¹ Авторы выражают благодарность эксперту Крымского Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Д. Ю. Пономареву за определение антропологического материала.

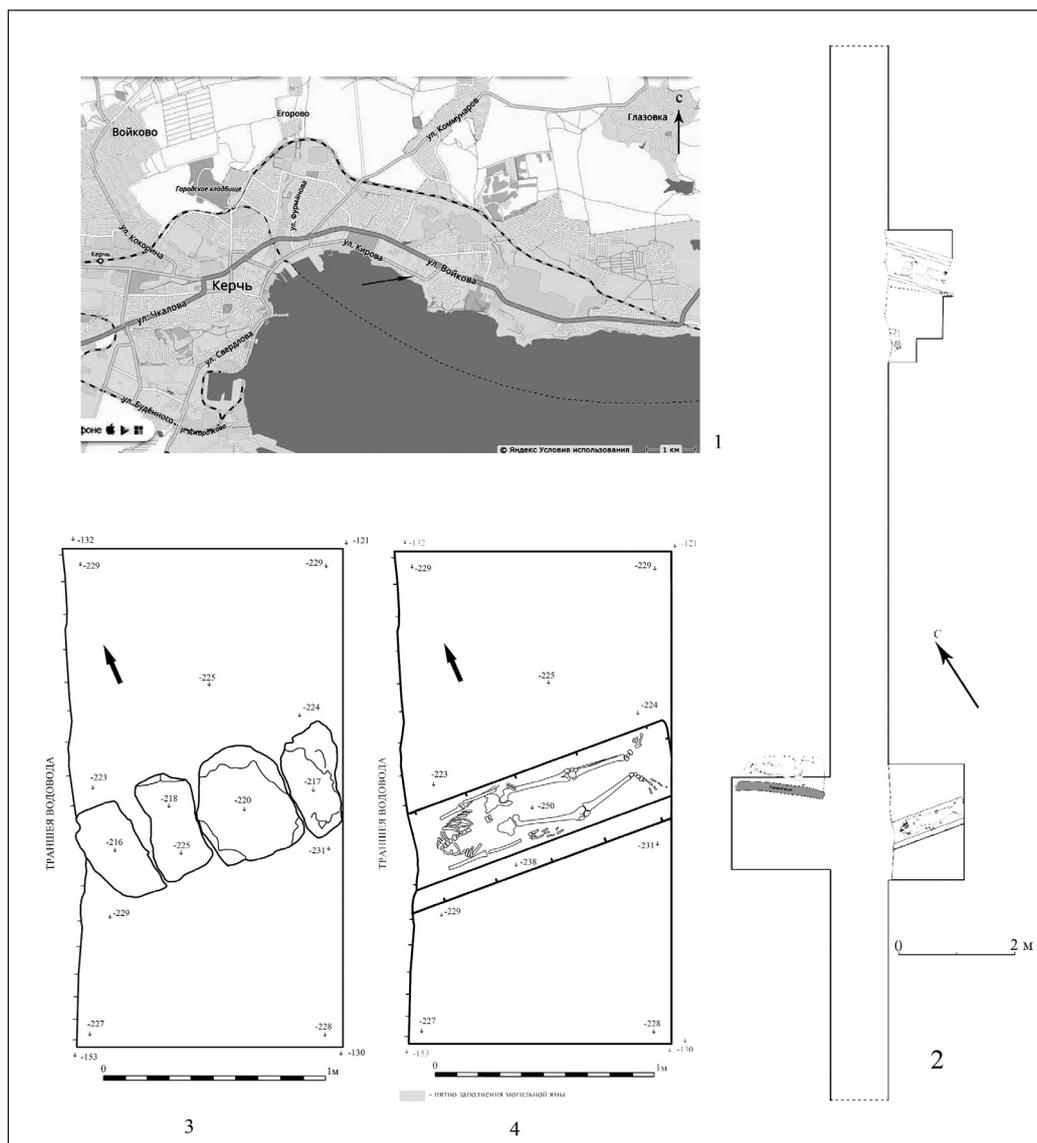

Рис. 1. 1. Ситуационный план г. Керчь с указанием местоположения исследуемого участка по адресу ул. Кирова, 122а. 2. План-схема северной части траншеи водовода и чертежами могил на уровне погребений. 3. Могила №1. План на уровне плит перекрытия. 4. Могила №1. План на уровне зачистки погребения

ном ее борту. При осмотре траншеи отчетливо прослеживалось заполнение прямоугольной в разрезе могильной ямы, перекрытой сверху известняковой плитой.

В земляном отвале и внизу траншеи под могилой 1 были найдены человеческие кости грудной клетки (ребра). Западная часть могилы была разрушена траншеей. В процессе земляных работ в земляном отвале у могилы 2 владельцами участка был найден чернолаковый кувшин с витой ручкой, украшенный гирляндами, нанесенными в стиле гнафия (Рис. 3. 4-5). Сосуд передан в

фонды ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-археологический музей-заповедник».

В восточном борту траншеи была сделана прирезка размером 2,5×1,4 м. На глубине 0,95-1,05 м от уровня современной поверхности и на уровне -157 — -180 от условной «0» отметки была выявлена плоская известняковая плита, которая являлась перекрытием грунтовой могилы. Размеры плиты составили 0,12×0,62×1,04 м. Плита перекрытия была зачищена на уровне -157 — -171 от условной «0» отметки. Плита была расколота, либо расколо-

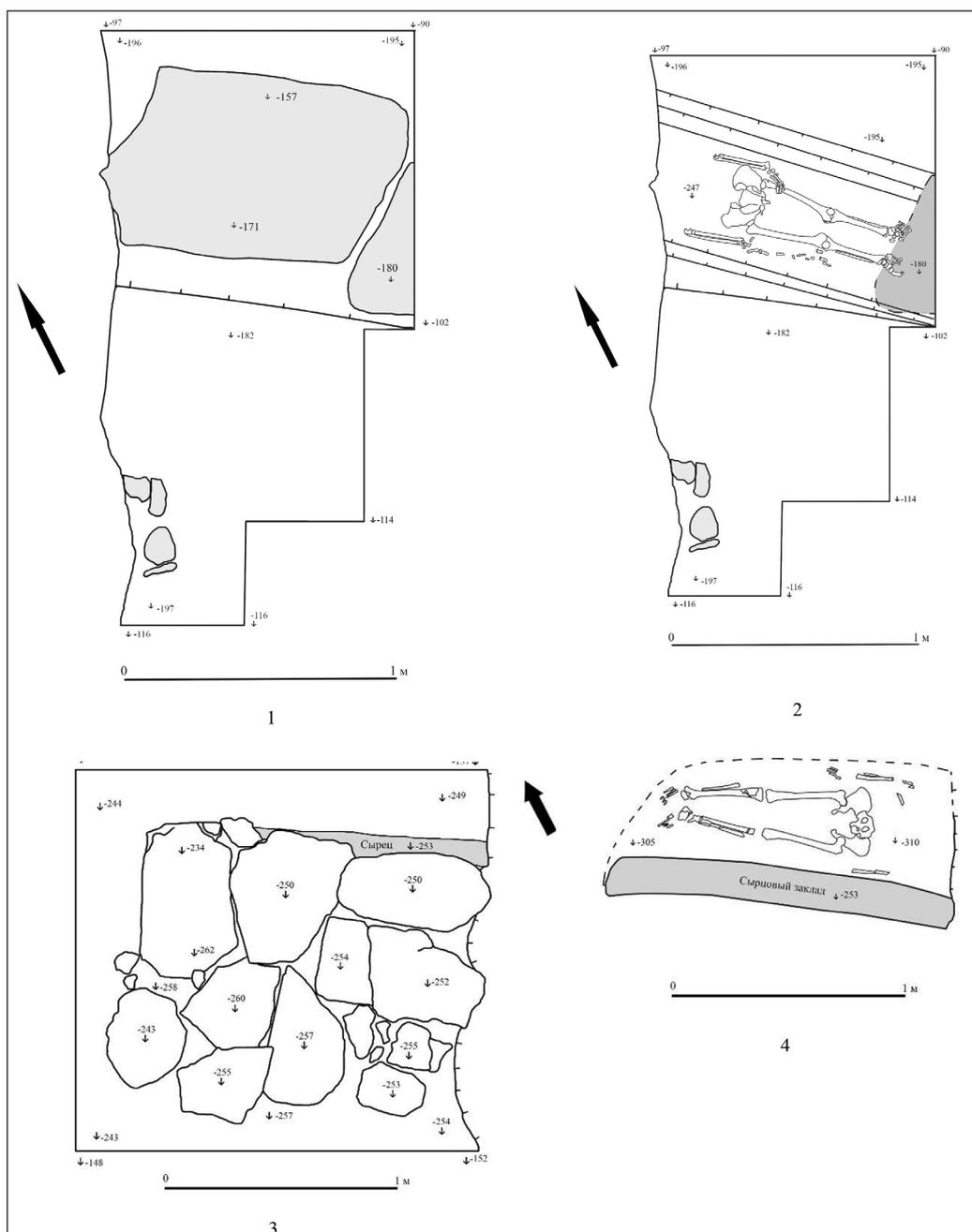

Рис. 2. 1. Могила №2. План на уровне зачистки плит перекрытия могилы. 2. Могила №2. План на уровне зачистки погребения. 3. Могила №3. План плитового перекрытия. Нижний уровень. 4. Могила №3. План погребения.

лась в древности при совершении погребения.

Могила представляет собой вытянутую в направлении запад-восток яму. В плане яма имеет прямоугольные очертания. Углы ямы скруглены как в верхней, так и в нижней сохранившейся ее части. Сохранившаяся длина мо-

гилы составляет 1,42 м, при ширине до 0,68 м в верхней части и 0,52 м по уровню пола могилы. Глубина могилы составила 0,6 м. В южной и северной стенке могильной ямы по всему борту сохранилась ступенька-упор для установки плит перекрытия. Могила была заполнена рыхлым грунтом серо-коричневого оттенка.

² Заключение Д. Ю. Пономарева.

В процессе расчистки грунта заполнения могилы был зачищен фрагментированный скелет мужчины 20-29 лет². Сохранились кости таза, нижних конечностей, и кости правого и левого предплечий с костями кистей рук. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине. Ориентирован скелет в направлении восток-запад, головой на запад. Верхняя часть скелета отсутствовала. Кости верхних конечностей вытянуты вдоль скелета. Кости кисти верхней левой конечности лежат на верхней части левой бедренной кости.

На больших берцовых костях скелета обнаружены адаптационно-компенсаторные изменения, характерные для т. н. голени «всадника». Несмотря на молодой возраст (20-29 лет) у мужчины уже возникли морфологические зафиксированные изменения кости, что несомненно свидетельствует о том, что он с детства, как говорится, не слезал с седла. Рост погребенного 167 см.

Археологического материала выявлено не было.

Не вызывает сомнений, что чернолаковый кувшин, обнаруженный владельцами участка в земляном отвале напротив могилы, принадлежит именно этому погребению. Таким образом, погребение можно датировать первой половиной — серединой III в. до н. э.

Кувшин Н-13,3 см, диам. — 9 см, покрытие чернолаковое, переходящее в бурое, узор жидкой глиной, причем в начале нанесен росписью, затем жидкой глиной [25, fig. 99, 1664; fig. 34, 460-461]. Дата сосуда — 270-260 до н. э.

Могила 3 (Рис. 3. 3-4). Выявлена могила в центральной части траншеи в 1,2 м к западу от могилы 1. Здесь при осмотре траншеи был выявлен угол известняковой плиты. В западном борту траншеи была сделана прирезка размером 1,55×1,7 м. На глубине 1 м от уровня современной дневной поверхности была выявлена площадка из плоских известняковых плит, которые являлись закладом грунтовой подбойной могилы. Размеры плит варьировались от 0,06×0,25×0,28 м до 0,1×0,48×0,65 м. Камни были уложены на свою широкую плоскую грань. Вымощенная известняковыми плитами площадка представляет собой четырехугольную в плане

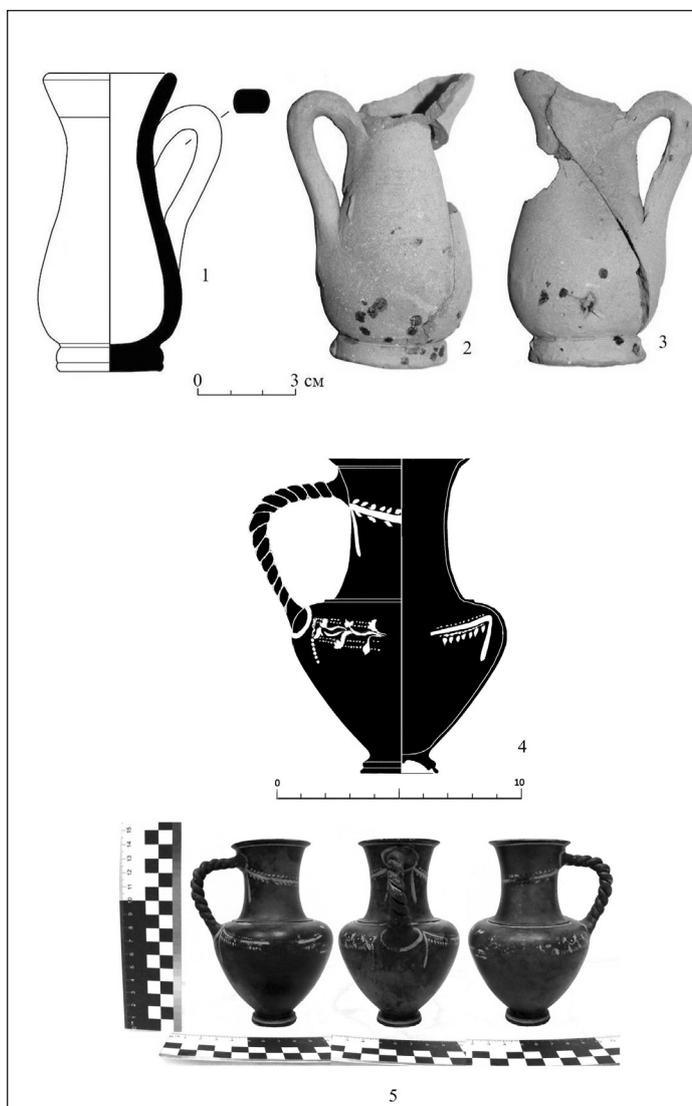

Рис. 3. 1. Могила №3. Миниатюрный кувшин из отвала земли близ котлована могилы. Чертеж. 2-3. Фото. 4-5. Чернолаковый кувшин (чертеж и фото)

конструкцию размерами 1,23×1,47 м. Вымостка была зафиксирована на уровне -242 — -262 от условной «0» отметки и на глубине 1,04 — 1,16 от уровня современной дневной поверхности. После графической и фото фиксации камни перекрытия могилы были сняты. Под плитами вымостки не было обнаружено каких-либо археологических комплексов.

У северного края вымощенной плитами площадки была зачищена сырцовая стенка, которая запечатывала подбойную грунтовую могилу с юго-востока. Ширина стенки-заклада подбойной могилы не превышала 0,12 м. Высота стенки составила 0,52 м. Длина стены составила порядка 1,27 м. В центральной части стена имеет небольшой прогиб в северном направлении.

После снятия сырцовой стены-заклада расчищалась подбойная могила. Заполнение могилы не читалось в западном борту траншеи. Это связано с тем, что часть свода подбойной могилы обвалилась и заполнила собой внутреннее ее пространство. Пол могилы сооружен в материковом грунте (слой ожелезненного грунта, насыщенного известняковыми и мергелевыми прослойками). Длинной осью могила ориентирована в направлении запад-восток. Сохранившаяся длина могилы составила 1,44 м. Ширина могилы составляет от 0,48 м до 0,72 м. Высота

подбойной могилы составила 0,6 м в своей центральной части.

В расчищенной подбойной могиле был зачищен фрагментированный скелет женщины 20-30 лет³. Сохранились кости таза, нижних конечностей, и кости правого и левого предплечий с костями кистей рук. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине в направлении восток-запад, головой на восток. Верхняя часть скелета сохранилась плохо. Череп отсутствовал.

Археологического материала выявлено не было. В земляном отвале напротив могилы был обнаружен миниатюрный красноглиняный одноручный кувшин местного производства, который возможно принадлежит этому погребению (Рис. 3.1-3). Таким образом, погребение можно датировать первой половиной — серединой III в. до н. э.

Таким образом, в результате проведенного археологического исследования (наблюдения) за земляными работами по прокладке траншеи водовода на территории земельного участка в г. Керчь, ул. Кирова, 122а было выявлено и исследовано две грунтовые могилы с плитовым перекрытием и одна подбойная могила. Могилы относятся к некрополю античного городища Мирмекий и могут датироваться на основании обнаруженного археологического материала III в. до н. э.

³ Заключение Д. Ю. Пономарева.

Список сокращений

- АО — Археологические открытия.
ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИТУАК — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии.
КСИА — Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МИА — Материалы по истории и археологии СССР

1. Ашик А. Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. В 3-х частях. Одесса, 1848–1849. Часть 2. 88 с.
2. Ашик А. Б. Часы досуга с привосокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850. IV. 181 с.
3. [Ашик А. Б.] О древних статуях, найденных в последнее время в Керчи — ЖМВД. 1851. № 10. С. 297–308, ил., табл.
4. Бутягин А. М. Архаический некрополь Мирмекия — Проблемы истории и археологии Украины. ТД конф. Харьков, 1999. С. 35–36.
5. Гайдукевич В. Ф. Боспорская экспедиция. КСИИМК. I. 1939. С. 24–26.
6. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–38 гг. Боспорские города, I. МИА. 25. Москва-Ленинград, 1952. С. 135–220.
7. Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г. — Археологические памятники Боспора и Херсонеса. — МИА. 4. Москва-Ленинград, 1941. С. 110–148.
8. Думберг К. Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. — ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80–93.
9. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море — ЗООИД. 4. 1858. С. 3–84.
10. Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь, 1926.
11. Молева Н. В. Группа антропоморфных изваяний из некрополя Мирмекия — «Античный мир и археология». Вып. 3. Саратов, 1977.
12. Молева Н. В. Исследования античного некрополя Мирмекия в Керчи // АО 1974 года. Москва, 1975. С. 328.
13. Молева Н. В. Раскопки некрополя Мирмекия в 1974–75 гг. // КСИА. 168. 1981. С. 73–77.
14. Отчет Археологической комиссии за 1863 г. СПб., 1864.
15. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 год. СПб., 1892.
16. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882–1888 годы. СПб., 1891.
17. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. — ИРАИМК. 1925. VI, 621 с.
18. Чевелев О. Д. Отчет керченской археологической экспедиции за 1984 год. Рукопись. Керчь, 1985 г. — Архив ВКИКМЗ.
19. Чевелев О. Д. Отчет керченской археологической экспедиции за 1991 год. Рукопись. Керчь, 1992 г. — Архив ВКИКМЗ.
20. Шкорпил В. В. Из архива Керченского музея древностей. III. О находке двух древних статуй; IV. Остатки древних сооружений в Керчи и ее окрестностях V. Два склепа со стеной живописью — ИТУАК, 42. 1908. С. 56–72, 89.
21. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках гробниц в городе Керчи и его окрестностях в 1903 г. — ИАК, 17. 1905. С. 1–76.
22. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчи и его окрестностях — ИАК, 30. 1909. С. 51–98.
23. Штерн Э. Р. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи — ЗООИД. 21. отд. I. 1897. С. 271–298.
24. Vinogradov Y. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Y. Myrmekion — Porthmeus. Two “small” towns of Ancient Bosphorus — Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II. p. 803–824.
25. Rotroff S. I. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Athenian Agora XXIX 612 pp, 106 figs, 147 pls.

The article is devoted to security research of the necropolis of Myrmekia. As a result of the archaeological investigation of the trench of the water main on the territory of the land plot in Kerch, ul. Kirova 122a, two soil graves with a slab overlap and one pothole grave were identified and investigated. The graves can be dated on the basis of the discovered archaeological material of the 3rd c. BC.

Keywords: *Myrmecium, necropolis, the vessel, the grave, the underworld*

УДК 902.2

В. А. Хрищановский

Тризна на грунтовых некрополях Боспора (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато и Китейской равнины)

В статье, основанной на материалах многолетних раскопок скальных и грунтовых некрополей Илуратского плато и Китейской равнины представлены описания следов разнообразных тризн IV в. до н. э. — IV в. н. э., сопутствовавших погребениям и составлявших с ними единый погребально-поминальный комплекс.

Ключевые слова: *Тризна, скально-грунтовые некрополи, Илурат, Китей*

Слово «тризна» имеет славянские корни. Не вдаваясь в этимологию [См. например: 9, с. 3-20], можно сказать, что его смысл — «поминовение усопших» [1, с. 840] — всеобщ и универсален. Поминальные обряды являются неотъемлемой частью погребальной практики у многих народов древности, в том числе и у тех, которые в античное время обитали в Боспорском царстве.

Более 60 лет назад Е. Г. Кастанаян опубликовала статью «Обряд тризны в Боспорских курганах» [4, с. 124-138], посвященную следам обрядов тризны, сохранившимся и зафиксированным в ходе археологических раско-

пок в курганах Боспорского царства. Во вступлении она констатировала, что «сведения об остатках этого обряда, сообщаемые археологами, наталкивающими на них в процессе своих работ, по большей части весьма скудны и суммарны», а обряд этот «настолько интересен сам по себе и имеет столь широкое распространение как в курганах Боспора, так и по всему северному Причерноморью в античную эпоху», что заслуживает пристального внимания и изучения [4, с. 124]. При этом Е. Г. Кастанаян сознательно не касалась грунтовых некрополей Боспора, мотивируя это тем, что на рядовых захоронениях массовых городских не-

крополей обряд тризны не представлен так ярко, как в курганах. «Если кое-где в отчетах и встречаются упоминания о следах тризны, то они случайны и редки» — заключает она [4, с. 137].

За прошедшее с тех пор время ситуация изменилась. В ходе многолетних исследований грунтовых и скальных некрополей Илуратского плато и Китейской равнины возле значительного количества погребальных сооружений и в межмогильных промежутках были обнаружены следы поминальных действий (тризны), составлявшие единый погребально-поминальный обряд.

В конце 60-х — начале 70-х гг. на южном (скальном) некрополе Илуратского плато своеобразные «ритуальные площадки» между вырубными могилами и склепами были открыты и описаны М. М. Кублановым. В первом зольнике, площадью до 4 кв. м и мощностью до 0,5 м было найдено множество «бытовых вещей, преднамеренно, по-видимому, разбиваемых». Среди них оказалось 16 фрагментированных краснолаковых тарелок, 22 краснолаковые чашки, 5 краснолаковых блюд, неоплавленные фрагменты 10 стеклянных сосудов и множество оплавленных обломков, фрагменты кружальных кухонных горшков и крышек к ним, лепных горшков, амфор, а также вотивная терракотовая часть руки с чашей, 2 бронзовых ключика от шкатулок, сломанная пряжка, шляпка железного гвоздя. В непосредственной близости (и, по всей вероятности, в контексте того же обряда) от этого зольника, в неглубокой скальной выемке лежал непотревоженный целый скелет лошади. Во втором зольнике, меньших размеров, помимо того, что было в первом, найдены фрагменты сероглиняных ойнохой, ладьевидный светильник, бронзовый шарнир от шкатулки и кремневый отщеп. Под этим зольником было обнаружено захоронение собаки [5, с. 113-114]. Помимо полных костяков животных на ритуальной площадке и в непосредственной близости от неё среди остеологического материала

оказались отдельные кости овцы, зайца, козла и птиц.

Похоже, что жертвоприношениями животных при совершении поминальных обрядов дело не ограничивалось. Так в катакомбе № 37 того же южного скального некрополя римского времени, помимо собственно погребальной камеры и подводящего к ней с запада дромоса, с восточной стороны имелась еще одна пещеровидная камера со сводом, выбранным в скальном массиве, и полом, амфитеатром понижающимся к западу. Перед стенкой, отделяющей эту камеру от погребальной, в скальном полу было вырублено сужающееся книзу воронковидное углубление, глубиной до 0,5 м. Точно над ним лежала нижняя часть костяка человека: позвоночник, тазовые и несколько других человеческих костей. Полуокруг из мелких камешков символически отделял это скопление от другого, где поддавались определению плечевая и локтевая кости. Над костями в грунте заполнения встречались отдельные угольки. Верхняя часть костяка и череп отсутствовали, но и по имеющемуся антропологическому материалу удалось установить, что он принадлежал очень крупному мужчине (Рис. 1). Контекст этой находки не позволяет усомниться в ритуальном характере зафиксированного обряда, возможно, в человеческом жертвоприношении, сопутствующем основному погребению.

Помимо нижней части костяка человека здесь же были найдены отдельные кости лошади, овцы, лисицы, зайца и птиц, которые также свидетельствуют о совершавшихся кровавых жертвоприношениях. Скучный вещевой материал позволяет лишь широко датировать катакомбу № 37 II-III вв. н. э. [6, с. 35].

Следы многочисленных и разнообразных поминальных обрядов неоднократно встречались на разных участках некрополя (или отдельных некрополях) Илуратского плато. В 80-х годах XX века, в противоположной, северной части Илуратского плато, возле разрушенного склепа

№ 52 была обнаружена большая «ритуальная площадка» с многочисленными следами тризн, совершавшихся во II-III вв. н. э. В целом, по структуре, они не отличались от зафиксированных ранее следов тризн на южном участке: зольные пятна, многочисленные (около 10 тысяч) фрагменты амфорной, краснолаковой, красноглиняной и сероглиняной керамики, небольшое количество обломков лепной посуды и стекла (часто оплавленного), целые костяки лошади и собаки, отдельные кости лошади, крупного рогатого скота, мелких парнокопытных, свиньи, собак, черепах, птиц, рыб, обгоревшие зерна ржи, многорядного и двурядного ячменя, мягкой и антикварной пшеницы. Помимо нескольких фрагментов ритуальных терракотовых статуэток (ноги, фалл, головки и детали головных уборов) в северо-западной части площадки была найдена преднамеренно разбитая терракотовая статуя, высотой 62 см — одна из самых больших, найденных в Северном Причерноморье [6, с. 15-20; 12, с. 243-244].

На том же северном грунтовом некрополе между могилами I-II вв. н. э.

были найдены захоронения собаки, черепа и костей ног лошади, несколько жертвенных ям. Их причастность к поминальным обрядам, сопутствовавшим погребениям, не вызывает сомнения [12, с. 245, 247-248; 14, с. 318-328; 15, с. 599-605].

Исследования грунтовых некрополей возле античного города Китея, проводившиеся в последние десятилетия, в свою очередь подтверждают наличие тризн, составляющих важную и неотъемлемую часть погребального ритуала. На западной границе центрального участка скально-грунтового некрополя Китея, в раскопе XX между могилами римского времени (I-III вв.) была открыта ритуальная площадка (3 × 3 м) с зольником. Зольник представлял собой яму неправильной округлой формы диаметром 0,7-1 м, глубиной 0,5-0,6 м (сужается книзу). По краю ямы шло символическое ограждение из одного ряда небольших камней. Сама площадка с юга и востока была ограничена грядой прямоугольных плоских плит и камней. В грунте заполнения над ней, в зольнике и на прилегающих квадратах было найдено 5 700 фрагментов керамики, что намного превышало среднее коли-

Рис. 1. Скальный некрополь Илуратского плато. Катакомба № 37. Следы человеческого жертвоприношения

чество на некрополе. Среди них были фрагменты импортной и боспорской амфорной керамики, чернолаковых, буролоковых и краснолаковых сосудов, расписного лагиноса и «мегарских» чаш, а также обломки красно-, желто-, и сероглиняных кружальных сосудов и лепной посуды (в том числе открытых форм, в пропорциях, не характерных для поселений — наблюдение доктора исторических наук К. К. Марченко). На многих из них имелись пятна нагара.

Наличие 15 граффити на черепках из зольника с монограммами и аббревиатурами «А», «Д» и «ДМ», «I» и «IK», которые, возможно, обозначали посвящения Афродите, Деметре и Иакху (Дионису) или просто в виде косоугольного креста — «X» подтверждают версию о ритуальном (поминальном) характере этого комплекса. Остеологический материал из комплекса был весьма немногочислен: обгоревшие кости зайца и двух коз или овец. Хронологическая вилка найденных здесь вещей и фрагментов широка: IV-III вв. до н. э. — II-III в. н. э. По самому позднему материалу и следует датировать эту тризну. А более ранний, эллинистический, скорее всего, был преднамеренно использован вторично. Этот факт неоднократно засвидетельствован на некрополях Илурата и Китея [17, с. 433-438].

В той же части некрополя Китея была открыта и еще одна площадка округлой формы (диаметр 3,2-3,7 м), оконтуренная рядом небольших необработанных плоских камней. В центре площадки, на 0,5 м ниже уровня обрамляющих её камней было выявлено горелое пятно, неправильной вытянутой формы длиной 1,5 м, шириной от 0,5 до 0,8 м. Мощность слоя золы и углей составляла всего 0,02-0,03 м. В нем находились обожженные морские ракушки, череп овцы или собаки, обгоревшие обломки костей какого-то некрупного животного, зуб овцы или козы. Еще один обгорелый череп и несколько костей могли принадлежать человеку, но сохранность их не позволяет утверждать это безоговорочно.

В северной части площадки, прямо на ограждающих её камнях было обнаружено захоронение собаки. Внутри круга было найдено более 400 фрагментов керамики: импортной и боспорской амфорной, чернолаковой, буролоковой, краснолаковой, обломки «мегарских» чаш, кружальных красно-, желто- и сероглиняных и лепных сосудов.

В отличие от предыдущего ритуального комплекса хронологическая вилка была здесь несколько уже — IV в. до н. э. — I в. н. э. и преобладала позднеэллинистическая керамика.

В последнее десятилетие XX века на юго-западном участке некрополя Китея были открыты и исследованы три элитных эллинистических склепа №№ 141, 206 и 300 [16, с. 182-200], более 40 грунтовых могил IV в. н. э. [18, с. 108-141] и многочисленные и разнообразные следы сопутствовавших им тризн. Наиболее выразительным был ритуальный комплекс, обнаруженный над склепом № 300. Площадка, имевшая форму полуовала, вытянутого в меридиональном направлении (длина — 10 м, ширина — 7,5 м), была ограждена с запада, севера и востока необработанными глыбами известняка, поставленными на ребра (Рис. 2). Внутри ограды по всей площади шел мощный слой засыпки из грунта с большим включением камней и щебня. В центре её открылось округлое пятно, диаметром 2-2,4 м, темно-серого (до черного) цвета. Консистенция грунта внутри пятна менялась от плотного, комковатого до вязкого, маслянистого. Внутри пятна была найдена лобная кость женщины 25-30 лет, надетая на камень. Рядом находились фрагменты ребра и лучевой кости взрослого человека. Помимо этого в грунте заполнения комплекса встречались разрозненные кости коровы, свиньи, овцы или козы, зайца и рыб. В южной части огражденного пространства среди скопления камней выделялся растрескавшийся камень, почти правильной кубической формы (длина грани 0,6-0,65 м), который мог выполнять функцию алтаря.

Рис. 2. Юго-западный участок некрополя Китея. Раскоп XLVI. Ритуальная площадка над склепом № 300

Временной разброс найденного материала — фрагментов импортной (преимущественно гераклейской, южно-понтийской, фасосской) и боспорской керамической тары, чернолаковой, краснолаковой, кружальной и лепной керамики, эллинистической терракотовой статуэткой, мелких обломков стеклянных сосудов — привычно широк: от IV в. до н. э. до III — IV вв. н. э. Нижняя хронологическая граница тризны (или неоднократно совершавшихся тризн) маркируется медной монетой Рескупорида V (даты правления которого 242-276 гг. по Н. А. Фроловой и М. Г. Абрамзону или 318/319-336/337 гг. по В. А. Анохину). В грунте заполнения этого комплекса неоднократно встречались отдельные угольки, скопления раковин виноградных улиток и яйцевидные гальки.

Следы близких по организации, составу и хронологии тризн встречались и в межмогильных промежутках южной половины этого раскопа [10, с. 79-82].

В последние годы в той же юго-западной части китейского некрополя продолжалось исследование грунтового некрополя IV в. н. э. и были открыты новые поминальные комплексы. Восточнее исследованных ранее эллинистических склепов №№ 141, 206, 300 и грунтового склепа позднерим-

ского времени № 344, в зоне береговой абразии был заложен еще один раскоп, получивший порядковый номер XLVI. Через шесть лет он приобрел форму правильного прямоугольника (10 x 20 м). В раскопе были обнаружены три грунтовые могилы (№№ 382, 384 и 386), несколько жертвенных ям (№№ 377-379, 381, 383, 385), ритуальный комплекс № 380 и захоронение лошади.

Все перечисленные выше объекты были перекрыты общей насыпью из серо-желтого рассыпчатого суглинка, которая имела форму вала, шириной более 20 м, высотой до 2 м, вытянутого в меридиональном направлении. Южная оконечность вала (вместе с частью высокого обрывистого берега и, всем, что на нем находилось) к настоящему времени разрушена интенсивной береговой абразией. Но в северном направлении вал отчетливо прослеживается не менее, чем на 80 м. Возможно, такие же насыпи имелись и над исследованными ранее эллинистическими склепами №№ 141, 206, 300 и над позднеримским склепом № 344, а общее количество заметных на этом участке (к западу от западной крепостной стены Китея) параллельных друг другу «валов», вытянутых с юга на север, насчитывает более двух десятков.

Самым монументальным сооружением, обнаруженным под насыпью в раскопе XLVI, оказался ритуальный комплекс № 380. Он представлял собой подпрямоугольное в плане сооружение, вытянутое с юга на север (с небольшим отклонением к востоку). Длина его — 5,2-5,7 м, ширина — 2,8 м. Стены сооружения сложены иррегулярной постелистой кладкой в 2-3 слоя из уплощенных разнокалиберных камней. Можно предположить, что почти по всему периметру они сохранились на свою первоначальную высоту — 0,8-1 м. Внутри огражденного пространства, в середине комплекса, находилась круглая в плане яма, диаметром около 1,8 м. Глубина ямы 1,7 м. На дне ее оказался дисковидный алтарь-жертвенник, вырезанный из известняка. Обнаруженные в грунте заполнения над комплексом № 380 многочисленные фрагменты амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, расписного лагиноса, кружальных и лепных сосудов широко датируются тем же временем, что и материал из предыдущего раскопа — IV в. до н. э. — IV в. н. э.

В юго-западном углу ритуального сооружения № 380, на уровне пола была обнаружена *in situ* верхняя часть лепного горшка. Внутри него, на заполнявшем его грунте лежала кость животного. На уровне пола (древнего горизонта), преобладал материал позднеримского времени, представленный преимущественно обломками светлоглиняных и красноглиняных амфор с реберчатым туловом и лепных сосудов.

С внешней стороны сооружения, за юго-восточным углом было найдено плохо сохранившееся конское захоронение. При этом, к костяку оказалось приставлено скульптурное изображение головы лошади, вырезанное из мергеля [7, с. 703-705].

За северо-западным углом ритуального комплекса № 380 были открыты и исследованы три непо потревоженные грунтовые могилы, перекрытые плитами известняка №№ 382, 384 и детская

безынвентарная № 386, [18, с. 122-123, рис. 11-12]. Как и большинство погребальных комплексов, открытых на этом участке некрополя, они имели меридиональную ориентацию. Есть все основания полагать, что эти могилы образуют единый погребально-поминальный комплекс с расположенными в непосредственной близости с ними тризнами.

В насыпи, перекрывающей погребально-поминальные комплексы и на уровне древнего горизонта (вне могил №№ 382 и 384) кости человека встречались крайне редко и могут быть отнесены к случайным находкам. Зато и в насыпи, и на полу комплекса № 380 в изобилии были представлены кости животных как целых особей (лошади), так и их отдельных частей: лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, зайца-русака, а также птиц, дельфина, рыб и клешни краба.

Помимо синхронных следов жертвоприношений животных в раскопе XLVI содержалось большое количество разновременного материала с зафиксированной ранее на этом участке некрополя хронологической вилкой: IV в. до н. э. — IV в. н. э. Эллинистический материал IV-II вв. до н. э. был представлен довольно многочисленными фрагментами (в том числе с клеймами) импортной амфорной керамики (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа, Родос), обломками расписных, чернолаковых сосудов (на некоторых из них имелись граффито), терракотовыми статуэтками и раннеэллинистической медной пантикапейской монетой (Л. с. Голова бородатого сатира. О. с. стерта), условно датирующейся ок. 310 — 304 гг. до н. э. Скорее всего, эти вещи были взяты из эллинистических склепов расположенных поблизости (к тому времени, по всей вероятности, уже разрушенных и разграбленных). В меньшем количестве присутствовал материал I в. до н. э. — II в. н. э.: фрагменты амфоры, расписной керамики, краснолаковых сосудов, медная пантикапейская монета, по ближайшей ана-

логии (Л. с. Голова Аполлона вправо. О. с. Пасущийся Пегас влево), датирующаяся ок. 47-37 гг. до н. э. Среди амфорных клейм этого времени заслуживает упоминания редкое для Северного Причерноморья римское клеймо VISELL[I] [8, с. 100-107].

Самыми поздними, синхронными погребениям в могилах №№ 382 и 384, в этом раскопе были развалы красноглиняных амфор с реберчатыми стенками, зафиксированные *in situ* на уровне древнего горизонта. По сохранившимся нижним частям, без полного профиля они не могут быть точно атрибутированы. Но их нижняя граница — вторая половина III в. н. э. — IV в. н. э.

Общее количество и местонахождение гораздо более ранних «асинхронных» вещей, могут свидетельствовать о том, что эти «чужие» вещи были преднамеренно, собраны, принесены и вторично использованы в погребально-поминальных обрядах в конце III-IV вв. н. э. Косвенным подтверждением высказанного предположения является то, что многие фрагменты амфор с клеймами, как будто специально, сколоты или обломаны, а некоторые клейма находились на окатышах и, по всей вероятности, как многочисленные гальки и створки раковин, были подобраны в море или на берегу, на значительном удалении от места находки. Кроме того, помимо эллинистических вещей здесь, так же как и в предыдущем раскопе, оказались (вряд ли случайно) каменные орудия труда и «отходы» их производства (обломок топора, кремневый нож, кремневые отщепы).

В последнем из раскопов юго-западного участка некрополя Китея — XLVII, заложенном в 2016 году, в скоплении керамических остатков (тризне?) также преобладали стенки красноглиняных реберчатых амфор. Но среди них оказались и два горла с венчиками светлоглиняных толстостенных, надежно датирующихся концом III — IV вв. н. э. [2, с. 121-122, табл. 104a] и фрагмент венчика амфоры типа SNP 1 («Делакеу»), распространенной в то

же время [3, с. 192, рис. 3,1,] что подтверждает предварительную датировку и всех поздних погребально-поминальных действий на юго-западном участке китейского некрополя.

На некрополях Китея, как и на некрополях Илуратского плато, были зафиксированы не только следы «коллективных» тризн, не имеющих точной привязки к той или иной могиле, тому или иному склепу, но и «индивидуальных» поминальных обрядов. Наиболее выразительные из них — эллинистические жертвенные ямы: № 277 (с впускным в неё погребением воина с копьем IV в. н. э.) [11, с. 146-154] и ямы №№ 334-335 [13, 2003, с. 167—169] открытые возле дромоса склепа № 300.

В центральной части некрополя Китея, возле вырубной могилы № 268, предположительно сооружённой в эллинистическое время и вторично использованной в римское, была обнаружена эсхара, предназначенная, судя по археологическому контексту, для индивидуальных поминальных действий. Эсхара представляла собой подпрямоугольную плитку известняка (длина 0,5-0,55 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,07-0,1 м), ориентированную длинной стороной по оси юго-запад — северо-восток. В середине этой плитки было вырублено прямоугольное углубление (длиной 0,15 м, шириной — 0,13-0,11 м, глубиной — 0,03-0,05 м), ориентированное также как и могила — с юго-запада на северо-восток. Посреди этого углубления была вырублена вытянутая так же сквозная щель (длиной — 0,05 м., шириной — 0,01 м, глубиной — 0,01-0,02 м). Под углы плитки для выравнивания были подложены несколько небольших камней. Сверху углубление на эсхаре было аккуратно закрыто другой прямоугольной плиткой известняка (0,35 x 0,18 м, толщина — 0,08-0,1 м), ориентированной также, как и углубление [19, р. 404, ill. 14-17]. То что на эсхаре лежала плитка подтверждает предположение о том, что после совершения тризны или поминального обряда жертвенная яма

или эсхара должны были быть засыпаны или закрыты.

Таким образом, на скальных и грунтовых некрополях Илуратского плато и Китейской равнины удалось зафиксировать и исследовать следы многочисленных тризн. Для их отправления использовались специально выстроенные ритуальные сооружения, организованные в межмогильных промежутках ритуальные площадки, выкопанные возле могил жертвенные ямы или вырубленные из известняка эсары.

Помимо сопутствующих погребально-поминальным обрядам захоронений животных (лошадей и собак) и принесения в жертву домашних и диких животных, птиц и рыб, возможно, совершались и человеческие жертвоприношения.

Подавляющее большинство открытых следов поминальных обрядов относится к римскому (I-III вв.) или поздне-римскому (IV в. н. э.) времени. Но есть комплексы, относящиеся к более раннему, эллинистическому.

В целом, на основании данных, собранных в ходе раскопок скальных и грунтовых некрополей возле боспорских городов Илурата и Китея, можно заключить, что на них, так же, как и в курганных некрополях Боспора, имеются достаточно многочисленные следы поминальных тризн, представляющих большой интерес для реконструкции погребальных обрядов и мировоззрения населения Боспорского царства.

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. — СПб-М, изд-во т-ва М. О. Вольф, 1909 — с. 840-841.

2. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА, 83. — М: Изд-во АН СССР, 1960 — 179 с.

3. Зубарев В. Г., Шапцев М. С. Комплекс с амфорами типа SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // Боспорские чтения XV. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014 — с. 190-196.

4. Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах // Советская археология XIV — М-Л, изд-во АН СССР, 1950 — с. 124-138.

5. Кубланов М. М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научных трудов. — Л., изд. ГМИР и А, 1983 — с. 96-129.

6. Кубланов М. М., Хршановский В. А. Некрополь Илурата. Раскопки 1984-1988 годов // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Сб. научных трудов. — Л., изд. ГМИР и А, 1989 — с. 6-42.

7. Кучеревская Н. Л. О консервации скульптуры из осадочных камнеподобных пород // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. — СПб, изд-во «Нестор-история», 2013 — с. 703-705.

8. Павличенко Н. А. Находка римского клейма в Китее // ФИДИТИЯ. Памяти Ю. В. Андреева. — СПб, изд-во «Дмитрий Буланин», 2013 — с. 108-110.

9. Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. TRIZNA и др.) // Этимология-77. Под ред. О. Н. Трубачева. — М., изд-во «Наука», 1979 — с. 3-20.

10. Тульпе И. А., Хршановский В. А. Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная научная конференция. Тезисы докладов. — СПб, изд-во Государственного Эрмитажа, 1999 — с. 78-83.

11. Тульпе И. А., Хршановский В. А. Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. — СПб, изд-во Государственного Эрмитажа, 2001 — с. 146-154.

12. Хршановский В. А. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. — IV в. н. э. (по материалам археологических раскопок Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. — М., изд-во «Языки русской культуры», 2000 — с. 241-252.

13. Хршановский В. А. Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества. Вып. 8. Межвузовский сб. научных трудов. — Нижний Новгород, изд-во Нижегородского университета, 2003 — с. 162-176.

14. Хршановский В. А. Грунтовые жертвенные ямы на некрополе Илурата // БЧ VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007, с. 318-328.

15. Хршановский В. А. Погребально-поминальные комплексы второй половины I — первой половины II вв. н. э. на некрополе Илурата // Древности Боспора. Т. 14. — М., изд. Дом «Триумф принт», 2010 — с. 583-609.

16. Хршановский В. А. Элитные эллинистические склепы IV-III вв. н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. Вып. 2. Сб. научных статей. — Нижний Новгород, изд-во Нижегородского университета, 2013 — с. 182-200.

17. Хршановский В. А. Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илуратского плато) // БЧ XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014, с. 433-438.

18. Хршановский В. А. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992-2013 гг.) // Культурный слой. Вып. 4. Сб. научных статей. — Нижний Новгород, изд-во Нижегородского университета, 2016 — с. 108-141.

19. Khrshanjvskiy V. Ritual Constructions in the Necropolies of Small Cimmerian Bosphorus Towns of Kytaiia and Iluraton // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Ed. By E. K. Petropoulos and A. Maslennikov. — Thessaloniki, Publishing Hous Kyriakidis Brothers S. A., 2010 — P. 399-416.

Summary: The article based on the results of the long-term excavations of rock and soil necropoleis held on the Ilouraton plateau and the Cyta flatland presents various funeral repast traces dating back to the period from 4th century BCE to 4th century CE. These commemorative rituals accompanied the burial ceremonies, and together with the tombs their archaeological remnants make up a single burial and memorial complex.

Keywords: *Funeral repast places; rock and soil necropoleis; Ilouraton; Cyta*

УДК 902+94(37)+94(38)

О. В. Шаров, Л. А. Соколова

Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015-2016 гг.

В статье рассмотрены предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края 2015-2016 гг. Раскопки дали совершенно неожиданные результаты и изменили представление об эталонном памятнике археологии федерального значения. Нами исследованы комплексы трех периодов: эпохи поздней бронзы— раннего железа (XII-VIII — VII вв. до н. э.), эпохи раннего эллинизма (IV-III вв. до н. э.) и раннеримской эпохи (середина I в. до н.э. — I в. н. э.).

Ключевые слова: *поселение, античность, поздняя бронза, эллинизм, римское время.*

Резюме

Поселение Ильич-1, исследованное в 2015-2016 гг. экспедициями ИИМК РАН (Санкт-Петербург), ИА РАН (Москва) и АНО «НИЦ» (Саратов), расположено вокруг знаменитого памятника археологии — Ильичевского городища. Ильичевское городище располагается у северо-восточной окраины пос. Ильич, примерно в 2 км к северо-востоку от начала косы Чушки и около 0,5 км от современного берегового обрыва [высота 35 м над уровнем моря]. Вместе с городищем поселение Ильич-1 является памятником федерального значения, обозначенным в государственном реестре под № 3337, как «Городище и

поселение «Ильичевка». Большая часть исследуемого материала и большинство объектов раскопа «Берег-IV» относятся к узкому хронологическому периоду (середина I в. до н. э. — I половина I в. н. э.). Это материалы, происходящие из раскопок большой античной усадьбы, площадью около 450 м² и из раскопок трех виноделен, одна из которых была частично исследована в 1993 г. археологической экспедицией Таманского музея под руководством Э. Р. Устаевой. Также к этой эпохе относится 225 объектов хозяйственного и производственного назначения.

Помимо этого, нами был впервые исследован и ряд комплексов эпохи

эллинизма IV–II вв. до н. э. К ним относятся материалы двух зольников, четырех погребений младенцев в амфорах и 5 хозяйственных ям. Наиболее интересный материал для нашей темы дали два зольника, откуда происходит подавляющее большинство амфорной тары эпохи эллинизма, большая часть которой имеют клейма.

Самым неожиданным было открытие комплексов эпохи поздней бронзы — раннего железа. В. С. Бочкарев отнёс их к сабатиновской культуре XII–X вв. до н. э., а к протомеотской эпохе лишь два лепных сосуда: ковш с высокой ручкой и лепную кружку с выступом на ручке.

Можно выделить следующие типы открытых нами сооружений:

1. каменные колодцы (объекты №№ 55, 76D, 226, 220, 145, 192);

2. ямы глубиной до 5–6 м диаметром до 6–10 м (объекты № 67, 153, 164, 188–189, 194–194A) неизвестного назначения;

3. каменное сооружение — «водохранилище», примыкающее к каменному колодцу (объекты №№ 45A–E и 192).

Таким образом, в результате раскопок у пос. Ильич было открыто новое поселение эпохи поздней бронзы — раннего железа, где представлены объекты, связанные с водоснабжением значительной территории. Вполне вероятно, что большие ямы, вырубленные в слое железистого песчаника (тип 2) также служили резервуарами для воды, так как на их дне прослежен слой черной илистой глины. Открытые нами на Тамани комплексы, дают новые данные о картине обитания Таманского полуострова в догреческую эпоху и говорят о весьма высоком уровне развития материальной культуры местного населения.

Together with the hillfort, the Ilyich-1 settlement is a monument of federal significance, designated in the state register under No 3337 as "Ancient hillfort and settlement "Ilyichevka". Most part of the studied material and the majority of the objects from the excavation site "Cost-IV"

belong to a narrow chronological period (the middle of the 1st century BC — 1 half of the 1st century AD). These materials coming from excavation site of a large antique manor, with an area of about 450 m². As well as from excavations of three wineries, one of which was partially explored in 1993 by the archaeological expedition of the Taman' Museum under the direction of E. R. Ustaeva. Also 225 objects of economic and industrial purpose belong to this era.

In addition, we also studied for the first time a number of Hellenistic complexes of the 4th–2nd centuries BC. These include the materials of two ash plows, four burials of babies in amphorae and five household pits. The most interesting material was given by two ash hill, with the overwhelming majority of the amphora rare of the Hellenistic era, most of which have seal.

The most unexpected was the discovery of late bronze-early iron complexes, which were related by V. S. Bochkarev to the Sabatin culture of the 12th–10th centuries BC. And only two molded vessels were related to the proto-Meothian era: a ladle with a high handle and a molded mug with ledge on handle.

We can distinguish the following types of structures that we have discovered:

1. Stone wells (facilities Nos. 55, 76D, 226, 220, 145, 192);

2. Pits with a depth of up to 5–6 m in diameter up to 6–10 m (objects No. 67, 153, 164, 188–189, 194–194A) of unknown purpose;

3. stone structure — "reservoir", adjacent to the stone well (facilities number 45A–E and 192).

Thus, as a result of excavations near the villagelyich, a new settlement of the Late Bronze Age — Early Iron Age was discovered, where were represented objects, associated with the water supply of a large area. It is likely that large pits, curved in the layer of ferruginous sandstone (type 2) also served as reservoirs for water, since a layer of black silt clay was traced on their bottom. The complexes discovered by us on the Taman give new data on the picture

of the habitation of the Taman Peninsula in the pre-Greek era and indicate a very high level of development of the material culture of the local population.

Основной текст

Поселение Ильич-1, исследованное в 2015-2016 гг. экспедициями ИИМК РАН (Санкт-Петербург), ИА РАН (Москва) и АНО «НИЦ» (Саратов), расположено вокруг знаменитого памятника археологии — Ильичевского городища. Ильичевское городище располагается у северо-восточной окраины пос. Ильич, примерно в 2 км к северо-востоку от начала косы Чушки и около 0,5 км от современного берегового обрыва [высота 35 м над уровнем моря]. Вместе с городищем поселение Ильич-1 является памятником федерального значения, обозначенным в государственном реестре под № 3337, как «Городище и поселение «Ильичевка». Памятник археологии «Городище и поселение «Ильичевка» в пределах, определенных Я. М. Паромовым [7, с. 98] по распространению подъемного материала, охватывает площадь около 42 га. Ядром памятника является крепость, появившаяся около рубежа нашей эры. Вокруг нее, в пределах, обозначенных земляным валом, располагалось поселение I–II вв. н. э.

По данным Э. Я. Николаевой, перед валами обнаружить рвы не удалось, «однако к востоку от городища Н. И. Сокольским обнаружены остатки рва, т. е. внешней системы укреплений, защищающей поселение от нападения с суши, из глубины острова» [5, с. 88; 6, с. 136]. За пределами этого вала к югу и юго-востоку выявлена хозяйственная периферия поселения. Площадь поселения Ильич-1, включая и ближнюю хозяйственную зону, оценена Э. Я. Николаевой [4, с. 376] около 6,5 га. Помимо того, в рамках границ «памятника», очерченной по подъемным материалам, оказались раскопанные хозяйственные комплексы в 0,5 км к западу от городища (раскопы «Берег-I» и «Берег-III»).

На раскопе «Берег I» под руководством Э. Р. Устаевой в ходе археологических работ 1993 г. была открыта часть винодельческого комплекса, от которого сохранилась одна давальная площадка полностью, вторая частично и одна цистерна, примыкавшая к площадке № 1. В южной части раскопа были открыты каменные кладки, служившие фундаментами сырцовых стен. Протяженность сохранившейся кладки—15 м, ширина—0,70 м, максимальная высота—0,35 м. Основания стен комплекса сложены из камней плитняка, булыжника и песчаника. Открыты участки вымостки двора из крупных каменных плит. Комплекс был, к сожалению, сильно разрушен. Находки из слоя, в котором открыты строительные остатки винодельни, относятся ко времени I в. до н. э. — I в. н. э. [9, с. 25 — 33].

На раскопе «Берег-III» под руководством А. А. Завойкина в 1996-1997 гг. [1, 2], были открыты остатки жилого и хозяйственного строений первой половины I в. н. э., определяемого как приусадебное строение. Оно было построено на невысоком каменном цоколе [не более 3–4 рядов]. Верхние части стен, по-видимому, сложены были из сырцового кирпича.

Комплекс позднейших находок, по мнению А. А. Завойкина, заставляет отнести гибель постройки к периоду междуусобной борьбы сыновей Аспурга — Митридата VIII и Котиса I, то есть к 40-м гг. I в. н. э. [2, с. 32].

Именно в западной части поселения, на высоком берегу Керченского залива, и был заложен раскоп «Берег-IV» общей площадью 5675 м.

Следует отметить, что на поселении Ильич-1, до раскопок 2015–2016 гг., амфорные материалы эпохи классики и эллинизма встречались лишь эпизодически и были единичными находками, как и монеты боспорской чеканки IV–II вв. до н. э., зафиксированные ранее лишь на раскопе «Берег-I».

Большая часть исследуемого материала и большинство объектов рас-

копа «Берег-IV» относятся к узкому хронологическому периоду (середина I в. до н. э. — 1 половина I в. н. э.) (Рис. 1). Это материалы, происходящие из раскопок большой античной усадьбы, площадью около 450 м² и из раскопок трех виноделен, одна из которых была частично исследована в 1993 г. археологической экспедицией Таманского музея под руководством Э. Р. Устаевой. Также к этой эпохе относится 225 объектов хозяйственного и производственного назначения.

Помимо этого, нами был впервые исследован и ряд комплексов эпохи эллинизма IV–II вв. до н. э. (Рис. 2). К ним относятся материалы двух зольников, четырех погребений младенцев в амфорах и 5 хозяйственных ям. Наиболее интересный материал для нашей темы дали два зольника, откуда происходит подавляющее большинство амфорной тары эпохи эллинизма, большая часть которой имеют клейма.

Объекты №№ 15, 15А. Зольник в южной части раскопа вытянутой формы длиной 8,5 м и шириной от 0,7 м в южной части до 1,8 м в северной, мощность слоя до 0,85 м. Часть амфор, зафиксированных в зольнике имеют клейма [10, Приложение 1¹, Гераклея Понтийская: №№ 3–8; Синопа: № 10, 56, 58], которые датируют объект с середины IV по первую четверть III в. до н. э.

Объект № 265. Зольник в северо-восточной части раскопа в виде глубокой овальной ямы (исследованная часть имеет размеры 18 × 7 м), заполненной серой рыхлой супесью с большим содержанием золы и раковин мидий. Мощность слоя достигает от 0,8 м до 1,2 м. В слое также зафиксировано значительное количество амфорных клейм, прежде всего III–II вв. до н. э. [10, Приложение № 1, № 2 — Фасос; №№ 11–15, 17, 20, 21, 23, 27, 29–32, 35, 39, 41, 44, 53, 55–Синопа; №№ 62, 63, 65, 67, 69–Родос; №73–неизвестный центр].

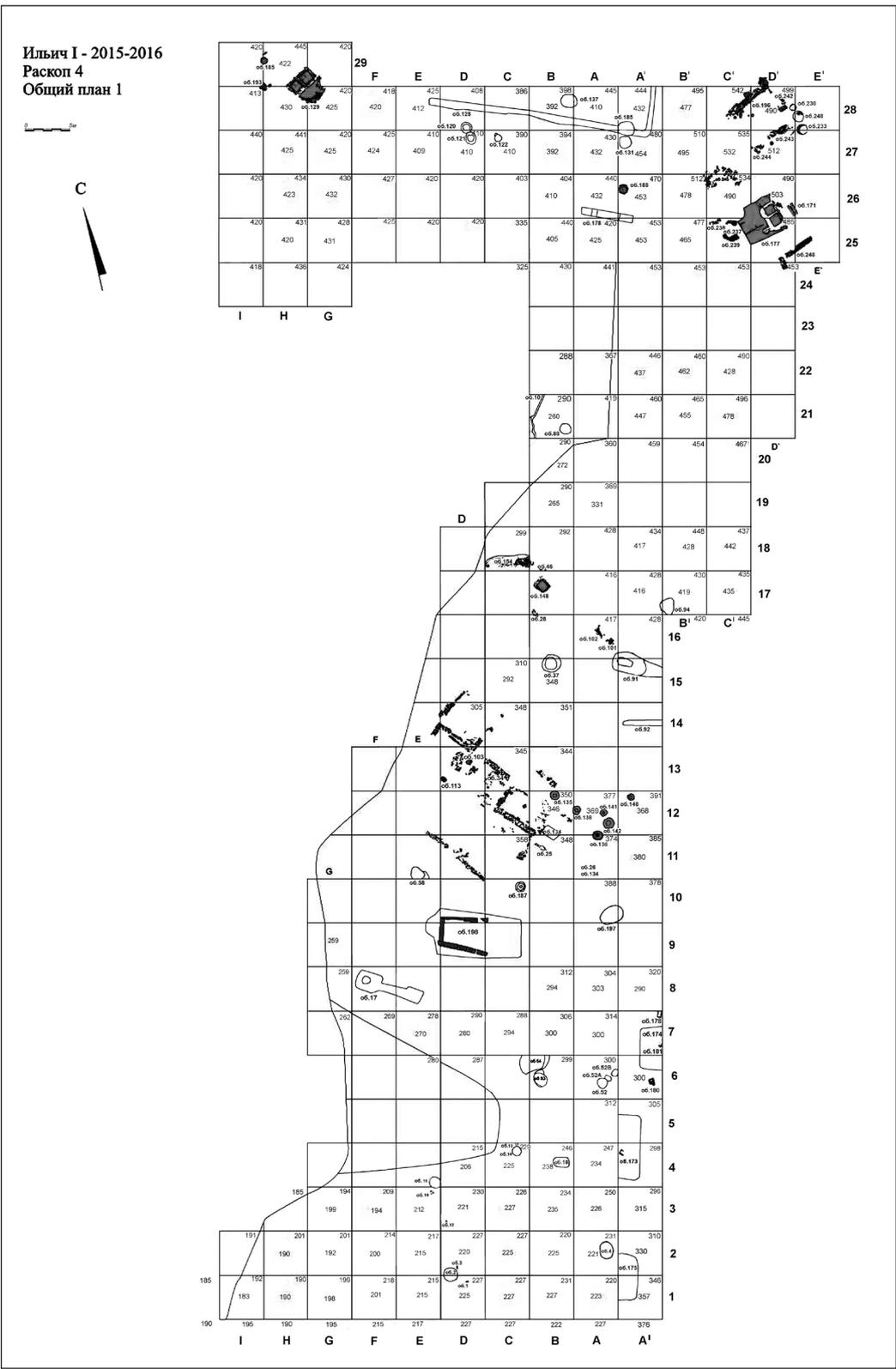
А. А. Завойкин полагал [3, с. 67], что пространство, отделяющее береговую линию от основного поселения, скорее всего, не было застроено и, возможно, в районе раскопа «Берег-1» в IV–II вв. до н. э. находилось небольшое сельское поселение. Эту гипотезу подтверждают открытие комплексов эпохи эллинизма в 2015–2016 годах. Об этом говорят и монетные находки: из 28 определимых монет — 23 монеты относятся к IV–II вв. до н. э. Судя по мощным зольникам в северо-восточной и юго-восточной частях раскопа, поселение IV–II вв. до н. э. располагалось к востоку и северу от границ раскопа. Вероятно, речь идет как минимум о двух усадьбах эллинистического времени.

Всего на раскопе «Берег-IV» было найдено 77 клейм, в том числе: Фасос — 2, Родос — 9, Кос — 3, Синопа — 51, Гераклея — 6, Боспор — 2, неопределенные центры производства — 4.

На основании полученного материала, можно предварительно говорить об обычном для сельских поселений 2-й половины IV в. до н. э. сочетании относительно небольшого количества фасосских и гераклейских клейм. Затем, в последней четверти IV в. до н. э. появляются и клейменные амфоры Синопы. Подавляющее количество клейменной амфорной тары III в. н. э. происходит из Синопы и лишь в последней четверти III века можно видеть появление родосского вина, которое полностью преобладает в товарообороте во II в. до н. э. К этому же времени, III–II вв. до н. э., можно отнести, вероятнее всего, появление косского вина. В I в. до н. э. можно наблюдать уже полное преобладание гераклейского вина в амфорах «псевдокосского облика» [11, с. 630–632].

Самым неожиданным было открытие комплексов эпохи поздней бронзы — раннего железа [12, с. 127–129] (Рис. 3), которые В. С. Бочкарёв отнес их к сабадиновской культуре XII–X вв. до н. э. К протомеотской эпохе были

¹ Все определения клейм были сделаны ст. н. с. СПбИИ РАН Н. А. Павличенко. См. также результаты предварительной обработки клейм [11, с. 627–633]

*Рис. 1. Поселение Ильич-I. Раскоп Берег-IV.
План раскопа с комплексами раннеримского периода: I в. до н. э. — I в. н. э.*

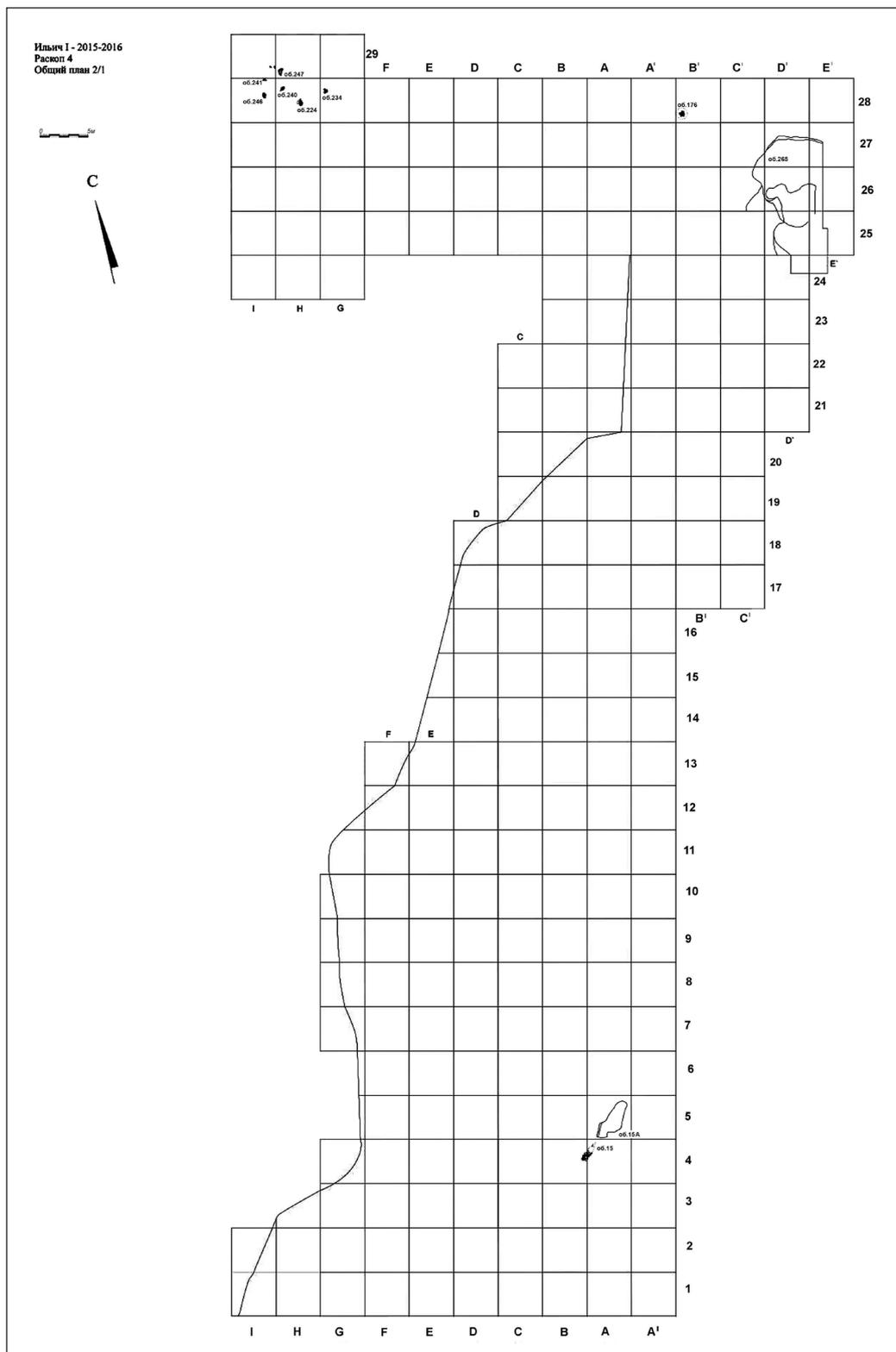

Рис. 2. Поселение Ильич-I. Раскоп Берег-IV.
План раскопа с комплексами эллинистического периода: IV в. до н. э. — II в. до н. э.

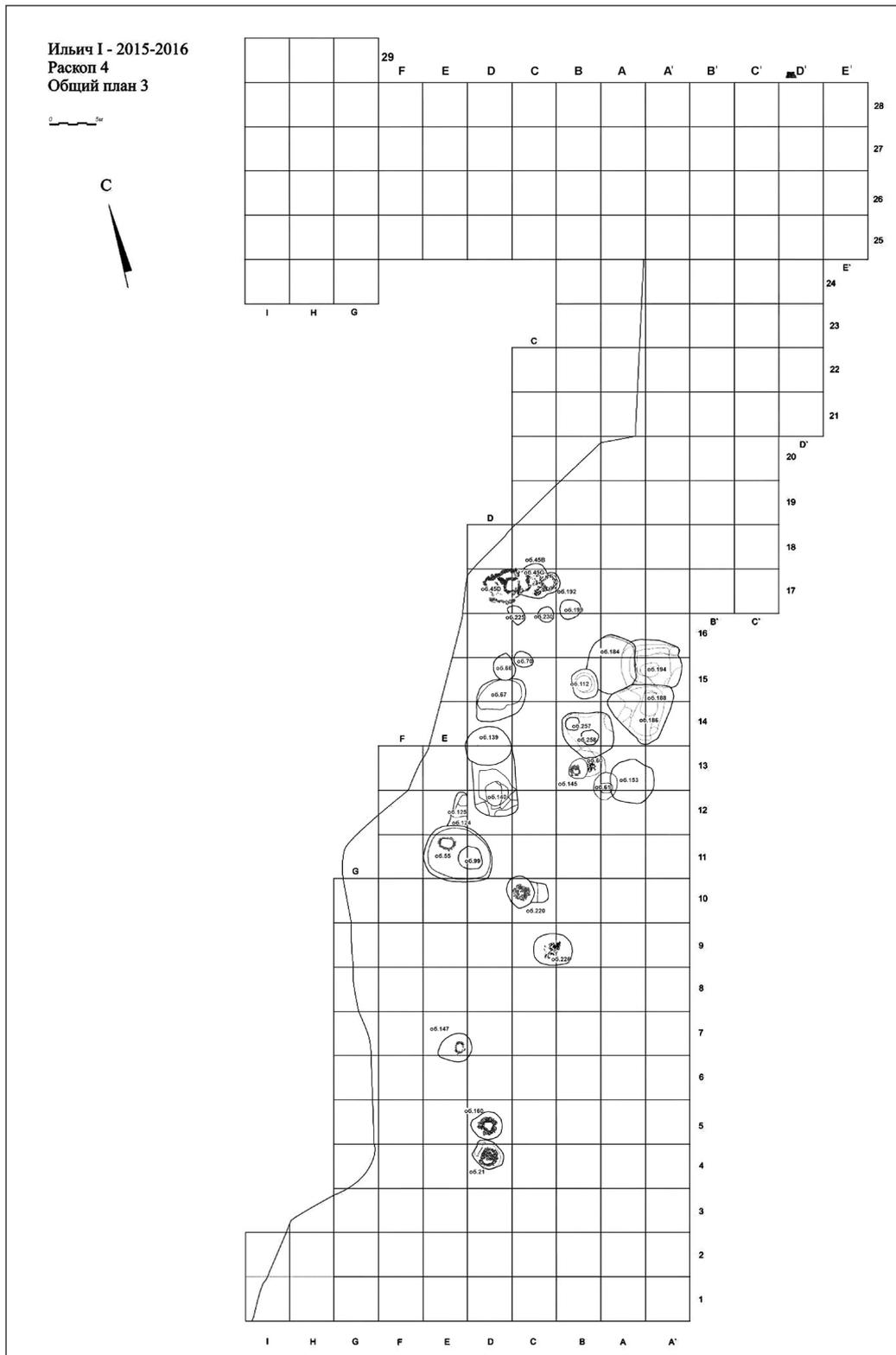

Рис. 3. Поселение Ильич-I. Раскоп Берег-IV. План раскопа с комплексами периода поздней бронзы-раннего железа: XII в. до н. э. — VIII/VII в. до н. э.

отнесены лишь два лепных сосуда: ковш с высокой ручкой и кружка с верхним выступом на ручке. Вероятно, перед нами комплексы, которые можно пока предварительно датировать поздним бронзовым веком. К ним относятся материалы 6 каменных колодцев и материалы 10 объектов, назначение которых пока до конца неясно. Во всех объектах, как хронологический индикатор, была встречена специфическая лепная керамика (ковши с петлевидными ручками — (объект № 192), ковши с выступами на ручках (объекты № 188-189), лепная чернолощенная керамика с выделенной шейкой (объекты №№ 225, 229, 257, 45А, Е, D, 55, 145-145А, 156, 199), лепные чернолощенные сосуды с двумя ручками (объекты №№ 60, 145).

По мнению И. И. Марченко², ряд сосудов, прежде всего, сосуды с двумя ручками, трудно отнести к протомеотской эпохе, так как такие типы посуды не типичны для данного времени, но находки этих типов керамики совместно с ковшом с петлевидной ручкой в заполнении объекта № 192 говорят, скорее всего, об их одновременности и выявлении новой группы керамики этой эпохи.

Можно выделить следующие типы открытых нами сооружений:

1. каменные колодцы (объекты №№ 55, 76D, 226, 220, 145, 192);

2. ямы глубиной до 5-6 м диаметром до 6-10 м (объекты № 67, 153, 164, 188-189, 194-194А) неизвестного назначения;

3. Каменное сооружение — «водохранилище», примыкающее к каменному колодцу (объекты №№ 45А-Е и 192).

Вероятно, перед нами система колодцев или водосборник в центре архаического поселения, которое можно датировать по керамике VIII-VII вв. до н. э. Сударев Н. И. высказал мнение, что это система тройной очистки/фильтрации воды, которая проходит

через систему каменных фильтров. Подобная точка зрения вполне возможна, но она нуждается в дополнительных доказательствах и параллелях. Этой точке зрения несколько противоречит мощный слой органики и угля на дне в помещении 1 и находки лепной керамики и костей лошадей на уровне водоносного слоя в помещении 3. Также следует отметить связь этого комплекса с каменным колодцем, замыкающим данный объект с востока. Вполне возможно, что данное сооружение выполняло не только производственные функции, но и функции, связанные с культом воды у догреческого населения.

Данные раскопки открыли новый памятник протомеотской эпохи на Тамани, где такие памятники только начали выявляться. В. Р. Эрлиху был известен на момент написания монографии всего 1 памятник, выявленный на Тамани и отнесенный им к приморско-абинскому варианту протомеотских памятников — поселение на городище Патрей [13, с. 36]. За последнее время на Тамани был открыт ряд новых памятников данной эпохи. [8, с. 95-102]. Это поселения Тузла 7 и балка Хреева, некрополь Юбилейный, слои и некрополь VIII-VI вв. до н. э. в Гермонассе, комплексы на Балке Лисовицкого и на Хреева 1³.

Выводы: Таким образом, в результате раскопок у пос. Ильич были открыты археологические комплексы трех хронологических горизонтов: эпохи поздней бронзы — раннего железа, эпохи эллинизма и раннеримского времени. Наиболее уникальны для данного региона открытые в 2015-2016 гг. комплексы эпохи поздней бронзы — раннего железа, где представлены комплексы, связанные с водоснабжением значительной территории. Вполне вероятно, что большие ямы, вырубленные в слое железистого песчаника (типа 2) также служили резервуарами для воды,

² Моя искренняя благодарность за ценные консультации по протомеотской керамике моему дорогому коллеге: к.и.н., профессору КУБГУ И. И. Марченко.

³ Приношу большую благодарность за эти данные к.и.н., с.н.с. ИА РАН Н. И. Судареву.

так как на их дне прослежен слой черной илистой глины. Пока это, конечно, предварительная точка зрения.

Открытые нами на Тамани комплексы, дают новые данные о картине

обитания Таманского полуострова в догреческую и греческую эпоху и говорят о весьма высоком уровне развития материальной культуры местного населения.

-
1. Завойкин А. А. Полевой отчет о раскопках на Ильичевском городище в 1996 году // Архив ИА РАН, Р. 1, № 20186
 2. Завойкин А. А. Полевой отчет о раскопках на Ильичевском городище в 1997 году // Архив ИА РАН, Р. 1, № 21190
 3. Завойкин А. А. Археологический комплекс «Ильичевское городище». Итоги исследований и перспективы. Москва, 1997а. Рукопись статьи по плановой теме в 1997 году. 112 с., илл.
 4. Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры. Докл. XIV Международн. конф. антиковедов соц. стран «Эйрене». Ереван, 1979. т. I-II. С. 378-380.
 5. Николаева Э. Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. № 168. С. 88-92.
 6. Николаева Э. Я. Ильичевское городище — крепость трапезитов // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 180-191
 7. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 // Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1. 10. 1992 г.
 8. Сударев Н. И. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. СПб., 2014. С. 95-102
 9. Устаева Э. Р. Раскоп «Берег-1» // Николаева Э. Я., Устаева Э. Р. Отчет о работах Ильичевского отряда ИА ТАЭ РАН г. Москвы и Ильичевского отряда Таманского отдела Краснодарского музея-заповедника в 1993 г. / Архив ИА РАН, Р-1, Ф. 1, № 18018., с. 25-33
 10. Шаров О. В. 2017. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории поселка Ильич Темрюкского района Краснодарского края Российской Федерации в 2015 году. СПб, ИИМК РАН. 735с, 1784 рис.
 11. Шаров О. В., Павличенко Н. А. Предварительные итоги исследований амфорных клейм, происходящих из раскопок береговой части поселения Ильич-1 // XVIII Боспорские чтения, Симферополь-Керчь, 2017. С. 627-633.
 12. Шаров О. В. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские Чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский государственный университет, 2016. С. 127-129.
 13. Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М: Наука. 2007. 430 с.

The settlement Ilyich-1, investigated in 2015-2016 by expeditions of IHMC RAS (St. Petersburg), IA RAS (Moscow) and ANO "SRC" (Saratov), is located around the famous monument of archeology — ancient hillfort Ilyichevskoe. The settlement is located by the north-eastern outskirts of the village Ilyich, about 2 km northeast from the cape of Chushka and about 0.5 km from the modern coastal cliff [height 35 m above sea level].

Keywords: settlement, antiquity, late bronze, Hellenism, Roman time

УДК 904

С. А. Шестаков

Находки из урочища Биэли

Урочище Биэли находится к западу от Керчи вблизи кургана Куль-Оба. В урочище имеются остатки татарской деревни Биэли конца XIV — начала XVIII вв., античное поселение Октябрьское III двух периодов: IV — III вв. до н.э. и I — III вв. н.э. и его некрополь. Исследовано женское погребение I в. Выявлен пункт с находками мезолита Биэли.

Ключевые слова: деревня Биэли, средневековье, античное поселение, некрополь, инвентарь, мезолит.

Урочище Биэли находится на территории Ленинского района Республики Крым в бассейне реки Мелек-Чесме. Река начинается западнее посёлка Багерovo и принимает один приток с левой стороны — реку Катерлес, и три притока с правой стороны: реки Андреевскую, Кушайресийскую и Биэльскую. К этим притокам в были приурочены деревни и хутора нового времени. На реке Катерлес — Малый Бабчик и Катерлес (село Войково). На Андреевской речке — Куурдак (Джанакбат, Андреевка). На остальных речках им эпонимные деревни: Кушайреси и Биэли. В пределах этих пунктов имеются колодцы, рядом пруды или

водохранилища. В этих же местах существовали древние поселения. В бассейне реки Катерлес — двенадцать античных поселений Войково I — XII. На Андреевской речке — античные поселения Андреевка Южная, Андреевка Северная. На всех реках устроены пруды и водохранилища, затопившие некоторые археологические памятники разных эпох, главным образом поселения каменного и бронзового веков.

В верховьях Биэльской речки находится система балок, собирающая поверхностные воды атмосферных осадков. Незначительная часть воды поступает в реку из подземных источников. Речка, пройдя пропил парабо-

лического хребта, продолжения Митридатской гряды, входит в достаточно широкую живописную долину, где находилась деревня Биэли с колодцем и прудом, числившаяся уже в XVIII веке бывшей деревней [Топографическое описание, 1886. С. 168]. В долине хорошо выражены надпойменные террасы. Деревня Биэли занимала обе террасы и располагалась на обоих берегах речки. С востока к долине примыкает гора Ссыпанная. На вершине горы, в её восточной части, находился курган Куль-Оба. К северу к долине примыкает большой двугорбый холм (гора Бигельская), на котором находится античное поселение Октябрьское III. Далее река проходит по каменистому ущелью и Мелекчесменской низменности и впадает в реку Мелек-Чесме.

В урочище Биэли обнаружены находки разного времени. Античное поселение на скальном холме открыто разведками С. А. Семёнова и В. Э. Кунина в 1958 году [Семёнов, Кунин, 1962. С. 258, № 4]. Урочище стало известно В. В. Веселову. Им также проведены разведки в 1960 и 1964 годах [Веселов, 2005. С. 36, № 117/314-3]. Установлено, что поселение повреждено. Остатки поселения на холме в урочище Биэли И. Т. Кругликовой учтено как поселение Октябрьское III [Кругликова, 1975, С. 261, № 65].

18 августа 1976 года урочище посетил автор. В западной части поселения Октябрьское III найдено клеймо синопской амфоры:

Ἀστυνόμ[ου]

Ναύλωνος τοῦ

Καλλισθένου. руль

[Ар]ίστωος (ККК 8606) 237 г. до н.э. по Н.Ф. Федосееву

Местность посещалась автором и профессором МГУ Г. И. Соколовым в июле 1978 году для осмотра остатков кургана Куль-Оба и других объектов, открытых П. А. Дюбрюксом на горе Ссыпанная.

Тогда же было осмотрено и урочище Биэли и поселение Октябрьское III, которое находится вблизи Куль-Обы.

Следующие исследования проводились автором. 7 октября 1978 г. проведён осмотр урочища. При этом были обнаружены стены домов деревни Биэли. Собрана красноглиняная и поливная керамика с жёлтой и зелёной поливой без орнаментации и керамический подсвечник с зелёной поливой. Татарская деревня Биэли существовала в 14 — 17 веках и была заброшена уже к началу 18 века, как это описано в Топографическом описании. Однако к середине 19 века местность вновь ненадолго была заселена. Ко времени осмотра урочища сохранялся колодец, обложенный камнем с водоподъёмным устройством типа «журавль». Через каменистое ущелье протекал ручей, впадая в реку Мелек-Чесме, как её правый приток. На ручье вблизи колодца был устроен пруд с земляной плотиной. В благоприятные годы, при незначительном травяном покрове, на поверхности хорошо различались стены домов деревни. Длинные стороны стен зданий ориентированы с юго-востока на северо-запад. Деревня располагалась по обе стороны ручья. На месте деревни найдена поливная керамика зелёного и желтого цвета без росписи и фрагмент керамического поливного подсвечника зелёного цвета. Позднее были найдены металлические изделия, главным образом, татарские украшения.

В 1979 году в этой долине Приморским заводом строительных материалов заложен карьер для добычи известняка-ракушечника. При вскрыше этого месторождения обнаружилось античное погребение, о чём машинист камнерезной машины Лопатин сообщил в музей, предупредив о намерении рабочих произвести самостоятельные раскопки. Этими рабочими погребение частично, действительно, было повреждено. Спасательные рас-

¹ Владимир Анатольевич Долонин, работник Керченской СРБ, активист отдела древней истории с 1972 по 1984 гг. Оказывал отделу неоценимое содействие в археологической работе. Извещал о разрушении памятников в ходе земляных работ на территории Керчи. Доставил в музей много ар-

копки проведены 19 апреля 1979 года при участии активиста отдела древней истории В. А. Долонина¹.

Погребение собой представляет прямоугольную яму 2,31 x 0,67 м, вырытую в грунте на глубину около 1,4 м, ниже яма выдолблена в слое жёлтого известняка-ракушечника на глубину 1,05 м. Заполнение ямы — глинистая земля с крошкой известняка-ракушечника. При зачистке обнаружен женский костяк с раздавленным черепом и кости от предыдущего погребения: одна бедренная кость и две берцовые кости. Женский скелет находился в вытянутом положении. Ориентация погребения западная. У правой берцовой кости находилось два стеклянных бальзамия. В ногах женского костяка стоял светильник, с левой стороны стояла краснолаковая чашка. На ней лежал опрокинутый краснолаковый кувшин. Рядом с кувшином находился железный нож. Бусы найдены в области шеи. Отдельно бусы находились в деревянной пиксиде. Под тазом скелета лежало круглое бронзовое зеркало диаметром 15 сантиметров. Общая глубина могилы до вскрыши карьера составляла около 2,45 м от современной дневной поверхности.

Описание исследования находится в дневнике № 2 [Шестаков, 1978 — 1980. С. 70 — 75] и в отчёте о разведках. Инвентарь поступил в фонды Керченского историко-археологического музея:

1. Браслет бронзовый. КМ — 3918;
2. Бусы. Б — 1830 — 1851;
3. Бальзамирий стеклянный. КМАС — 763;
4. Бальзамирий стеклянный. КМАС — 764;
5. Бальзамирий стеклянный. КМАС — 765;
6. Браслет бронзовый. КМ — 3917;
7. Кувшинчик двуручный. КМАК — 6726;

8. Светильник двухрожковый. КС — 649;

9. Чашка краснолаковая. КМАК — 65725;

10. Нож железный. КМ — 3914;

11. Фрагмент пиксиды деревянной. б/н, КП — 11005;

12. Пряслице керамическое. КХ — 14538;

13. Футляр для амулета. КМ — 3915;

14. Колокольчик бронзовый. КМ — 3916;

15. Доски от гроба. КД — 185;

Бронзовое зеркало, лежавшее под тазом погребённой, оказалось совершенно разрушенным: полная утрата металла и множественная фрагментарность.

Погребение женщины 30 — 40 лет. Дата по совокупности всех находок — 1 в. н. э. Впоследствии место, где разрабатывался карьер, периодически наблюдалось, но других погребений не обнаружилось.

К средневековью относятся находки одного подсвечника с зелёной глазурью, а также керамики красноглиняной и поливной зелёного и жёлтого цвета без орнаментации. Подъёмный материал собран 7 октября 1978 г. Находки связаны с функционированием деревни Биэли с конца XIV до начала XVIII вв. На левом берегу речки сохранились остатки строений и даже видна планировка деревни.

25 апреля 1979 г. осмотрено место карьера. На плотине пруда найденно кремнёвое массивное остриё и пять обломков кремня, несколько позже найден вкладыш кукрекского типа. Их дата — тарденуаз. Следовательно, наиболее ранним памятником урочища было поселение эпохи мезолита, разрушенное самим существованием деревни. История урочища Биэли начинается с мезолитического поселения, находившегося на второй надпой-

археологических предметов, собранных на новостройках. Пользовался документами археолога-любителя В. В. Веселова, хранившихся в краеведческой комнате Керченской городской библиотеки имени В. Г. Белинского. Теперь живёт в городе Измаил. В библиотеке ещё сохраняются остатки археологических документов В. В. Веселова.

менной террасе левого берега ручья в antecedентом положении у пропила параболической гряды. Таким образом, найденные только два кремнёвых изделия и пять обломков кремня даёт основание считать это место новым памятником каменного века, а именно — пунктом с отдельными находками мезолита с названием Биэли [Шестаков, 2008. С. 208]. Пункт добавляет число мезолитических памятников, открытых Л. Г. Мацкевым [Мацкевой, 1975. С. 105]. Небольшое количество находок обусловлено разрушением мезолитической стоянки функционированием

в течение нескольких столетий татарской деревни. Обе находки найдены на плотине пруда, созданной перемещением грунта со второй надпойменной террасы левого берега ручья. Очевидно, там первоначально и находилось мезолитическое поселение.

В урочище Биэли открыты памятники мезолита, античности и средневековья. Не менее интересно урочище с точки зрения исторического ландшафтоведения. Уникальность ландшафта и наличие источников воды обеспечили заселённость урочища в течении долгого времени.

-
1. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949 — 1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum II. — М., 2005.
 2. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975
 3. Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1975.
 4. Топографическое описание земель, доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землям 1774 года. Опубликовал П. Зелёный. // ЗОО — VII. — Одесса, 1886. — С. 91.
 5. Семёнов С. А., Кунин В. Э. Разведки на Керченском полуострове. АИБ. Т. 2. — Симферополь, 1962 — С. 257 — 262.
 6. Шестаков С. А. Новые памятники каменного века в Крыму. // НСКЗ. В. 2. — Керчь, 2008. — С. 205 — 246.
 7. Шестаков С. А. Дневник № 2 охранных раскопок, разведок и наблюдений. 1978 — 1980 гг.

The tract of Bieli located to the west of Kerch near the barrow Kul-Oba. In the tract immediately Tatar village Bieli, ancient settlement Oktjabrskoe III in two periods — IV — III BC and I — III AD and its necropolis. Studied female burial I AD. Revealed finds of Mesolithic.

Keywords: Tatar village, Bieli, Middle Ages, ancient settlement, necropolis, inventory, Mesolithic

УДК 902

В. Ю. Юрочкин

Керченский полюс готской проблемы

В Крыму впервые предметы материальной культуры готов были обнаружены в Керчи в 1855 г. и вывезены в Великобританию. Во второй половине XIX в. украшения и детали костюма эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья из Керчи часто попадали в коллекции европейских музеев. Благодаря Ж. де Бай эти находки стали эталоном для выделения собственно готских древностей из общей массы изделий германцев. Керченский регион признавался местом зарождения ювелирных стилей эпохи Великого переселения народов. В то же время отечественные исследователи (Н. П. Кондаков, М. И. Ростовцев и др.) связывали их происхождение с сармато-аланским миром. Во время Великой Отечественной войны изображения древностей из Керчи использовались фашистскими оккупантами в пропагандистских целях. В послевоенное время на волне антифашистских настроений было признано единственно возможным их местное (сармато-аланское) происхождение. Артефакты из Керчи сыграли важную роль в развитии готской археологии и в дискуссиях по «готскому вопросу» во второй половине XIX-XX вв.

Ключевые слова: Керчь, археология, готы.

Керченский полуостров — один из наиважнейших регионов страны, где зарождалась отечественная наука о древностях, в том числе — готских. Впервые их обнаружил в 1855 г. в Керчи Д. Мак-Ферсон — врач оккупационного корпуса британской армии времён Крымской войны. На склоне г. Митридат он раскопал ряд склепов, откуда извлёк несколько артефактов раннесредневекового периода, в том числе две пальчатые фибулы (рис. 1). Археологические трофеи были вывезены в Англию. Несмотря на ошибочную атрибуцию предметов как «варяжских», он верно подметил их связь с германским средневековым миром [22, р. 135].

Во второй половине XIX в. число подобных раннесредневековых предметов в музеях Европы возрастало, прежде всего, за счёт артефактов, поставлявшихся на «чёрный рынок» керченскими «счастливчиками». Среди них выделялась группа предметов, изготовленных в т. н. «полихромном стиле», составлявшем характерный атрибут варварского костюма эпохи Великого переселения народов. Сходство находок из Южной России с западноевропейскими представлялось достаточно очевидным. Это замечали не только специалисты, но обычные посетители экспозиций [13, с. 128; 14, с. 145]. Тем более, что это находило основу и в письменной

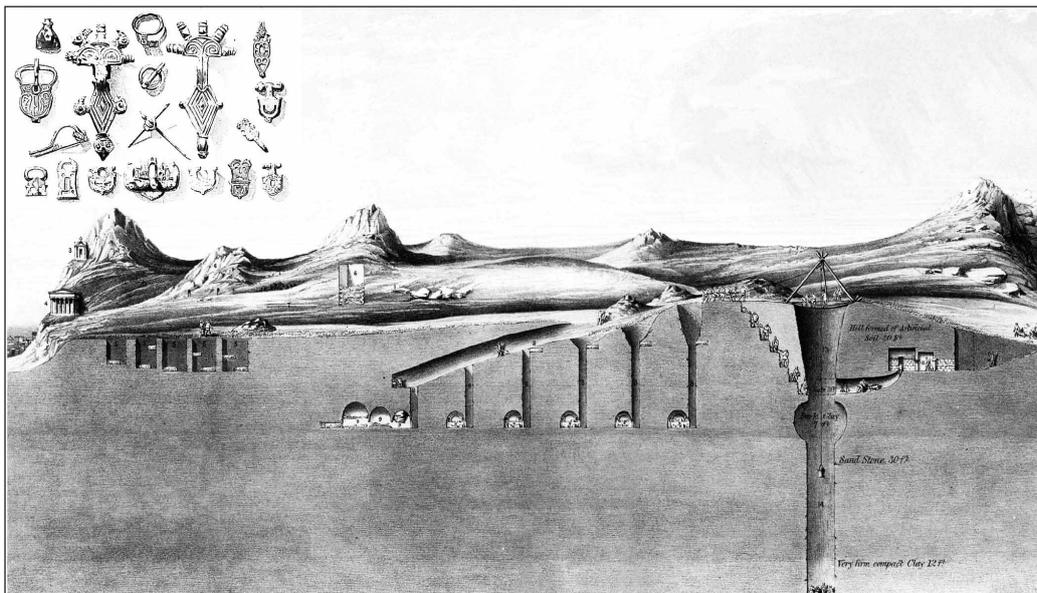

Рис. 1. Раскопки «известковых гробниц» и находки из «варяжских могил» (по: McPherson, 1857)

традиции, памятуя известный пассаж Прокопия Кесарийского о готях-трапезитах [6, с. 20-24, 75].

Научное объяснение этому любопытному факту попытался дать французский антикварий, барон Ж. де Бай, атрибутировавший находки из Керчи как принадлежащие готам (рис. 2). При этом он считал германские украшения из Керчи наиболее древними, ставшими после миграции части готов на Запад ос-

новой формировавшегося варварского искусства эпохи Великого переселения народов [19; 20]. Благодаря ему Керченский регион стал рассматриваться как центр развития подобного искусства.

Иную версию происхождения стиля инкрустаций параллельно предложил отечественный искусствовед-византист Н. П. Кондаков, полагая, что традиция полихромных изделий корнями уходит в «азиатский» (скифо-сармат-

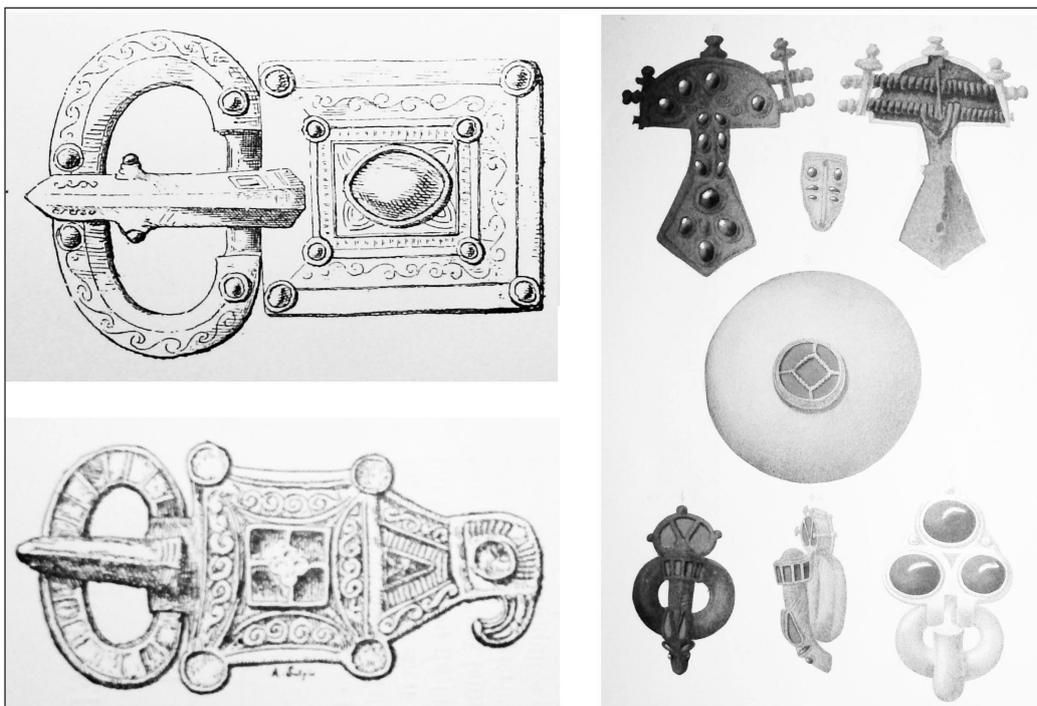

Рис. 2. Предметы «готского стиля» из Керчи (по Ж. де Бай)

ский) мир. Принадлежность западноевропейских предметов различным племенам германцев не отрицалась, но в ней германцы-готы выступали лишь как носители стиля, «родившегося на Востоке и через племена Средней Азии, проникшие на Северный Кавказ и берега Дона, сосредоточившегося в Южной России и по берегам Дуная» [11, с. 4-10, 147]. Вместе с тем, понятие «готский стиль» и «готский тип» все больше проникало в отечественную науку. Опровергнуть столь категоричную этническую атрибуцию керченских находок пытался Э. Р. Штерн [12]. Однако «понтийская версия» происхождения зооморфного стиля и стиля инкрустаций уже пустила корни в западноевропейской археологии [18; 21]. Керчь продолжала рассматриваться как «законодатель мод» раннесредневековых германцев. Мировую известность Керчи принёс обширный городской «некрополь на Госпитальной улице» (северный склон г. Митридат), исследовавшийся В. В. Шкорпиллом, в частности, гробницы 1904 г., раскопанные керченскими «счастливыми» [1, с. 286-288].

После 1917 г. «азиатскую» версию Н. П. Кондакова развил М. И. Ростовцев. В ней создателями и проводниками стиля выступали не собственно готы, а сармато-аланы, втянутые в процесс миграций после гуннского вторжения [9, с. 138-139]. Позднее учёный в поисках компромисса между западноевропейской «гото-понтийской» версией и отечественной «азиатской», писал о смешении готов и алан на Боспоре, формировании ими особой цивилизации и даже создания гото-аланского царства на юге России [10, с. 94].

Методологической основой указанных версий являлись концепции диффузионизма и миграционизма, господствовавшие на Западе. К концу 1920-х гг. в СССР они отвергались как «буржуазные» [7]. Несмотря на это обстоятельство и отъезд Н. П. Кондакова и М. И. Ростовцева за границу, авторитет их идей среди отечественных учёных оставался достаточно весомым [5].

Формируя свою стадиальную концепцию развития истории народов Крыма В. И. Равдоникас, использовал упомянутый тезис о готизации-сарматизации Боспора в III-IV вв., но сместил акценты и свёл его к проблеме феодализации автохтонного населения Таврики, выступавшего в разные эпохи под разными именами [8, с. 45]. Стадиальная теория В. И. Равдоникаса формировалась под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов и, несмотря на неоднократную критику, долгое время оказывала влияние на отечественную археологическую мысль [17, с. 297-308].

Во время Великой Отечественной войны фашистские оккупанты посредством «готского вопроса» пытались доказать свои исторические права на Крымский полуостров [2, с. 235-257; 17, с. 327-344]. В историко-пропагандистских изданиях особой популярностью пользовалось изображение диадемы «готского стиля», ещё до революции вывезенной из Керчи и хранившейся в собрании кельнского фабриканта И. фон Диаргардта (рис. 3). Специальные команды оккупантов организовали буквальную охоту за «золотым чемоданом», в котором находились предметы из драгоценных металлов, эвакуированных из Керченского музея [3], в их числе инкрустированная диадема из «Марфовского клада 1926 г.» [4, с. 90, рис. 25].

После победы над фашизмом в Крыму наблюдалась обратная реакция, направленная на последовательную и полную дискредитацию «готского вопроса». Не последнюю роль в этом сыграл и тезис о гото-аланском происхождении ювелирного искусства Керчи эпохи Великих миграций. По понятным причинам, значение готов в этом процессе было отвергнуто, а древности атрибутировались как исключительно сармато-аланские. Причём эта атрибуция была распространена и на раннесредневековые древности юго-западного Крыма [15; 16]. Подобное представление сохранялось в науке как минимум до начала 1990-х гг. [17, с. 387-439].

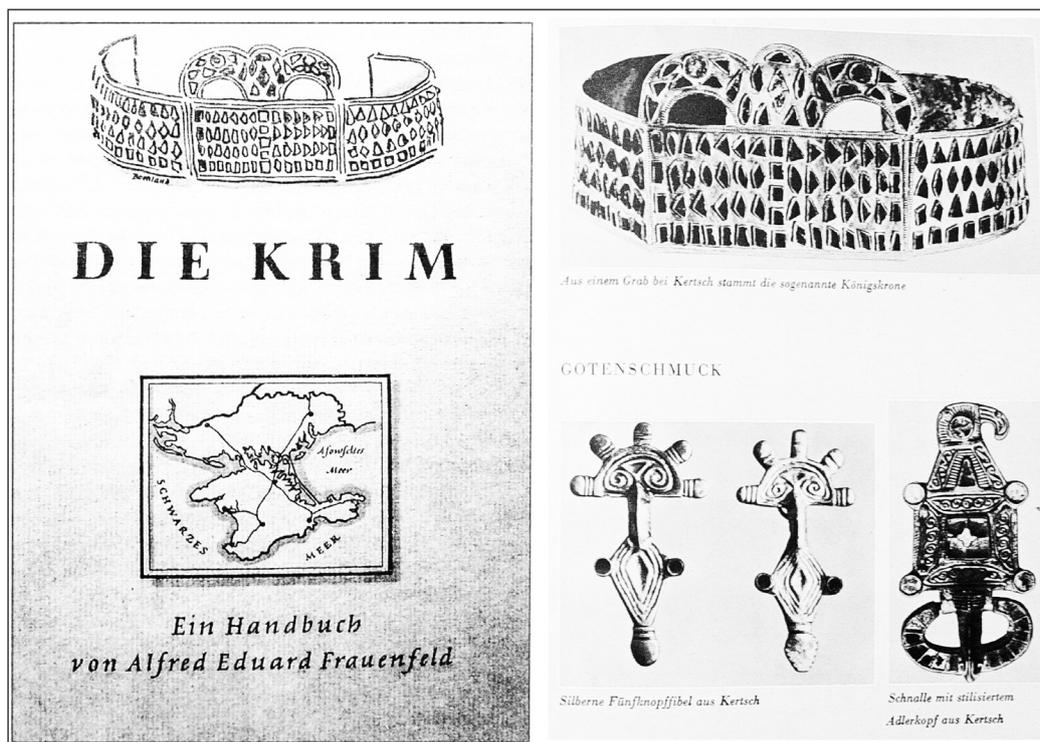

Рис. 3. Изображение диадемы из Керчи в немецких пропагандистских изданиях (1942 г.)

Из вышесказанного следует, что представления об этнической атрибуции керченских древностей (противопоставление «готской» и «сармато-аланской» версий их происхождения)

оказали значительное влияние не только на развитие археологической мысли, но и даже отразились в политической жизни страны.

Список сокращений

- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 БИ — Боспорские исследования. Керчь-Симферополь
 ПАВ — Петербургский археологический вестник. С-Петербург.
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.
 ИАК — История и археология Крыма. Симферополь.

1. Виноградов Ю. А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии // БИ. — 2012. — Вып. 27. — 364 с.
2. Кизилев М. Б. Крымская Готия. История и судьба. — Симферополь: Наследие тысячелетий, 2015. — 351 с.
3. Кончин Е. В. Тайна «золотого чемодана». — Симферополь: Таврия, 1989. — 78 с.
4. Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. — Керчь, 1926. — 96 с.
5. Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. — Л., 1926. — 68 с.
6. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках [пер. С. П. Кондратьева]. — М.: Арктос, 1996. — 302 с.
7. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. — 1930. — Т. 7. — Вып. 3-4. — 94 с.
8. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. — 1932. — Т. 12. — С. 5-105.
9. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. — Пгр.: Огни, 1918. — 190 с.

-
10. Ростовцев М. И. Сарматы (из главы «Сарматы и парфяне»): Cambridge Ancient History. — 1936. — 11. — р. 91-104 [перевод В. А. Горончаровского] // ПАВ. (ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М. И. Ростовцева). — 1993. — №5. — С. 91-97.
 11. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времён переселения народов. — СПб., 1890. — 207 с.
 12. Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства: археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 г. // ЗООИД. — 1897. — Т. 20. — С. 1-15.
 13. Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. — М: Госполитиздат, 1962. — Т. 19. — 674 с.
 14. Энгельс Ф. Происхождения семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1962. — 745 с.
 15. Юрочкин В. Ю. «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // На-ртекс. Byzantina Ukrainensis. — Харьков, 2013. — Т. 2. — С. 392-412.
 16. Юрочкин В. Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // ИАК. — 2016. — Вып. 4. — С. 187-204.
 17. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. — Симферополь: Сонат, 2017. — 495 с.
 18. Almgren O. Studien uber Nordeuropaischen Fibelformen. — Stockholm, 1897. — 243 S.
 19. Baye J. Les bijoux Gothiques de Kersch // Revue archeologique. — 1888. — P. 1-10.
 20. Baye J. De l'influence de l'art des Goths en Occident // Communication faite au Congrès historique et archeologique de Liège (aout 1890). — Paris: Librairie Nilsson, 1891. — P. 1-7.
 21. Martin F. R. Fibulor och soljor fran Kertch // Bihang til Kongl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Manadsblad 1894. — Stockholm, 1897. — S. 1-27.
 22. McPherson D. Antiquities of Kertch, and researches in the Cimmerian Boshorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea. — London: Smith, Ender & CO., Cornhill, 1857. — 166 p.

In Crimea for the first time the objects of material culture were discovered in Kerch in 1855 and exported to the UK. In the second half of the XIX century decorations and details of the costume of the era of the Great Migration of Nations and the early Middle Ages from Kerch often were fallen in the collections of European museums. Thanks to J. de Baye, these findings have become a standard for the distinguish of the Gothic antiquities from the total mass of products of the Germans. The Kerch region was recognized as the emergence of jewelry styles from the era of the Great Migration of Nations. At the same time researchers (N. P. Kondakov, M. I. Rostovtsev, etc.) linked them origin with to the Sarmatian-Alanian world. During the Great Patriotic War images of antiquities from Kerch were used by fascist invaders for propaganda purposes. In the postwar period, on the wave of anti-fascist sentiments, their local (Sarmato-Alan) origin was recognized as the only possible one. Artifacts from Kerch were played a role in the development of Gothic archeology and in discussions on the «Gothic question» in the second half of the XIX-XX centuries.

Keywords: Kerch, archeology, Goths

Сведения об авторах

Асташова Наталья Сергеевна, научный сотрудник Отдел искусства и археологии Античного мира ФГБУК Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Россия, г. Москва)

Батасова Анжела Владимировна, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Россия, г. Санкт-Петербург)

Бейлин Денис Владиславович, научный сотрудник отдела археологических исследований и охраны памятников ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» (Россия, г. Керчь), научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Россия, г. Симферополь)

Болонкина Елена Владимировна, старший научный сотрудник отдела фондов ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» (Россия, г. Керчь)

Будо Андрей Юрьевич, старший преподаватель кафедры геодезии и аэрокосмических геотехнологий, Белорусский национальный технический университет (Беларусь, г. Минск)

Бутягин Александр Михайлович, заведующий сектором археологии Северного Причерноморья отдела Античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж», преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский Государственный университет» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Вахонеев Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований» (Россия, г. Симферополь)

Вахтина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Виноградов Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Винокуров Николай Игоревич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет (Россия, г. Москва)

Ворошилов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Ворошилова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Журавлёв Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУК «Государственный исторический музей» (Россия, г. Москва)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

Каспаров Алексей Каспарович, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Колосов Владимир Павлович, младший научный сотрудник Отдела Античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Кудряшова Аксинья Ильинична, студентка магистратуры Свободного университета (Германия, г. Берлин)

Кучеревская Нина Львовна, кандидат искусствоведения, заведующая отделом «Лapidарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Ланцов Сергей Борисович, кандидат исторических наук, заведующий отделом ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (Россия, г. Симферополь)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (Россия, г. Симферополь)

Михайлов Арсений Михайлович, заместитель заведующего отделом археологических исследований и охраны памятников ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» (Россия, г. Керчь)

Меньшиков Максим Юрьевич, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (Россия, г. Москва)

Муратова Майя Борисовна, доктор философии (PhD), профессор факультета искусства и истории искусств университета Адельфай (Гарден Сити, Нью-Йорк, США)

Науменко Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (Россия, г. Симферополь)

Ольховский Сергей Валерьевич, заведующий Центром подводного археологического наследия Института археологии РАН (Россия, г. Москва)

Пигин Александр Петрович, кандидат технических наук, консультант кафедры инженерной геодезии Белорусского национального технического университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Переводчикова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института Археологии РАН (Россия, г. Москва)

Пономарёв Леонид Юрьевич, научный сотрудник Археологического центра БФ «Дементра» (Россия, г. Керчь)

Рукавишникова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (Россия, г. Москва)

Смекалов Сергей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Учебно-практической лаборатории «Палата древностей» ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

Соколова Людмила Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Столяренко Павел Геннадьевич, старший научный сотрудник отдела археологических исследований и охраны памятников ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» (Россия, г. Керчь)

Супренков Александр Анатольевич, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ФГБУН Институт археологии РАН (Россия, г. Москва)

Толстикова Владимир Петрович, кандидат исторических наук, заведующий Отделом искусства и археологии Античного мира ФГБУК Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Россия, г. Москва)

Тугушева Ольга Виленовна, кандидат искусствоведения, заместитель заведующего Отделом искусства и археологии Античного мира ФГБУК Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Россия, г. Москва)

Федосеев Николай Федорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Россия, г. Симферополь)

Хршановский Владимир Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт археологии РАН (Россия, г. Москва)

Шаров Олег Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Шестаков Семён Алексеевич, и. о. заведующего историко-археологическим отделом ГБУ РК «ВКИКМЗ» (Россия, г. Керчь)

Юрочкин Владислав Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (Россия, г. Симферополь)

Ярцев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

Authors

Astashova Natalia Sergeyevna, A Researcher of the Department of Art and Archeology of the Ancient World FSBIC State Museum of Fine Arts named after A. S. Pushkin (Russia, Moscow)

Batasova Angela Vladimirovna, A Candidate of the Historical Sciences, an independent researcher, (Russia, St. Petersburg)

Beilin Denis Vladislavovich, a Researcher of the Department of Archeological Research and Monument Protection of the SBI RC "Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve" (Russia, Kerch)

Bolonkina Elena Vladimirovna, a Senior Researcher of the Department of Funds of the SBI RC "Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve" (Russia, Kerch)

Budo Andrei Yurievich, a Senior Lecturer at the Department of Geodesy and Aerospace Geo Technologies of the Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, Minsk)

Butyagin Alexander Mikhailovich, the Head of the Sector of Classical archeology of the Northern Black Sea Coast of the State Hermitage, professor of St. Petersburg State University, head of Myrmekion and Stabian archaeological expeditions (Russia, St. Petersburg)

Fedoseev Nikolai Fedorovich, a Candidate of Historical Sciences, a senior researcher of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. (Russia, Simferopol)

Kasparov Aleksey Kasparovich, a Doctor of History, a professor of the Department of History and Archeology of Tula State Pedagogical University named after Lev Tolstoy (Russia, Tula)

Khishanovskiy Vladimir Andreevich, a Candidate of Philosophy, a researcher of the Department of "Classical Archeology" of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Kolosov Vladimir Pavlovich, a junior researcher of the Department of Ancient World of the State Hermitage museum (Russia, St. Petersburg)

Kucherevskaya Nina Lvovna, a Candidate of Cultural Studies, Head of the Department "Lapidary" of the SBI RC "Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve" (Russia, Kerch)

Kudryashova Aksinya Ilyinichna, a student of the Master's Degree at the Free University (Germany, Berlin)

Lantsov Sergey Borisovich, a Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of Institute of archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences (Russia, Simferopol)

Maiko Vadim Vladislavovich, Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences (Russia, Simferopol)

Menshikov Maxim Yurievich, a Researcher of the Department of the Archaeological Heritage of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Mikhailov Arseniy Mikhailovich, the Deputy Head of the Department of Archeological Research and Monument Protection of the SBI RC "Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve" (Russia, Kerch)

Muratova Maya Borisovna, PhD, an Associate Professor, Department of Art and Art History, Adelphi University, (Garden City, NY, USA)

Naumenko Valery Evgenievich, a Candidate of Historical Sciences, an assistant professor of Tavrida Academy of FSAEI HE "Crimean Federal University named after V. I. Vernadskiy" (Russia, Simferopol)

Olkhovskiy Sergey Valerievich, the Head of the Center of Underwater Archaeological Heritage of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Perevodchikova Elena Vladimirovna, a Candidate of Historical Sciences, a Researcher of the Department of the Archaeological Heritage of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Pigin Aleksandr Petrovich, a Candidate of Technical Sciences, an Advisor at the Department of Geodesy and Aerospace Geo Technologies of the Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, Minsk)

Ponomarev Léonid Yurievich, a researcher of the Archeological Centre of the «Demetra» Foundation (Russia, Kerch)

Rukavishnikova Irina Viktorovna, a Candidate of Historical Sciences, a Researcher of the Department of Scythian-Sarmatian Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Sharov Oleg Vasilievich, a Doctor of History, a leading researcher of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

Shestakov Semion Alekseevich, a senior scientific worker of the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (Russia, Kerch)

Smekalov Sergey L'vovich, a Candidate of Historical Sciences, a senior researcher of the Educational and scientific laboratory "Chamber of Antiquities" at Tula State Pedagogical University named after Lev Tolstoy (Russia, Tula)

Sokolova Lyudmila Anatolievna, a Candidate of Historical Sciences, a senior researcher of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

Stolyarenko Pavel Gennadievich, a senior researcher of the Department of Archeological Research and Monument Protection of the SBI RC "Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve" (Russia, Kerch)

Suprenkov Alexander Anatolyevich, a junior researcher of the Department of Preservation of the Archaeological Heritage of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Tolstikov Vladimir Petrovich, a Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Art and Archeology of the Ancient World of the FSBIC "State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin" (Russia, Moscow)

Tugusheva Olga Vilenovna, a Candidate of History of Arts, the Deputy Head of the Department of Art and Archeology of the Ancient World of the FSBIC "State Museum of Fine Arts named after A. S. Pushkin" (Russia, Moscow)

Vakhoneev Viktor Vasilyevich, a Candidate of Historical Sciences, the Deputy Director on Scientific Work — the Head of the Underwater Archeology Department of "The Black Sea Underwater Research Center" (Russia, Simferopol)

Vakhtina Marina Jurievna, a Candidate of Historical Sciences, a senior scientific researcher of the Institute of the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences (IHMC RAS), (Russia, St. Petersburg)

Vinogradov Yuriy Alekseevich, a Doctor of Historical Sciences, a Leading Scientific Researcher of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

Vinokurov Nikolay Igorevich, a Doctor of History Sciences, a professor, the Chairman of the Department of Ancient and Medieval History of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University» (Russia, Moscow)

Voroshilov Alexey Nikolayevich, a Candidate of Historical Sciences, a researcher of the Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Voroshilova Olga, a Candidate of Historical Sciences, a researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Yurochkin Vladislav Yur'evich, A Candidate of the Historical Sciences, a senior researcher of the Department of Medieval Archeology FSBIS "Institute of Archeology of Crimea", the Russian Academy of Sciences (Russia, Simferopol)

Yartsev Sergey Vladimirovich, a Doctor of History, the Head of the Department of History and Archeology of Tula State Pedagogical University named after Lev Tolstoy (Russia, Tula)

Zhuravlev Denis Valerievich, A Candidate of Historical Sciences, a Leading Researcher of the FSBIC "The State Historical Museum" (Russia, Moscow)

Zubarev Viktor Gennad'yevich, a Doctor of History, a professor of the Department of History and Archeology of Tula State Pedagogical University named after Lev Tolstoy (Russia, Tula)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	4
--	---

<i>Толстиков В. П., Тугушева О. В., Асташова Н. С.</i> О времени основания Пантикапея	12
--	----

<i>Болонкина Е. В.</i> Рецензия Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 1. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 2.	27
--	----

<i>Бутягин А. М.</i> Водоснабжение древнего Мирмекия	31
---	----

<i>Вахонеев В. В.</i> Комплексный подход к археологическому изучению античного городища Акра	38
--	----

<i>Вахтина М. Ю., Столяренко П. Г.</i> Об особенностях погребального обряда Порфмийского некрополя	45
--	----

<i>Виноградов Ю. А., Каспаров А. К.</i> Необычные ямы античного поселения Артющенко–1 на Таманском полуострове	55
--	----

<i>Винокуров Н. И., Пигин А. П., Будо А. Ю.</i> К тридцатилетию Артезианской археологической экспедиции. Опыт организации топографо-геодезических работ на памятнике Артезиан	60
--	----

<i>Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.</i> Новейшие исследования некрополя Фанагории	69
---	----

<i>Журавлёв Д. В., Батасова А. В., Кудряшова А.И.</i> Исследования на поселении Голубицкая-2 в 2013-2016 гг.	73
<i>Зубарев В. Г., Ярцев С. В., Смекалов С. Л.</i> Археологические исследования 2016 на городище Белинское в Восточном Крыму	81
<i>Колосов В. П.</i> Анализ пропорций ионических капителей Боспора	93
<i>Кучеревская Н. Л.</i> Комплекс архитектурных деталей склепа с росписью из некрополя Нимфея: исследование и реставрация	100
<i>Майко В. В., Ланцов С. Б.</i> Археология Керченского полуострова в работах сотрудников Института археологии Крыма в начале XXI века	108
<i>Михайлов А. М.</i> Актуальные проблемы охраны памятников в Республике Крым в российском законодательном поле	115
<i>Ольховский С. В.</i> Подводные раскопки на объекте археологического наследия «Бухта Ак-бурун»	118
<i>Рукавишников И. В., Меньшиков М. Ю., Переводчикова Е. В.</i> Спасательные работы на сельской усадьбе Боспора (поселение Тасуново, раскопки 2016 г.)	121
<i>Столяренко П. Г., Бейлин Д. В., Михайлов А. М.</i> Об одном из направлений пространственного развития сельскохозяйственной округи Мирмекия	127

<i>Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю.</i> Ритуальные салтово-маяцкие комплексы на поселении гора Чиркова 1 (по материалам исследований Таманско-Керченского отряда)	136
<i>Толстиков В. П., Муратова М. Б.</i> О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н. э. в свете новейших археологических исследований	144
<i>Федосеев Н. Ф., Бейлин Д. В.</i> Охранные исследования некрополя Мирмекия	150
<i>Хршановский В. А.</i> Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины)	158
<i>Шаров О. В., Соколова Л. А.</i> Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015-2016 гг.....	167
<i>Шестаков С. А.</i> Находки из урочища Биэли	176
<i>Юрочкин В. Ю.</i> Керченский полюс готской проблемы	180
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	185

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 12 (2017)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашонок*

Подписано в печать 15.08.2017
Формат 189×283, Усл. печ. л. 22,55
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908